W 520
176

W 520/176 c1

Е. С. Шумигорскій

ЕКАТЕРИНА ИВАНОВНА

НЕЛИДОВА

(1758—1839)

(Очеркъ изъ исторіи императора Павла)

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ,

исправленное и дополненное, съ портретами, рисунками и автографами.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Лештуковская Паровая Скоропечатня П. О. Яблонскаго. Лештуковъ пер., № 13
1902.

Всесоюзная
БИБЛИОТЕКА
имени
В.И. ЛЕНИНА
57632-41

2007041574

Екатерина Ивановна Нелидова

(1787 г.)

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

Царствованію императора Павла въ послѣднее время посчастливилось въ русской исторической литературѣ: о немъ появились новые документы и изслѣдованія, имѣющіе ту особенную цѣну, что они, уясняя факты, выводятъ, наконецъ, личность императора Павла изъ анекдотическаго тумана, которымъ она окружена была цѣлое столѣтіе; вмѣстѣ съ тѣмъ, собирается громадный матеріалъ для освѣщенія жизни русскаго общества Павловскаго времени и созидается тотъ историческій мостъ между царствованіями Екатерины II и Александра I, отсутствіе котораго такъ чувствовалось и чувствуется при изученіи событій русской исторіи начала XIX-го вѣка. Уже теперь результаты этой исторіографической работы подтверждаютъ мысль кн. Вяземскаго, близко знавшаго современниковъ Павловскаго царствованія: „Все царствованіе Павла, вѣроятно, излишне очернено. Довольно и того, что было, но партіи не довольствуются истиною". Мы, съ своей стороны, полагаемъ, что исторія, въ концѣ концовъ, сдѣлаетъ свое дѣло: провѣритъ факты, объяснитъ ихъ, и тогда истина, въ смыслѣ исторической закономѣрности, освобожденная отъ всего случайнаго и наноснаго, займетъ подобающую ей высоту, до которой не достигаетъ ни похвала, ни порицаніе...

Но всѣ мы—люди: въ прошломъ своей родной страны, даже самомъ отдаленномъ, мы ищемъ оправданія своимъ воззрѣніямъ, а въ историческихъ нашихъ занятіяхъ, на

рубежѣ XIX-го и XX-го вѣковъ, смотримъ на событія рубежа XVIII-го и XIX-го съ точки зрѣнія своихъ идеальныхъ общественныхъ требованій, какъ, дастъ Богъ, неизмѣримо свысока будутъ смотрѣть и на насъ потомки наши рубежа XX и XXI-го вѣковъ. Изучая событія Павловскаго царствованія, мы не можемъ сочувствовать нравственному уровню этого желѣзнаго вѣка, хотя въ открывающемся предъ нами историческомъ калейдоскопѣ не можемъ не удивляться оригинальной комбинаціи политическихъ силъ, постоянно боровшихся между собою, но дѣйствовавшихъ въ одномъ и томъ же направленіи и приводившихъ къ одной и той же цѣли. Императоръ Павелъ, напр., во все кратковременное свое царствованіе жаждалъ уничтоженія сословныхъ привилегій, водворенія правды и законности въ государствѣ, но, по революціонному духу времени, для достиженія этихъ цѣлей употреблялись и революціонныя средства: административный произволъ, ссылка и кнутъ; эта двойственность въ политикѣ Павла чувствовалась всѣми: недаромъ французы называли его якобинцемъ на тронѣ, крестьяне—Пугачевымъ, а раскольники—царемъ Развѣемъ. Съ другой стороны, враги Павла — „наши русскіе Мирабо, за измятое жабо хлеставшіе Гаврилу и въ усъ, и въ рыло“, были-ли это масоны или „вольтерьянцы“—все равно,—смотрѣли на совершавшіяся кругомъ событія, очевидно, съ иной точки зрѣнія, чѣмъ ихъ крѣпостные, и „les droits de l'homme“ прилагали лишь къ себѣ и къ своему сословію. Первый шагъ къ уравненію сословій былъ сдѣланъ несомнѣнно императоромъ Павломъ, и хотя произведенная имъ „революція сверху“ не сопровождалась такими ужасами, какъ французская, но жертвой ея сдѣлался онъ самъ. Въ этомъ смыслѣ, по моему глубокому убѣжденію, Павелъ Петровичъ есть одно изъ самыхъ

трагическихъ лицъ нашей исторіи: фанатикъ своихъ идей, онъ велъ непрерывно борьбу одинъ противъ всѣхъ, и духовныя его силы оказались недостаточны, чтобъ безнаказанно вынести на себѣ всю ея тяжесть...

Наблюдая этотъ измѣнчивый круговоротъ политическихъ идей и борьбу страстей человѣческихъ, съ сопровождавшими ихъ повсюду низкими свойствами человѣческой природы: эгоизмомъ, предательствомъ, жестокостью,— историкъ отдыхаетъ на изображеніи лицъ, проявившихъ въ волнующемся житейскомъ морѣ красоту душевную, которая вездѣ и во всѣ вѣка, какъ высшее выраженіе человѣчности, невольно возбуждаетъ сочувствіе и удивленіе, и въ сущности является залогомъ нравственнаго совершенства общества, указывая каждому, чѣмъ онъ долженъ быть. Люди, носящіе у себя въ сердцѣ эту искру Божію, не даютъ заглохнуть ей и у другихъ; напротивъ, они питаютъ ее, поддерживаютъ ея пламя, и, такимъ образомъ, среди ужасовъ политической и общественной борьбы, не позволяютъ ея дѣятелямъ забывать самаго священнаго для нихъ званія — человѣка и тѣмъ укрѣпляютъ, увеличиваютъ ихъ нравственныя силы. Павелъ Петровичъ въ теченіе 20 лѣтъ, въ самое тяжелое время своей жизни, имѣлъ возлѣ себя именно такого преданнаго, безкорыстнаго друга, полагавшаго свое личное счастіе въ счастіи видѣть его добрымъ, любимымъ и уважаемымъ и постоянно напоминавшаго ему о вѣчныхъ, христіанскихъ началахъ любви и правды. Другомъ этимъ была фрейлина его супруги, императрицы Маріи Ѳеодоровны, — Екатерина Ивановна Нелидова, и на ея именно характеристикѣ я, какъ историкъ Павловскаго времени, и позволяю себѣ немного отдохнуть.

Возсоздать полный образъ Нелидовой, исторія которой заключается въ развитіи жизни по-преимуществу внутрен-

ней,—довольно затруднительно: историческая психологія, какъ и всякая другая, есть, въ большинствѣ случаевъ, палка о двухъ концахъ. Поэтому въ предлагаемомъ очеркѣ жизни Нелидовой я ограничился лишь выпавшею на ея долю исторической ролью—ролью поэта, который, по отношенію къ Павлу,

„И чувства добрыя въ немъ лирой пробуждалъ,
И милость къ падшимъ призывалъ"...

4-го марта 1898 г.

I.

Дѣтство Нелидовой.—Пріемъ ея въ Смольный институтъ.—Характеристика институтскаго воспитанія временъ Екатерины.—Отношеніе смольнянокъ къ обществу и значеніе ихъ въ исторіи русской женщины.—Первый выпускъ Смольнаго института 1776 года.—Нелидова, какъ одна изъ піонерокъ русскаго просвѣщенія и „людскости“ въ XVIII вѣкѣ.

Восемнадцатый вѣкъ есть по примуществу женскій вѣкъ нашей исторіи: Екатерина I, Анна Іоанновна, Анна Леопольдовна, Елисавета Петровна, Екатерина II, въ теченіе 70 лѣтъ управляли судьбами Россіи, почти безъ перерыва слѣдуя другъ за другомъ; наконецъ царствованіе государя, закончившее собою этотъ богатый событіями вѣкъ,—царствованіе несчастнаго по своей судьбѣ императора Павла, тѣсно связано, въ свѣтлыхъ своихъ сторонахъ, со скромнымъ именемъ Екатерины Ивановны Нелидовой, дочери простого армейскаго поручика. Долгое время имя это окружено было таинственностію, которая, по словамъ единственнаго біографа Нелидовой, „быть можетъ, придавала нѣкотораго рода прелесть ея памяти“ [1]). Но таинственность эта, въ концѣ концовъ, однако, должна

---

[1]) „Е. И. Нелидова“, „Русскій Архивъ“, 1872, 2073.—Анонимная статья эта, какъ намъ достовѣрно извѣстно, принадлежитъ перу покойнаго князя Алексѣя Борисовича Лобанова-Ростовскаго.

была оказаться призрачною для такого крупнаго историческаго лица. Могущество вліянія Нелидовой на Павла Петровича, чистота ея репутаціи и безкорыстіе побужденій, оригинальная простота ея обстановки, служили предметомъ постоянныхъ, большею частію мало доброжелательныхъ, толковъ современниковъ. При распущенности нравовъ высшаго русскаго общества XVIII вѣка, благодаря обычному пошловатому его „умоначертанію“, имъ легко было разгадать по своему личность Нелидовой и характеръ ея отношеній къ Павлу I: имена Лавальеръ, Помпадуръ, Дюбарри и Елисаветы Воронцовой сами собою просились на языкъ каждому. Но простѣйшее объясненіе фактовъ, благодаря сложности жизненныхъ отношеній, не всегда бываетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ вѣрнымъ, и, при болѣе внимательномъ изученіи данныхъ, оставшихся намъ отъ Павловскаго времени, аналогія роли Воронцовой съ ролью Нелидовой является по меньшей мѣрѣ неполною. Уже теперь можно сказать съ увѣренностію, что фаворитизмъ Нелидовой при Павлѣ возбуждаетъ не фривольный, а чисто-психологическій интересъ: нервная, надломленная и суровая натура Павла Петровича, въ естественномъ стремленіи своемъ къ душевному равновѣсію, находила себѣ, въ свойствахъ ума и характера Нелидовой, нѣкоторое успокоеніе и поддержку; съ своей стороны, въ сознаніи искренности своихъ отношеній къ Павлу, Нелидова, до конца своей жизни остававшаяся восторженно-сентиментальной смольянкой, гордилась мыслію, что ей какъ бы суждено быть ангеломъ-хранителемъ государя, личныя свойства котораго, на-ряду съ тяжелыми обстоятельствами его жизни, внушали ей живое участіе. И дѣйствительно, Екатерина Ивановна Нелидова долгое время была другомъ Павла Петровича, хотя, къ несчастію для него и для себя, не съумѣла остаться имъ на всегда.

О дѣтствѣ Нелидовой не сохранилось подробныхъ свѣдѣній. Извѣстно только, что она родилась 12 декабря 1758 года отъ брака поручика Ивана Дмитріевича Нелидова съ Анной Александровной Симоновой, въ селѣ Кли-

мятинѣ, Смоленской губерніи, Дорогобужскаго уѣзда [1]). Родители ея были люди весьма зажиточные, имѣя до 500 душъ крестьянъ, въ Смоленской и Тверской губерніяхъ, но и семейство ихъ было многочисленное: у маленькой Кати Нелидовой, кромѣ сестры Натальи, было, кажется, шесть братьевъ: Ѳеодоръ, Андрей, Александръ, Аркадій и Любимъ (по-семейному) [2]). Дѣтскіе годы Нелидовой протекли, безъ сомнѣнія, при одинаковыхъ условіяхъ съ дѣтствомъ всѣхъ помѣщичьихъ дѣтей того времени, среди пяпюшекъ и мамушекъ, на лонѣ деревенской природы, мирныя впечатлѣнія которой навсегда отпечатлѣлись въ воспріимчивой душѣ дѣвочки. Для питомцевъ пяпюшекъ и мамушекъ природа не была бездушной: одухотворенная народной поэзіей, въ сказкахъ и преданіяхъ, она уже говорила уму и сердцу ребенка прежде, чѣмъ онъ могъ осмыслять ея явленія, и Нелидова впослѣдствіи, среди роскоши придворной жизни, никогда не забывала роднаго ей Климятина, его рѣчепки „Царицы-водицы“ [3]), струи которой осѣнены

[1]) Свѣдѣнія эти заимствованы изъ хранящейся въ архивѣ Смольнаго института копіи съ „Объявленія“, сдѣланнаго матерью дѣвицы Катерины Нелидовой при опредѣленіи ея въ институтъ въ 1765 г. Ими опровергается дата рожденія Екатерины Ивановны – 1756 г., встрѣчающаяся у Карабанова („Статсъ-дамы“ и проч.) въ „Русской Старинѣ“ 1871, I, 463, а равно въ „Родословномъ Сборникѣ“ Руммеля и Голубцова, II. 144, и въ „Русскомъ Архивѣ“ 1873, 2160. На надгробномъ памятникѣ Нелидовой, какъ мы имѣли случай убѣдиться, вовсе не обозначенъ годъ ея рожденія, хотя для него и оставлено было мѣсто: 17( ) дня.

[2]) Въ „Родословномъ Сборникѣ“ Руммеля и Голубцова не значится у Нелидовой ни одной сестры, а только первые четыре брата Любимъ и Наталья Нелидовы, по бумагамъ, сохранившимся въ вѣдомствѣ учрежденій императрицы Маріи, имѣли родного брата, д. т. с. Аркадія Ивановича Нелидова, бывшаго роднымъ братомъ и Екатерины Ивановны. Наталья Ивановна, оставшаяся въ дѣвицахъ, въ концѣ жизни жила въ зданіи Смольнаго монастыря въ томъ же его фасѣ, гдѣ жила и Екатерина Ивановна и скончалась чрезъ шесть лѣтъ послѣ нея, въ 1845 г.

[3]) Еще въ 1797 г. Нелидова писала императору Павлу, проѣзжавшему въ то время Смоленскую губернію: „Selon mon calcule vous devez avoir passé déjà hier devant ce fameux Климятино dont vous me taisiez tant de peur à votre départ. Je suis sûre pourtant que vous aurez été sage et que Царица-водица n'aura point réfléchi Vos traits dans ses eaux si bien ombragées d'arbres touffus qui effrayaient mon enfance...“ „Осьмнадцатый Вѣкъ“, III, 431.

были густыми деревьями, пугавшими дѣвочку. Но тихая, уединенная жизнь въ Климятинѣ не могла благопріятствовать образованію дѣтей, а родители Нелидовой, очевидно, понимали пользу образованія даже для дѣвочекъ, о чемъ большинство дворянъ того времени и не думали. Едва только сдѣлалась извѣстна въ глухой провинціи повость объ открытіи въ Петербургѣ, подъ особымъ покровительствомъ императрицы Екатерины, воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ при Смольномъ монастырѣ, какъ Анна Александровна Нелидова рѣшилась ѣхать въ Петербургъ, вмѣстѣ съ дочерью своей Екатериной, едва достигшей 6-ти-лѣтняго возраста, чтобы ходатайствовать о пріемѣ ея въ новое, дотолѣ неслыханное по своимъ задачамъ и обстановкѣ учебное заведеніе. Нужно знать, что, желая создать посредствомъ воспитанія „новую породу людей“, императрица Екатерина пробовала устранить отъ воспитываемыхъ дѣвицъ всякое постороннее вліяніе и потому поставила правиломъ, чтобы родители, при пріемѣ дочерей ихъ въ воспитательное общество, давали подписку не брать ихъ изъ заведенія до окончанія курса, который продолжался 12 лѣтъ: тогда только поймемъ мы жертву материнской любви Анны Александровны, представившей свою дочь на первый пріемъ воспитательнаго общества въ началѣ 1765 года. „По публикованному о воспитаніи благородныхъ дѣвицъ уставу видя ея императорскаго величества воспитательнаго общества учрежденій и будущую отъ того пользу, желаю препоручить въ оное дочь нашу Екатерину, рожденную отъ мужа моего Ивана Дмитріевича Нелидова“, такъ писала она въ своемъ, какъ выражались тогда, „Объявленіи“.

Резолюціей императрицы на этомъ объявленіи: „слѣдуетъ принять“, маленькая Нелидова оторвана была отъ родной семьи и, едва начавъ жизнь сознательно, попала въ иную семью, въ новую, совершенно чуждую ей обстановку. Она очутилась среди полусотни подобныхъ ей дѣвочекъ 4—6 лѣтъ, изъ которыхъ, многія едва умѣли еще говорить; вмѣсто нянюшекъ, медлительно вязавшихъ свои чулки и еще медлительнѣе тянувшихъ нескончаемыя

сказки объ Иванѣ-царевичѣ, появились образованныя француженки и нѣмки, не знавшія по-русски и почти исключительно заботившіяся о томъ, чтобы ихъ маленькія питомицы поскорѣе усвоили себѣ французскую и нѣмецкую рѣчь и „благородныя манеры“ [1]); о деревенскомъ просторѣ и свободѣ нечего было и думать: вся жизнь „благородныхъ дѣвицъ“ протекала въ красивомъ каменномъ квадратномъ зданіи, окружающемъ нынѣ Смольный соборъ, на окраинѣ города, у берега Невы, и поставлена была въ строгія, опредѣленныя рамки. Короче, все было приспособлено къ тому, чтобы созданіе „новой породы людей“ не могло встрѣтить затрудненій.

Цѣлью учрежденія Смольнаго института было воспитаніе дѣвицъ въ духѣ гуманности, путемъ развитія ихъ ума и сердца, чтобы сдѣлать ихъ впослѣдствіи „отрадою семействъ“ и способными не только смягчать „жестокіе“ и „пепстовые“ нравы русскаго общества XVIII вѣка, но и воспитывать дѣтей. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, императрица была противъ того, чтобы дѣвицы „умничали“, и оттого обученіе ихъ въ Смольномъ носило попреимуществу свѣтскій характеръ: все направлено было главнымъ образомъ лишь къ тому, чтобы онѣ умѣли держать себя въ обществѣ, вести непринужденный разговоръ на французскомъ языкѣ, быть любезными и веселыми и отнюдь не проявлять жеманства или кокетства. Всѣ разнообразныя цѣли эти дѣйствительно достигались, благодаря особымъ заботамъ Екатерины, перваго попечителя института Ивана Ивановича Бецкаго и всего учебно-воспитательнаго персонала заведенія, во главѣ котораго стояла француженка, вдова дѣйствительнаго статскаго совѣтника, Софія Ивановна Делафонъ. Институтъ представлялъ изъ себя одну семью, такъ какъ дѣти были постоянно вмѣстѣ и воспитательницы такъ же, какъ и Делафонъ, были при нихъ неотлучно: „это была по словамъ одной изъ институтскихъ

---

[1]) Уставъ заведенія предписывалъ наставницамъ неотлучно находиться при воспитанницахъ и главнымъ образомъ наблюдать, затѣмъ, чтобы онѣ не оставались однѣ со служанками.

подругъ Нелидовой, община сестеръ, подчиненныхъ однимъ общимъ для всѣхъ правиламъ; единственнымъ отличіемъ между воспитанницами служили достоинство и таланты. Делафонъ была умной наставницей, замѣнявшей воспитанницамъ мать и служившей имъ руководительницей: всѣ институтки обращались къ ней за совѣтомъ и дорожили ея мнѣніемъ о томъ или другомъ своемъ поступкѣ" [1]). Делафонъ дѣйствительно не только хотѣла, но и умѣла посвятить себя своимъ воспитанницамъ, которыя, по выраженію устава Смольнаго института, „яко драгоцѣнный для нея, для государства и отечества залогъ, были ввѣрены благоразумному ея попеченію". По уставу, всѣ надзирательницы должны были поступать съ воспитанницами во всемъ съ крайнимъ благоразуміемъ и кротостію. „соединяя оныя неипаче съ непринужденною веселостію, и сіе внушать молодымъ дѣвицамъ, дабы симъ способомъ отвращенъ былъ и самый видъ всего того, что скукою, грустью или задумчивостію назваться можетъ". Для достиженія этой цѣли надзирательницы обязаны были „скрывать отъ воспитываемыхъ ими дѣтей свои собственныя, домашнія огорченія" и всѣми мѣрами „не допускать у нихъ уныпія и задумчивости". Самое преподованіе не имѣло сухого, тѣмъ болѣе удручающаго для дѣтей характера. Уроки были бесѣдами ученицъ съ учительницами, которыя должны были особенно заботиться о томъ, чтобы дѣвицы „не привыкли излишне важничать и унылый видъ являть" имѣть въ виду свойства характера и способностей каждой воспитанницы, а въ случаѣ нерадѣнія или лѣности ограничиваться увѣщаніями виновной; высшей мѣрой наказанія было „пристыженіе" предъ классомъ, что, впрочемъ, очень рѣдко встрѣчалось, а нераскаянныхъ ставили иногда на колѣни во время обѣдни. Уставъ института требовалъ также, чтобы „госпожи учительницы

[1]) Воспоминанія Ржевской въ „Русскомъ Архивѣ", 1871, I; Тихачева: Матеріалы для исторіи женскаго образованія въ Россіи, I 173.

по окончаніи классовъ употребляли по нѣскольку времени вступать съ воспитанницами въ разговоры, дозволяя каждой сказывать и объяснять свои мысли съ пристойной вольностію". Учебныя занятія и сами по себѣ не были обременительны. За 12 лѣтъ пребыванія въ институтѣ дѣвицы должны были выучиться „исправно", читать писать и говорить, кромѣ отечественнаго, на французскомъ, нѣмецкомъ и итальянскомъ языкахъ, обучиться Закону Божію, ариѳметикѣ, исторіи, географіи и опытной физикѣ, въ элементарныхъ ихъ курсахъ, и пріобрѣсти нѣкоторыя свѣдѣнія изъ архитектуры и геральдики, которая въ то дворянское время считалась важной наукой для „благородныхъ дѣвицъ". Болѣе всего учебнаго времени тратилось затѣмъ на занятія рукодѣліемъ, музыкой и танцованіемъ; изъ искусствъ, кромѣ рисованія, воспитанницы изучали скульптуру и токарное дѣло. Въ свободное отъ учебныхъ занятій время дѣти, подъ руководствомъ своихъ наставницъ, читали историческія и правоучительныя книги со строгимъ, впрочемъ, ихъ выборомъ, чтобы ничто не могло преждевременно и вредно дѣйствовать на воображеніе дѣтей или ихъ нравственность.

При такомъ строѣ жизни неудивительно, что смольнянки первыхъ выпусковъ о времени пребыванія своего въ институтѣ вспоминали, какъ о счастливѣйшемъ періодѣ своей жизни. Подруга Нелидовой, Ржевская (въ дѣвичествѣ Алымова), въ запискахъ своихъ объясняетъ, что „этого счастья нельзя сравнить ни съ богатствомъ, ни съ блестящимъ свѣтскимъ положеніемъ, ни съ царскими милостями, ни съ успѣхами въ свѣтѣ, которые такъ дорого обходятся. Скрывая отъ насъ горести житейскія и доставляя невинныя радости, насъ пріучили довольствоваться настоящимъ и не думать о будущемъ... Между нами царило согласіе; общій приговоръ полагалъ конецъ малѣйшимъ ссорамъ. Обоюдное уваженіе мы цѣнили болѣе милостей начальницъ; никогда не прибѣгали къ заступничеству старшихъ, не жаловались другъ на

[1]) „Русскій Архивъ", 1871, I, 6, 9.

друга, не клеветали, не сплетничали, потому не было и раздоровъ между нами. Въ числѣ насъ были нѣкоторыя, отличавшіяся такими качествами, что ихъ слова служили закономъ для подругъ. Вообще, большею частію, были дѣвушки благонравныя и очень мало дурныхъ, и то считались онѣ таковыми вслѣдствіе лѣни, непослушанія или упрямства. О порокахъ же мы и понятія не имѣли“ [1]).

Эта трогательная простота и умиленіе, съ которыми уже въ старости разсказываетъ намъ Ржевская объ оранжерейной, тепличной обстановкѣ своего воспитанія, лучше всего доказываютъ ту истину, что пригодность воспитательныхъ теорій и сравнительное достоинство ихъ опредѣляется, главнымъ образомъ, лишь потребностями общества, среди котораго онѣ прилагаются. Нравы были „жестокіе“, люди — „нечестовые“, жизнь, благодаря отсутствію общественныхъ задачъ и интересовъ, — пустая и безцвѣтная: что могло быть привлекательнѣе для задачъ воспитателей, какъ не развитіе внутренней жизни въ юныхъ питомицахъ, добродѣтели, основанной на чувствѣ и на незнаніи гнѣздившагося повсюду порока, — того „прекраснодушія“ (Schönseligkeit), которое въ то время даже въ образцовыхъ произведеніяхъ европейской литературы выставлялось идеаломъ нравственнаго совершенства человѣка? Оттого смольнянки, въ томъ числѣ и Нелидова, видѣли свѣтъ и солнце только тогда, когда это вызывалось задачами ихъ воспитанія, и лишь настолько, насколько это входило въ его программу. Обыкновенно, знакомство смольнянокъ со свѣтомъ начиналось не ранѣе, какъ черезъ 6 лѣтъ послѣ поступленія ихъ въ заведеніе, съ переходомъ ихъ въ 3-й возрастъ — с ѣ р ы й, отличавшійся отъ другихъ сѣрыми лентами на обычныхъ для всѣхъ институтокъ коричневыхъ платьяхъ, — и заканчивалось въ послѣднемъ, 4-мъ, б ѣ л о м ъ, возрастѣ, когда дѣвицамъ было 14 — 15 лѣтъ, и когда въ обществѣ, куда онѣ показывались, ихъ считали уже взрослыми дѣвушками. Для этой цѣли, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, въ Смольномъ устраивались ассамблеи, концерты и другія собранія, на которыя приглашались

по строгому выбору, дамы, кавалеры и другіе „почтительные“ люди изъ высшаго общества, чтобы, пріобрѣтая привычку къ обхожденію, дѣвицы „могли пользоваться разумными, острыми, замысловатыми и забавными разговорами, которые молодой благородной дѣвицѣ столь нужны къ достиженію необходимыхъ для нея познаній и для истиннаго воспитанія“: разговоры эти происходили, разумѣется, на французскомъ языкѣ, который смольнянки знали гораздо лучше природнаго, русскаго. Иногда давались балы, на которые приглашались кадеты изъ Шляхетскаго корпуса. Вмѣстѣ съ тѣмъ, воспитанницъ старшаго возраста возили иногда ко двору, на вечера къ Бецкому и къ директору Шляхетскаго корпуса. Въ особенности обращено было вниманіе на устройство въ Смольномъ театральныхъ представленій, на которыхъ всѣ роли исполнялись дѣвицами. Сама императрица выбирала пьесы для институтскихъ спектаклей и совѣтовалась по этому поводу даже съ Вольтеромъ: давались обыкновенно высокопарныя трагедіи ложно-классическаго стиля или оперы и балеты сентиментальнаго и пасторальнаго характера [1]), при чемъ тщательно выбрасывались изъ исполняемыхъ произведеній всѣ мѣста, которыя могли бы такъ или иначе оскорбить „чувствительность“ дѣвицъ или сообщить имъ „ложныя“ понятія. Такъ какъ каждому спектаклю предшествовало всегда много репетицій, то театральныя занятія дѣвицъ отнимали у нихъ много времени, мѣшая правильному ходу занятій учебныхъ, но на это не обращали вниманія, потому что именно устройство институтскихъ спектаклей и удовлетворяло всего болѣе задачамъ свѣтскаго воспитанія смольнянокъ, обнаруживая и изощряя ихъ свѣтскія и эстетическія способности: дѣвицы пріучались держать себя на сценѣ, декламировали, исполняя въ балетахъ самыя трудныя хореографическія упражненія, пѣли, играли на разныхъ му-

---

[1]) Типическимъ образцомъ такихъ оперъ и балетовъ для нашихъ современниковъ можетъ служить извѣстная поэтическая интермедія Чайковскаго въ его „Пиковой дамѣ“.

зыкальныхъ инструментахъ,— и все это часто въ присутствіи двора и самой государыни, которая лично хорошо знала всѣхъ смолянокъ, въ особенности перваго пріема, постоянно ласкала ихъ и одной изъ нихъ, любимицѣ своей, Левшиной, писала даже письма, всегда пришравленныя ласковой шуткой, поручая ей поклониться мелюзгѣ коричневой, приласкать малютокъ голубыхъ, попѣловать сѣрыхъ сестеръ и обвиться руками вокругъ шеи пилигримокъ бѣлыхъ. моихъ старыхъ пріятельницъ“ [1]).

Въ концѣ концовъ, нельзя не признать, что, по условнымъ привычкамъ и отчасти по складу своего міросозерцанія, смольнянки были плодомъ чисто-аристократическаго воспитанія: занятія домашнимъ хозяйствомъ, предположенныя программой обученія, являлись простой декораціей, а введенныя г-жей Делафонъ для ста нищихъ женскаго пола ежегодные обѣды, которыя устраивались 20 апрѣля, наканунѣ дня рожденія императрицы, и за которыми должны были прислуживать сами воспитанницы „въ знакъ человѣколюбія къ ближнему и благодѣлнія къ бѣднымъ“, также были, по своей исключительности, лишь краснымъ сентиментальнымъ спектаклемъ, гдѣ дѣти играли въ добро. Не зная вовсе ни людей, ни жизни, невинныя и простодушныя дѣвушки выходили, однако, изъ института во всеоружіи свѣтскаго образованія — для дворцовъ и гостиныхъ высшаго общества; оттого, усвоивъ себѣ идеальныя понятія о добродѣтели, пропикнутыя сознаніемъ своихъ обязанностей къ Богу, и къ людямъ, смольнянки, очутившись въ водоворотѣ дѣйствительной жизни, оказывались чересчуръ наивными, прилагая свои прямолинейныя институтскія воззрѣнія къ фактамъ повседневной жизни, далеко не всегда давая имъ надлежащее значеніе и оцѣнку и почти вовсе не умѣя отличать добродѣтель отъ краснаго порока, завернувшагося въ тогу добродѣтели. Первая уче-

[1]) „Русскій Архивъ“, 1870, I, 535—536.

ница перваго выпуска, Алымова, спустя много лѣтъ, писала въ своихъ запискахъ: „вполнѣ развитый разумъ и твердо коренившіяся въ сердцѣ нравственныя начала способны были охранить смольнянокъ отъ дурныхъ примѣровъ“, но та же Алымова прибавляетъ затѣмъ: „скрывал отъ насъ горести житейскія и доставлял намъ невинныя радости, насъ пріучили довольствоваться настоящимъ и не думать о будущемъ. Увѣренная въ покровительствѣ Божіемъ, я не вѣдала о могуществѣ людей и навѣки бы въ немъ сомнѣвалась, если бы опытъ не доказалъ мнѣ, что упованіе на Бога не охраняетъ насъ отъ ихъ злобы“ [1]). Однимъ словомъ, школа Смольнаго института не только не готовила своихъ питомицъ для жизни, но умышленно оставляла ихъ въ невѣдѣніи о ней. Оттого на воспитанницъ первыхъ выпусковъ Смольнаго института историкъ долженъ смотрѣть съ грустью и съ глубокимъ сочувствіемъ: онѣ были въ большинствѣ случаевъ, жертвами искупленія, положенными на алтарь русской дикости, — исторической жертвой, принесенной для развитія „людскости“ въ русской семьѣ и обществѣ, и, между тѣмъ, эти піонерки просвѣщенія, выступая на предназначенное имъ поприще, были еще вполнѣ дѣтьми, въ буквальномъ и переносномъ смыслѣ этого слова, не понимавшими самаго главнаго: ни смысла готовившейся имъ роли, ни людей, съ которыми онѣ безсознательно должны были бороться, смягчая ихъ и перевоспитывая. Но современники первыхъ смольнянокъ смотрѣли на дѣло гораздо проще и любили выставлять на видъ одинъ лишь смѣшныя стороны институтскаго воспитанія, даже преувеличивая ихъ. „Воспитанницы первыхъ выпусковъ Смольнаго монастыря“, — говоритъ одинъ изъ нихъ, — „набитыя ученостью (sic), вовсе не знали свѣта и забавляли публику своими наивностями, спрашивая, напримѣръ, гдѣ то дерево, на которомъ растетъ бѣлый хлѣбъ? По этому случаю сочинены были къ портрету Бецкаго вирши:

[1]) „Русскій Архивъ“, 1871, I, 5—6.

Иванъ Иванычъ Бецкій,
Человѣкъ нѣмецкій,
Носилъ мундиръ шведскій [1]),
Воспитатель дѣтскій,
Въ двѣнадцать лѣтъ
Выпустилъ въ свѣтъ
Шестьдесятъ куръ
Набитыхъ дуръ [2]).

Въ числѣ этихъ ученицъ перваго выпуска, вышедшихъ изъ Смольнаго въ 1776 г., была и Екатерина Ивановна Нелидова.

Изъ предыдущаго очерка институтской жизни можно себѣ представить, какъ она жила и чему научилась въ институтѣ. Индивидуальныя свойства Нелидовой и ея способности, выдвинувшія ее изъ ряда другихъ подругъ, проявились довольно рано, когда ей не было еще и 12 лѣтъ. „Появленіе на горизонтѣ дѣвицы Нелидовой,— писала императрица Екатерина Левшиной, — феноменъ, который я пріѣду наблюдать вблизи, въ моментъ, когда кто всего менѣе будутъ ожидать, и это можетъ случиться скоро, скоро!“ [3]). Двѣнадцатилѣтняя дѣвочка сдѣлалась феноменомъ, благодаря необыкновенной способности своей къ танцамъ и чрезвычайной граціи и живости движеній во время игры на сценѣ. Нелидова была некрасива, но умные глаза, выразительность лица и подвижной, веселый характеръ заставляли забывать этотъ ея недостатокъ; очевидно, еще въ институтѣ, Нелидова женскимъ чутьемъ поняла, чѣмъ она можетъ выдѣлиться изъ ряда своихъ подругъ. „Весьма умная, Нелидова была отвратительно нехороша собою“ [4]),—сообщаетъ о ней ея соученица, Алымова, а, между тѣмъ, эта „отвратительно-нехорошая“ на видъ дѣвушка своимъ пѣніемъ, граціей и танцами возбуждала всеобщій восторгъ въ посѣтителяхъ смольныхъ спектаклей и сумѣла заинтере-

[1]) Бецкій родился въ Швеціи, а получилъ образованіе въ Германіи.
[2]) Гречъ, Записки о моей жизни, 106—107.
[3]) „Русскій Архивъ“, 1870, 532.
[4]) „Русскій Архивъ“, 1871, I, 41.

совать въ свою пользу даже императрицу. Послѣ представленія оперы „La servante-maîtresse“, гдѣ Нелидова исполняла роль Сербины, современный поэтъ привѣтствовалъ ее слѣдующими стихами:

Какъ ты, Нелидова, Сербину представляла,
Ты маску Таліи самой въ лицѣ являла
И, соглашая гласъ съ движеньями лица,
Пріятность съ дѣйствіемъ и съ чувствіями взоры,
Пандольфу дѣлая то ласки, то укоры,
Плѣнила пѣніемъ и мысли, и сердца.
Игра твоя жива, естественна, пристойна,
Ты къ зрителямъ въ сердца и къ славѣ путь нашла.
Нелестной славы ты, Нелидова, достойна
Иль паче всякую хвалу ты превзошла [1]).

Императрица подарила „феномену“ брилліантовый перстень, а въ 1783 г. приказала Левицкому написать съ Нелидовой портретъ, гдѣ она изображена была танцующей менуэтъ [2]). Сценическому своему таланту Екатерина Ивановна Нелидова облзана была, вѣроятно, и тѣмъ, что при выпускѣ изъ Смольнаго, она получила, будучи восьмой по счету, шифръ и золотую медаль второй величины, а на актѣ произнесла благодарственную рѣчь отъ имени выпускныхъ на нѣмецкомъ языкѣ. Вслѣдъ затѣмъ опредѣлилась и дальнѣйшая будущность Нелидовой: она назначена была фрейлиной ко двору супруги наслѣдника престола Павла Петровича, великой княгини Наталіи Алексѣевны, вмѣстѣ съ подругами своими по выпуску: Левшиной (въ замужествѣ кн. Черкасской), Борщовой (въ 1-мъ бракѣ—Мусиной-Пушкиной и во второмъ—Ховенъ), Алымовой (въ 1-мъ бракѣ—Ржевской, а во второмъ — Маскле) и Молчановой (въ замужествѣ—Олсуфьевой) [3]). Оставляя мѣсто своего воспитанія, Нелидова навсегда, подобно прочимъ смольнянкамъ, сохранила къ нему и къ своей „maman“, Делафонъ, самую теплую привязанность, соединенную съ воспоминаніемъ о самыхъ лучшихъ.

[1]) Хроника Смольнаго монастыря, Нины Р—вой, 25.
[2]) Лихачева: Матеріалы, I, 204, 202.
[3]) Лихачева: Матеріалы, I, 200—204.

дѣтскихъ годахъ жизни, вдали отъ заботъ и горестей свѣта [1]), въ которомъ Нелидовой, одной изъ первыхъ, суждено было играть тяжелую роль, отказавшись отъ личныхъ радостей и личнаго счастья... Императрица, конечно, никакъ не воображала, что одной изъ созданныхъ ею смольнянокъ выпадетъ на долю исполнять свою миссію — смягчать „жестокіе“ и „непстовые“ нравы, прежде всего, по отношенію къ собственному ея сыну, великому князю Павлу.

---

[1]) „Прелестныя воспоминанія! Счастливыя времена! Пріютъ невинности и мира! Вы были для меня источникомъ самыхъ чистыхъ наслажденій. Благоговѣю предъ вами!“—такъ восклицаетъ въ своихъ „Запискахъ“ Алымова. Таковы были чувства и Нелидовой, какъ это видно изъ позднѣйшихъ ея писемъ и дѣйствій. Это лишній разъ доказываетъ, какъ тяжела была дѣйствительная жизнь для юныхъ идеалистокъ.

II.

Назначеніе Нелидовой фрейлиной ко двору великаго князя Павла Петровича.—Вліяніе придворной жизни на Нелидову.—Отношенія Нелидовой къ Павлу Петровичу и къ великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.—Нелидова и Марія Ѳеодоровна въ отношеніяхъ ихъ къ Павлу Петровичу.—Вліяніе Нелидовой на Павла; размолвка ея съ Маріей Ѳеодоровной. — Разладъ въ жизни великокняжеской четы.

Очутившись при дворѣ по волѣ императрицы, Нелидова съ самаго начала должна была окунуться въ омутъ придворныхъ интригъ и всевозможныхъ сплетенъ. Отчужденіе малаго, великокняжескаго двора отъ большого, Екатерининскаго, не было ни для кого тайной, а внезапная кончина супруги Павла Петровича, великой княгини Наталіи Алексѣевны, знавшей Нелидову по институту и благоволившей къ ней, повлекла за собою, тотчасъ послѣ поступленія Нелидовой ко двору, второй бракъ Павла съ принцессой Виртембергской Софіей-Доротеей, въ православіи нареченной Маріей Ѳеодоровной; молодая фрейлина участвовала даже при встрѣчѣ новой своей новелительницы, при въѣздѣ ея въ Россію, сопровождая назначенную императрицей для этой цѣли статсъ-даму, графиню Е. М. Румянцеву. Положеніе 17-ти-лѣтней неопытной и несомнѣнно даже наивной дѣвушки, не имѣвшей среди придворныхъ ни родственниковъ, ни друзей, было бы при такихъ обстоятельствахъ не только затруднительнымъ, но даже и опаснымъ, если бы первые два года она не находилась подъ руководствомъ извѣстной по своимъ нравственнымъ достоинствамъ графини Е. М. Румянцевой, которая въ качествѣ гофмейстерины великой княгини

завѣдывала ея фрейлинами, и если бы проницательный умъ и твердый, самостоятельный характеръ Нелидовой не помогли бы ей быстро освоиться съ новою для нея обстановкой. Во всякомъ случаѣ, Нелидова должна была испытать много огорченій, прежде чѣмъ насторожилась и, утративъ институтскую свою наивность, основательно узнала „придворную науку“, чувствительно доказавшую ей на практикѣ, что не всегда порокъ бываетъ наказанъ, а добродѣтель торжествуетъ. Иными глазами, чѣмъ въ институтѣ, начала она смотрѣть и на императрицу, свою благодѣтельницу, хотя Сѣверная Семирамида подверглась ея оцѣнкѣ по—преимуществу съ женской точки зрѣнія. При видѣ натянутыхъ отношеній Екатерины къ сыну, симпатіи Нелидовой влекли ее на сторону Павла Петровича, этой, какъ ей казалось, жертвы материнской несправедливости: любезный, рыцарскій характеръ молодого, 24-лѣтняго великаго князя, его выспреннія стремленія къ правдѣ и народному благу, какъ нельзя болѣе отвѣчали институтскимъ воззрѣніямъ на жизнь, а его религіозность и тихая семейная жизнь представляли слишкомъ разительный контрастъ съ образомъ жизни большого двора. Съ новою великою княгиней сближало Нелидову общее имъ обѣимъ сентиментальное направленіе, любовь къ природѣ и постоянныя хлопоты по устройству маленькихъ придворныхъ праздниковъ, гдѣ Нелидова неизмѣнно блистала своими сценическими талантами. Но въ характерѣ Маріи Ѳеодоровны было слишкомъ много нѣмецкой методичности, тогда какъ ея фрейлина отличалась чрезвычайною подвижностію и порывистостію, — тѣмъ, что она сама впослѣдствіи называла „les bizarreries de caractère“; кругозоръ великой княгини ограничивался семейными и хозяйственными заботами, а строгое соблюденіе кодекса нравственныхъ правилъ уживалось у нея съ практичностію, умѣніемъ даже въ мелочахъ примѣняться къ обстоятельствамъ, тогда какъ Нелидова, поступивъ ко двору прямо изъ института, вынуждена была сама вырабатывать себѣ міросозерцаніе, внѣ круга семейныхъ и домашнихъ мелочей, и менѣе всего способна была, по свойствамъ

своего характера, постоянно взвѣшивать свои слова и поступки; оттого Павелъ Петровичъ считалъ ее сначала страшно злою [1]), а Марія Ѳеодоровна вообще, слѣдуя наставленіямъ своего супруга, осторожно относилась къ своимъ фрейлинамъ [2]) и смотрѣла на Нелидову нѣсколько свысока, проводя свободное время съ выписанною изъ Монбельяра подругой своего дѣтства, Юліаной Шиллингъ фонъ-Каппитадтъ, которую она выдала замужъ за маіора гатчинскихъ войскъ Бенкендорфа [3]). Изъ лицъ, составлявшихъ малый дворъ, Нелидова всего болѣе сблизилась съ фрейлиной Борщовой, подругой своей по институту, и товарищемъ дѣтства великаго князя, княземъ Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ, легкомысленный и тщеславный нравъ котораго искупался, въ глазахъ Нелидовой, его преданностію Павлу Петровичу и веселымъ характеромъ.

Подробности жизни Нелидовой въ первое время пребыванія ея при дворѣ мало извѣстны, но несомнѣнно, что лучшей образовательной школой для нея послужило путешествіе за границу, которое совершила она, въ 1781—1782 г., въ свитѣ Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны, посѣтившихъ, подъ именемъ графа и графини Сѣверныхъ, Германію, Италію, Швейцарію и Францію. Лишь послѣ возвращенія великокняжеской четы изъ этого путешествія имя Екатерины Ивановны Нелидовой начинаетъ часто встрѣчаться въ запискахъ и письмахъ современниковъ, имѣвшихъ случай слѣдить за жизнію великокняжеской четы: о ней стали говорить, какъ о любимицѣ Павла Петровича, или, что казалось тогда однозначащимъ, какъ о его любовницѣ. Дѣйствительно, за это время Нелидова пріобрѣла при дворѣ великаго князя особое значеніе. Чрезъ шесть-семь лѣтъ послѣ выпуска своего изъ инсти-

[1]) Записки Ржевской. „Русскій Архивъ“, 1871, I, 41.

[2]) „Instruction que le grand duc avait projetè pour moi avant qu'il m'eut connu“ Шумигорскій: „Инструкція великаго князя Павла Петровича великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ“. „Р. Стар.“ 1898, II, 247—261.

[3]) Князь П. А. Вяземскій. Сочиненія, VIII, 151; извлеченія изъ записокъ графини Хотекъ.

тута, Нелидова сдѣлалась серьезнѣе, опытнѣе, а положеніе великаго князя значительно измѣнилось къ худшему: Екатерина, устраняя сына отъ дѣлъ правленія, относилась къ нему подозрительно и удалила отъ него лучшаго его друга, князя Александра Куракина, замѣшаннаго въ дѣло Бибикова [1]); въ то же время скончался графъ Никита Ивановичъ Панинъ, воспитатель Павла, имѣвшій огромное вліяніе на великокняжескую чету и, съ качествѣ опытнаго дипломата, умѣло руководившій ея поведеніемъ въ смыслѣ, враждебномъ Екатеринѣ [2]). Лишившись людей, съ которыми онъ издавна привыкъ дѣлиться мыслями и чувствами, Павелъ Петровичъ сталъ находить особое удовольствіе въ обществѣ Нелидовой, которая живостью своего ума, характеромъ, искренностью и благородствомъ своихъ сужденій умѣла болѣе другихъ отвѣчать душевнымъ его запросамъ. Любезный, рыцарскій образъ дѣйствій Павла придавалъ его вниманію къ Нелидовой видъ ухаживанія, но первопачально ему придавала никакого значенія даже супруга Павла, Марія Ѳеодоровна, такъ какъ Нелидова была некрасива лицомъ.

Чувства Нелидовой къ Павлу Петровичу проистекали, конечно, изъ чистаго источника: „положеніе Павла въ царствованіе Екатерины, даже независимо отъ личныхъ его свойствъ, несомнѣнно должно было вызывать сочувствіе; при томъ лица, окружавшія великаго князя, видѣли, какъ впечатлительная, пылкая, порывистая натура Павла, подъ вліяніемъ окружавшихъ его тяжелыхъ условій, съ каждымъ годомъ измѣнялась къ худшему: горячность смѣнялась постепенно раздражительностью, доходившею до бѣшенства, осторожность—крайней подозрительностью; вѣчное недовольство своимъ положеніемъ выражалось въ сумрачномъ, суровомъ настроеніи духа, въ мысли, что ему не оказываютъ и не хотятъ оказывать должнаго сану его уваженія, а боязнь,

---

[1]) См. VII главу I тома нашего труда: „Императрица Марія Ѳеодоровна“, Спб., 1892.

[2]) См, IV главу I тома нашего труда: „Императрица Марія Ѳеодоровна“.

что онъ окруженъ шпіонами и врагами, дѣйствующими по наущенію Екатерины и ея фаворитовъ, сдѣлала его довѣрчивымъ къ сплетнямъ и наговорамъ интригановъ, желавшихъ заслужить вниманіе великаго князя и вкрасться въ милость къ нему. Оттого психическая природа Павла Петровича начала постепенно показывать признаки разстройства: мозгъ и нервы его были слишкомъ утомлены отъ постояннаго напряженія въ одномъ направленіи. Образъ мыслей Павла, нравственный міръ его оставались возвышенны, благородны, по-прежнему, но его дѣйствія, какъ плодъ разстроеннаго воображенія и испортившагося характера, начинали уже смущать окружающихъ своею рѣзкостью и непослѣдовательностью. Мало-по-малу всѣ друзья Павла стали, какъ будто сговорившись, смотрѣть на него, какъ на дорогого больного, нуждающагося въ нѣкоторомъ присмотрѣ и опекѣ. Цѣль у опекающихъ, при возможномъ единствѣ ихъ интересовъ была одна — счастье Павла, и совмѣстныя дѣйствія опекающихъ, ихъ, такъ сказать, дружескіе заговоры, и увѣнчивались часто успѣхомъ, временно, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ. Но согласіе друзей не могло продолжаться долго, такъ какъ вскорѣ выдвинулся вопросъ о томъ, чье именно вліяніе на Павла должно было быть преимущественнымъ: при томъ самъ дорогой больной, почувствовавъ дружескіе тиски и узнавъ о заботливомъ присмотрѣ за собою, естественно захотѣлъ избавиться отъ непрошенныхъ опекуновъ и показать себя самостоятельнымъ. Тогда-то, вслѣдъ за разрушеніемъ дружескаго союза, наступилъ удобный моментъ для дѣйствія разнаго рода интригановъ, и стали выростать въ своемъ значеніи едва замѣтная сначала фигура главнаго изъ нихъ, великокняжескаго камердинера и брадобрея, Ивана Кутайсова.

Великая княгиня Марія Ѳеодоровна въ глубинѣ души едва-ли могла быть довольна тѣмъ, что нѣкоторое вліяніе на ея супруга имѣетъ другая женщина, ея фрейлина. Съ другой стороны, Нелидова, естественно, увлекалась своею ролью друга Павла Петровича: ея самолюбію

льстило вліяніе, пріобрѣтенное ею надъ его умомъ, и она не замѣчала, сколько затаенной горячи должно было накипать въ душѣ Маріи Ѳеодоровны всякій разъ, когда сила вліянія Нелидовой какъ бы подчеркивала ея собственную слабость. Несомнѣнно, что такихъ случаевъ было очень много въ жизни великокняжескаго двора [1]), въ особенности когда Павелъ Петровичъ уединялся на лѣтнее и осеннее пребываніе въ Павловскъ и Гатчину. При всемъ томъ, Марія Ѳеодоровна, вѣроятно, сумѣла бы скрыть свое огорченіе по этому поводу и примѣниться къ обстоятельствамъ, если бы возлѣ нея не было подруги ея дѣтства, г-жи Бенкендорфъ, которая, играя сначала главную роль при великокняжескомъ дворѣ, обнаруживала перасположеніе къ русскимъ фрейлинамъ [2]) и, конечно, не радовалась возвышенію Нелидовой. Нелидова предчувствовала, что въ будущемъ ей предстоитъ борьба съ великой княгиней, и хотѣла заранѣе удалиться, зная хорошо, что успѣхъ будетъ не ея сторонѣ; еще передъ отправленіемъ своимъ въ Финляндію, надѣясь участвовать въ военныхъ дѣйствіяхъ, Павелъ прислалъ Нелидовой краткую, но многозначительную записочку на клочкѣ бумаги: „знайте, что умирая я буду думать о васъ“ [3]). Но знаки вниманія великаго князя, его аффектація, проявлявшаяся на глазахъ у всѣхъ, также имѣла свою оскорбительную для Нелидовой сторону: уже съ 1785 года при дворѣ и въ обществѣ, по замѣчанію современника, „Нелидова была любовницей Павла“ [4]).

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ нѣсколько записочекъ Павла къ Нелидовой и обратно, сохранившихся въ рукописи. Въ „Р. Арх.“ (1870 г., 327—329) напечатано „письмо Нелидовой“ къ полковнику Вадковскому, сопровождавшему Павла Петровича въ Финляндскомъ походѣ 1788 г., важное для характеристики положенія цесаревича. Это же письмо въ „Осьмн. Вѣкъ“ (III, 408–410) напечатано какъ письмо кн. А. Б. Куракина. Не имѣя подъ руками подлинника, мы не рѣшаемся утвердительно назвать имя автора письма.

[2]) Ржевская-Алымова называетъ ее „заклятымъ своимъ врагомъ“. „Русскій Архивъ“, 1871, I, 41.

[3]) Изъ неизданныхъ писемъ Павла къ Нелидовой.

[4]) Князь П. М. Долгорукій: „Капище моего сердце“, 231.

Какъ бы ни были убѣждены многіе современники въ справедливости этихъ слуховъ, но ложность ихъ можно считать доказанною. Привязанность Павла къ Нелидовой объясняется исключительно психологическими мотивами и той противоположностью, которая сказалась вполнѣ опредѣленно въ это время въ личностяхъ Маріи Ѳеодоровны и ея фрейлины. Имъ обѣимъ было около 30-ти лѣтъ. Великая княгиня была очень красива, высока ростомъ, бѣлокура, склонна къ полнотѣ и близорука; обращеніе ея было крайне скромно, — до того, что она казалась слишкомъ строгою и степенною (по мнѣнію нѣкоторыхъ — скучною). Нелидова была маленькой брюнеткой, съ темными волосами, блестящими черными глазами, съ лицомъ некраснвымъ, но весьма выразительнымъ; по свидѣтельству современниковъ она танцовала съ необыкновеннымъ изяществомъ и живостью, а разговоръ ея, при совершенной скромности, отличался остроуміемъ и блескомъ [1]). По душевному своему настроенію и складу своего ума, Марія Ѳеодоровна постепенно расходилась съ своимъ супругомъ все болѣе и болѣе, тогда какъ въ бесѣдѣ съ Нелидовой Павелъ Петровичъ находилъ видимое себѣ удовлетвореніе. Бурный, мечтательный, отчасти мистическій умъ Павла, измученнаго въ его трудномъ положеніи нравственной борьбой, искалъ средствъ согласить дѣйствительность съ высшими идеальными воззрѣніями; вмѣстѣ съ тѣмъ, великій князь никогда не забывалъ, что онъ будущій русскій самодержецъ, и даже военнымъ своимъ занятіямъ, страсти своей къ мелочамъ военнаго дѣла, придавалъ серьезный характеръ подготовки къ будущимъ своимъ государственнымъ обязанностямъ. Между тѣмъ, Марія Ѳеодоровна, не умѣя владѣть умомъ своего супруга и обуздывая порывы его раздражительности лишь кротостью и терпѣніемъ, противопоставляла государственнымъ заботамъ Павла — хлопоты предъ императрицей о дѣлахъ нѣмецкой своей родни, его неудовлетворенным стремленіямъ къ высшей правдѣ — возможно спокойное,

[1]) Записки Саблукова, „Русскій Архивъ“, 1868, 1875.

прозаическое отношеніе къ жизни, способность мириться съ обстоятельствами и даже примѣняться къ нимъ. Всего менѣе Павелъ Петровичъ могъ успокоиться на сентиментализмѣ Маріи Ѳеодоровны, мало интересовался ея занятіями искусствами и хозяйствомъ и вовсе не находилъ себѣ утѣшенія въ тѣхъ театральныхъ зрѣлищахъ, литературныхъ чтеніяхъ и невинныхъ играхъ, которыми Марія Ѳеодоровна наполняла свои досуги и думала развлекать своего сумрачнаго, скучавшаго цесаревича [1]). Дѣти, являющіяся обыкновенно связующимъ звеномъ между родителями, даже мало симпатизирующими другъ другу, не могли играть этой роли въ жизни великокняжеской четы: Екатерина забрала къ себѣ своихъ внуковъ и внучекъ и давала имъ воспитаніе согласно собственнымъ своимъ воззрѣніямъ, не считая нужнымъ справляться о чувствахъ отца и матери. При всемъ томъ, Павелъ Петровичъ высоко цѣнилъ семейныя добродѣтели Маріи Ѳеодоровны и относился къ ней съ уваженіемъ и благодарностью. Тѣмъ не менѣе, послѣ Финляндскаго похода сдѣлалось совершенно ясно, что умомъ Павла и сердцемъ его владѣла Нелидова. Ея отношенія, юморъ, живость, даже ея „bizarreries de caractère“, вполнѣ отвѣчали характеру Павла, который въ обществѣ своей супруги находилъ наоборотъ размѣренную нѣмецкую аккуратность и методичность. Смѣлость, рѣшительность дѣйствій молодой фрейлины, не боявшейся откровенно выражать свои мнѣнія, внушали довѣріе къ ея искренности, тогда какъ покорность Маріи Ѳеодоровны всегда казалась Павлу пассивнымъ противодѣйствіемъ и имѣла видъ молчаливаго протеста. Набожность Павла была мечтательная и тѣсно связана съ мистицизмомъ, и въ этомъ отношеніи не могъ онъ не цѣнить выспренняго, склоннаго къ вѣрѣ во все таинственное ума Нелидовой [2]). Наконецъ самолюбію цесаревича льстила

[1]) Шумигорскій, «Императрица Марія Ѳеодоровна», I, 325—326.
[2]) Доказательствомъ этой духовной связи между Павломъ и Нелидовой является его письмо къ ней, напечатанное въ «Осьмнадцатомъ Вѣкѣ», III, 448—449.

самоотверженная, безкорыстная преданность молодой дѣвушки, идеализировать которую и платонически поклоняться ей было въ рыцарскихъ его видахъ. Зато Нелидова съ чисто женскимъ чутьемъ умѣла понять характеръ великаго князя и хорошо владѣла его темпераментомъ, что̀ не далось его супругѣ. Въ одномъ изъ позднѣйшихъ своихъ писемъ къ Павлу Петровичу и Маріи Ѳеодоровнѣ, уже занимавшимъ въ то время императорскій тронъ, сама Нелидова, со свойственною ей искренностію, нарисовала одну изъ тѣхъ бытовыхъ сценъ, которыя весьма часто, вѣроятно, происходили между царственными супругами.

„Каждый день,—пишетъ она,—меня радуетъ хорошая погода мыслію, что моя добрая и дорогая императрица пользуется прогулкою, столь нужною для нея, и что императоръ въ лучшемъ расположеніи духа, ибо, не въ гнѣвъ будь сказано его величеству, у меня есть маленькое подозрѣніе, основанное на маленькихъ доказательствахъ, что погода дѣйствуетъ на его физическое состояніе, физическое на нравственное, оно же въ свою очередь на нравственное состояніе другихъ, и т. д. и т. д., и вотъ добрые друзья спрашиваютъ его голосомъ не совсѣмъ твердымъ: „что съ вами, не разсердили ли васъ чѣмъ-нибудь?“ И вотъ онъ имъ отвѣчаетъ, съ видомъ и тономъ глубокаго убѣжденія: „ничего со мной не дѣлается. Это вы въ дурномъ расположеніи духа и стараетесь во всемъ мнѣ перечить“. И вотъ мы начинаемъ оправдываться, а надъ нами разражается громъ словами: „О, если такъ, такъ я уѣду куда-нибудь“. Поэтому-то, когда я вижу хорошую погоду, мое воображеніе рисуетъ мнѣ сцены иного рода, на которыхъ оно любитъ останавливаться и я вижу ту физіономію, которая такъ часто заставляетъ всѣхъ говорить: „у императора—прелестная физіономія, когда онъ спокоенъ“. И вотъ тотъ пунктъ во всей исторіи, на которомъ я хочу остановиться“ [1]).

[1]) „Осьмнадцатый вѣкъ“ III. 451 452

Сама Нелидова иначе поступала съ Павломъ, даже послѣ восшествія его на престолъ. „Въ характерѣ Павла,— замѣчаетъ Саблуковъ, — было истинное благородство и великодушіе, и хотя онъ былъ ревнивъ къ власти, но презиралъ тѣ лица, которыя слишкомъ подчинялись его волѣ въ ущербъ истинѣ и справедливости, а уважалъ тѣхъ, которые для того чтобы защитить невиннаго, безстрашно противились вспышкамъ его гнѣва“ [1]). Саблуковъ, бывшій на караулѣ въ Гатчинскомъ дворцѣ, былъ однажды свидѣтелемъ слѣдующей сцены. „Около самой офицерской караульной комнаты,—пишетъ онъ,—была обширная прихожая, въ которой стоялъ караулъ, а изъ этой прихожей длинный, узкій коридоръ велъ во внутреннюю часть дворца, и тутъ поставленъ былъ часовой, чтобы вызывать караулъ каждый разъ, какъ императоръ шелъ оттуда. Вдругъ я услышалъ крикъ часового: „на караулъ!“. выбѣжалъ изъ моей комнаты, и едва солдаты успѣли схватить свои ружья, а я обнажить свою шпагу, какъ дверь коридора отворилась настежь, а императоръ, въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ, при шляпѣ и шпагѣ, поспѣшно вошелъ въ комнату, и въ ту же минуту дамскій башмакъ, съ очень высокимъ каблукомъ, полетѣлъ чрезъ голову его величества, чуть-чуть ея не задѣвши. Императоръ чрезъ мою комнату прошелъ въ свой кабинетъ, а изъ коридора вышла Катерина Ивановна Нелидова, спокойно подняла свой башмакъ, надѣла его и вернулась туда же, откуда пришла. На слѣдующій день, когда я снималъ караулъ, его величество пришелъ и шепнулъ мнѣ: „Mon cher, у насъ вчера была ссора“.— „Точно такъ, государь“,—отвѣчалъ я [2]). Въ это время (1797 г.) Нелидовой было уже 39 лѣтъ, по отношенія ея къ Павлу, очевидно, не измѣнились ни на іоту.

Конечно, весьма трудно, иногда даже невозможно, проникнуть въ тайники человѣческой души, недоступные даже самопознанію, но насколько можно думать, самолю-

[1]) Записки Саблукова, „Русскій Архивъ“, 1869, 1919—1920.
[2]) Тамъ же, 1915—1916.

бію и гордости Нелидовой должно было льстить вліяніе, пріобрѣтенное ею надъ Павломъ Петровичемъ, и неудивительно, что постепенно она сама, въ своей восторженности, пришла къ убѣжденію что самъ Богъ предназначилъ ее охранять цесаревича и руководить имъ для общаго блага [1]). Сознаніе чистоты своихъ отношеній къ нему укрѣпляло Нелидову, среди шума возникшихъ неблагопріятныхъ о ней толковъ, продолжать свои сношенія съ Павломъ. „Знаете ли вы,—писала она однажды Павлу, — почему вы любите ворчунью? это потому, что сердце ваше знаетъ лучше, чѣмъ вашъ умъ, и что, несмотря на всѣ предубѣжденія послѣдняго, первое отдаетъ ей справедливость". „Развѣ я когда-либо,—писала она Павлу незадолго до его кончины, смотрѣла на васъ, какъ на мужчину? Клянусь вамъ, что я не замѣчала этого съ того времени, какъ къ вамъ привязана; мнѣ кажется, что вы—моя сестра" [2]). Чисто нравственный, даже религіозный характеръ связи Павла съ Нелидовой, имѣвшій отчасти мистическую подкладку, неоднократно, засвидѣтельствованъ былъ самимъ Павломъ, всегда искреннимъ, всегда глубоко-религіознымъ. Посылая Нелидовой одну книгу духовнаго содержанія, Павелъ писалъ ей:

„Въ комъ заключается высшее благо, если не въ Томъ, Кому я полагаю свое счастіе поручать васъ на каждомъ шагу моемъ въ теченіе дня? Смѣю это высказать: связи, существующія между нами, ихъ свойство, исторія этихъ отношеній, ихъ развитіе, наконецъ всѣ обстоятельства, при которыхъ и вы, и я, провели нашу жизнь,—все это имѣетъ нѣчто столь особенное, что мнѣ невозможно упустить все это изъ моей памяти, изъ моего вниманія, въ особенности же въ будущемъ... По моему мнѣнію, я своею книгою дѣлаю вамъ великій подарокъ, ибо заставляю васъ думать о Богѣ, чтобы еще болѣе васъ къ Нему приблизить. Тѣмъ самымъ я и себѣ дѣлаю величайшій, истинный подарокъ. Таковъ мой способъ любить тѣхъ, которые мнѣ дороги; пусть отыскиваютъ во всемъ этомъ

[1]) «Осьмн. Вѣкъ», III, 443, 444.
[2]) Тамъ же, 433,—435.

что-либо преступное. Читайте, добрый другъ мой, открывая книгу по произволу и на удачу: не наблюдайте ни времени, ни правилъ, но когда явится на то желаніе Простите мнѣ все это; будьте снисходительны къ человѣку, любящему васъ болѣе, чѣмъ самого себя, и въ этомъ духѣ примите все. Единому Богу извѣстно, насколько и во имя чего вы мнѣ дороги; призываю на васъ самыя святыя Его благословенія и остаюсь весь вашъ. слуга и другъ“ [1]).

Въ началѣ 1790 г. уже послѣ возвращенія своего изъ Финляндіи, когда Павелъ былъ серьезно боленъ и думалъ о смерти, онъ, въ виду всеобщихъ нападокъ на Нелидову, которую считали его любовницей, написалъ императрицѣ трогательное письмо въ ея защиту, прося мать не оставить ея своимъ вниманіемъ въ случаѣ его смерти.

„Мнѣ надлежитъ, писалъ онъ между прочимъ, совершить предъ вами, государыня, торжественный актъ, какъ предъ царицею моею и матерью, – актъ, предписываемый мнѣ моею совѣстію предъ Богомъ и людьми: мнѣ надлежитъ оправдать невинное лицо, которое могло бы пострадать, хотя бы негласно, изъ-за меня. Я видѣлъ, какъ злоба выставляла себя судьею и хотѣла дать ложныя толкованія связи, исключительно дружеской, возникшей между m-lle Нелидовой и мною. Относительно этой связи кляпусь тѣмъ Судилищемъ, предъ которымъ мы всѣ должны явиться, что мы предстанемъ предъ нимъ съ совѣстію, свободною отъ всякаго упрека, какъ за себя, такъ и за другихъ. Зачѣмъ я не могу засвидѣтельствовать этого цѣною своей крови? Свидѣтельствую о томъ, прощаясь съ жизнію. Клянусь еще разъ всѣмъ, что есть священнаго. Клянусь торжественно и свидѣтельствую, что насъ соединяла дружба священная и нѣжная, но невинная и чистая. Свидѣтель тому Богъ“ [2]):

---

[1]) Тамъ же, 448 450.

[2]) Тамъ же, 445. — Ср. Шумигорскій, „Императрица Марія Ѳеодоровна“. I. 366, примѣч.

Великій Князь

ПАВЕЛЪ ПЕТРОВИЧЪ

(1780-е годы)

Съ миніатюры, принадлежащей
Его Императорскому Высочеству
Вел. Кн. Николаю Михаиловичу

цена. СПБ. 21 Авг. 1901 г. Экспедиція Заготовленія Государственныхъ Бумагъ

Уже энергическій, отчаянный, если можно такъ выразиться, тонъ этого письма ясно указываетъ, какъ много накипѣло горечи и негодованія въ душѣ Павла, когда онъ увидѣлъ, что клевета стремилась загрязнить репутацію существа, которое онъ считалъ самымъ дорогимъ для себя на свѣтѣ; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, существованіе этой клеветы, пустившей глубокіе корни въ обществѣ, не только не сдѣлало его болѣе осторожнымъ, а, напротивъ, заставило его удвоить, утроить публичные знаки уваженія къ дѣвушкѣ, напрасно оклеветанной и униженной, по его мнѣнію, изъ-за него и терпѣвшей все ради него же. Нелидова не скрывала своего желанія удалиться отъ двора, гдѣ ея положеніе становилось невыносимымъ вслѣдствіе натянутыхъ отношеній къ ней Маріи Ѳеодоровны и ея паперсницы, г-жи Бенкендорфъ. Марія Ѳеодоровна не вникала, да и не хотѣла вникать въ смыслъ дружбы Павла и Нелидовой: увѣренная въ платоническомъ ея характерѣ, она все-таки, съ женской точки зрѣнія, возмущалась близостью отношеній своего супруга къ своей фрейлинѣ, какъ бы чувствуя себя лишней въ ихъ продолжительныхъ бесѣдахъ, въ ихъ нескрываемомъ духовномъ единеніи: тяжело было ей думать, что душа великаго князя какъ бы принадлежитъ другой женщинѣ. Естественно, она стала стремиться къ удаленію Нелидовой отъ двора и вооружать противъ нея окружающихъ, вполнѣ искренно приписывая ей самыя дурныя намѣренія.

„До меня дошли слухи,—пишетъ Ржевская-Алымова,—о частыхъ размолвкахъ, происходившихъ въ домашней жизни великокняжеской четы: Причиною этого была г-жа Нелидова, овладѣвшая умомъ великаго князя... Живя вдалекѣ отъ двора, я не хотѣла вѣрить этимъ сплетнямъ. Мой заклятый врагъ, г-жа Бенкендорфъ (у которой я не бывала и которая не ѣздила ко мнѣ), подтверждала мнѣ вѣрность всего слышаннаго мною. Она явилась ко мнѣ съ порученіемъ передать мнѣ обо всемъ, завербовать меня въ приверженицы великой княгини и заставить противодѣйствовать ея врагамъ. Я неспособна была къ интригамъ и со свойственною мнѣ прямотой искренно

пожалѣла о великой княгинѣ, обѣщая быть ей преданнѣе, чѣмъ когда-либо. Любя великаго князя, я сначала не хотѣла мѣшаться въ это дѣло. Однако я поговорила откровенно съ г-жей Нелидовой, высказавъ ей свой образъ мыслей. Она нисколько не разсердилась на меня, а великій князь, съ которымъ я встрѣчалась лишь въ обществѣ, продолжалъ оказывать мнѣ величайшее вниманіе“ [1]).

Цесаревичъ не остался, однако, равнодушенъ къ дѣйствіямъ г-жи Бенкендорфъ и другихъ лицъ, сочувствовавшихъ Маріи Ѳеодоровнѣ, какъ, напримѣръ, Лафермьера, и удалилъ ихъ отъ двора. Вліяніе Нелидовой на Павла сдѣлалось тогда общепризнаннымъ фактомъ, и Марія Ѳеодоровна, какъ передаютъ современники, жаловалась тогда на свое несчастіе императрицѣ. Говорятъ, что Екатерина вмѣсто отвѣта подвела Марію Ѳеодоровну къ зеркалу и сказала: „посмотри какая ты красавица, а соперница твоя petit monstre; перестань кручиниться и будь увѣрена въ своихъ прелестяхъ“ [2]). Много лѣтъ спустя Нелидова сознавалась Маріи Ѳеодоровнѣ, что императрица выразила ей даже свое желаніе, чтобы она оставалась при великокняжескомъ дворцѣ [3]). Этому признанію Нелидовой можно вполнѣ дать вѣру, такъ какъ въ преданности себѣ Нелидовой императрица не сомнѣвалась, а раздоръ между Павломъ Петровичемъ и его супругою могъ быть ей только пріятенъ: уже въ это время думала она о назначеніи Александра Павловича своимъ преемникомъ и объ отрѣшеніи отца его отъ престолонаслѣдія, и содѣйствіе Маріи Ѳеодоровны для этой цѣли представлялось ей необходимымъ [4]). Князь Ѳ. П. Голицынъ, близко знавшій придворныя интриги того времени, утверждаетъ даже, что Екатерина, будто бы, сама заботилась поселить охлажденіе между сыномъ и невѣсткой и орудіемъ для

---

[1]) Записки Ржевской, „Русск. Арх.“, 1871, 41.
[2]) Записки Мухановой. „Русск. Арх.“, 1878, I, 308.
[3]) Изъ неизданнаго дневника Вилламова.
[4]) Шумигорскій. „Императрица Марія Ѳеодоровна“, I, 391—392, 434.

этого избрала барона Сакена, который увѣрилъ великаго князя, что посредствомъ Маріи Ѳеодоровны имъ управляетъ г-жа Бенкендорфъ и Лафермьеръ, и такимъ образомъ нанесъ страшный ударъ его самолюбію [1]). Какъ бы то ни было, но жалоба Маріи Ѳеодоровны императрицѣ не имѣла реальныхъ послѣдствій, и Нелидова оставлена была при Павлѣ, а Марія Ѳеодоровна оказалась въ высшей степени тяжеломъ и трудномъ положеніи. „Фрейлина Нелидова, — говоритъ Ѳ. Н. Голицынъ, — вела себя похвально и не причиняла непріятностей великой княгинѣ, но тѣмъ не менѣе ея высочество, лишась искренности и любви своего супруга, принуждена была вести себя совсѣмъ не по-прежнему и въ обращеніи и въ рѣчахъ быть скромнѣе и осторожнѣе. Здѣсь можно безпристрастно сказать въ похвалу сей августѣйшей особѣ, что нельзя болѣе употреблять терпѣнія и снисхожденія, какъ она употребляла“ [2]).

[1]) Записки кн. Ѳ. Н. Голицына, „Русск. Арх.“, 1874, I. 1287—1288. Графиня Головина въ своихъ „Запискахъ“, вмѣсто Сакена, называетъ кн. Голицына, вовсе отрицая участіе Екатерины въ этомъ дѣлѣ.

[2]) Записки кн. Голицына, „Русск. Арх.“, 1874, 1289.

III.

Душевное настроеніе великой княгини Маріи Ѳеодоровны.—Партіи, образовавшіяся при великокняжескомъ дворѣ.—С. И. Плещеевъ.—Значеніе личности Нелидовой для Павла Петровича.—Стремленіе Нелидовой удалиться отъ двора.—Переписка ея съ Куракинымъ.—Удаленіе Нелидовой въ Смольный монастырь. — Новое положеніе ея при великокняжескомъ дворѣ и его значеніе.

При всей сдержанности Маріи Ѳеодоровны, душевное настроеніе ея въ это время, вслѣдствіе положенія, занятаго при дворѣ Нелидовой, было ужасное, и скорбь свою она изливала въ письмахъ своихъ къ старому, испытанному другу Павла, Сергѣю Ивановичу Плещееву, масону, руководившему религіознымъ чтеніемъ цесаревича.

„Съ маленькой (la petite, какъ презрительно называла она Нелидову) мы держимся весьма прилично, но, признаюсь, съ того времени, какъ мы сошлись съ нею такимъ образомъ, съ нею обращаются свободнѣе, ласкаютъ ее болѣе и даже передъ публикою. Demoiselle чрезвычайно фальшива: это проявляется во всемъ, что она разсказываетъ; но все это не смущаетъ меня; я буду слѣдовать своему пути въ убѣжденіи, что онъ угоденъ Богу“. Въ началѣ 1792 года, великая княгиня, находившаяся въ то время въ ожиданіи родовъ, писала Плещееву: „Вы будете смѣяться надъ моею мыслію, но мнѣ кажется, что при каждыхъ моихъ родахъ Нелидова, зная, какъ они бываютъ у меня трудны и что они могутъ быть для меня гибельны, всякій разъ надѣется, что она сдѣлается вслѣдъ затѣмъ второй m-me де-Ментенонъ. Поэтому, другъ мой, приготовьтесь почтительно цѣловать у ней руку и особенно зай-

митесь вашей физіономіей; чтобы она не нашла въ этомъ почтеніи насмѣшки или злобы. Я думаю, что вы будете смѣяться надъ моимъ предсказаніемъ, которое, впрочемъ, вовсе не такъ глупо“ [1]).

Съ другой стороны, лица, составлявшія великокняжескій дворъ, отчасти недовольныя преобладавшимъ вліяніемъ г-жи Бенкендорфъ, отчасти въ угоду великому князю и въ надеждѣ, въ свою очередь, достигнуть какихъ-либо личныхъ выгодъ, или прямо стали поклоняться новому свѣтилу, или, по меньшей мѣрѣ, сторонились Маріи Ѳеодоровны. Такъ, ближайшій другъ и совѣтникъ Павла, князь Александръ Борисовичъ Куракинъ, имѣвшій позволеніе отъ императрицы пріѣзжать лишь по временамъ изъ саратовскаго имѣнія своего Надеждино, куда онъ былъ высланъ на жительство,—писалъ цесаревичу изъ деревенскаго своего уединенія: „Я всегда разумѣлъ васъ, какъ слѣдуетъ, мой дорогой повелитель (mon cher maître), всегда цѣнилъ значеніе и свойство того чувства, которое привлекаетъ васъ къ вашей пріятельницѣ; знаю, какъ много своимъ характеромъ и прелестью ума своего содѣйствуетъ она вашему благополучію, и поэтому желаю искренно, чтобы ваша дружба и довѣренность къ ней продолжались. Пчела, собирая медъ для улья своего, не садится на одинъ только цвѣтокъ, но всегда ищетъ цвѣтка, въ которомъ меду болѣе. Такъ поступаютъ пчелы. Не также ли должны дѣйствовать и существа, одаренныя разумѣніемъ, чувствительностію, съ истиннымъ достоинствомъ способныя направлять свои желанія и поступки къ лучшему и къ тому, что̀ ихъ удовлетворяетъ и наиболѣе имъ приличествуетъ?“ [2]).

Лица, приближенныя къ Павлу, думали только выиграть въ своемъ значеніи отъ соперничества между Нелидовой и Маріей Ѳеодоровной: именно въ это время выросло могущественное вліяніе на Павла его камердинера и брадобрея, Ивана Павловича Кутайсова, котораго

[1]) Шумигорскій. I, 372—373.
[2]) Кн. Лобановъ-Ростовскій: Е. И. Нелидова. „Русск. Арх.“ 1873, 2165.

звали еще тогда просто Иваномъ: онъ ловко пользовался минутами, когда оставался глазъ-на-глазъ съ своимъ господиномъ; вкрадывался постепенно къ нему въ довѣріе и, помогая сначала вліянію Нелидовой, вслѣдъ затѣмъ, за ея спиной, самъ сдѣлался всемогущимъ фаворитомъ, вовсе отстранивъ отъ Павла и Нелидову, и Марію Ѳеодоровну. Даже медики, состоявшіе при великокняжескомъ дворѣ, раздѣлились на партіи: одного изъ нихъ, Фрейганга, поддерживала Нелидова, другого, Бека, — Марія Ѳеодоровна; изъ нихъ Фрейгангъ, по свидѣтельству Растопчина, заботясь о физическомъ здоровьѣ Павла Петровича, простиралъ свои заботы и на нравственное его существо, одинаково отравляя то и другое. Главною поддержкою Нелидовой при дворѣ являлся, однако, любимецъ Павла, полковникъ Вадковскій, — тотъ самый Вадковскій, который сопровождалъ Павла въ Финляндскомъ походѣ. Изъ новыхъ лицъ, находившихся при дворѣ Павла, потерпѣлъ за свое участіе къ положенію Маріи Ѳеодоровны графъ Н. П. Панинъ, если вѣрить его собственному разсказу о томъ [1]), тогда какъ секретарь Маріи Ѳеодоровны, Николаи, держался въ сторонѣ отъ обѣихъ партій, ста-

[1]) Арх. кн. Воронцова, IX, 70. Графиня Головина въ своихъ „Запискахъ“ иначе объясняетъ удаленіе графа Н. П. Панина отъ двора, обвиняя его въ интригахъ. „Замѣтивъ,—говоритъ она,—натянутость отношеній Екатерины къ своему сыну, онъ захотѣлъ окончательно повредить имъ, чтобы имѣть возможность удовлетворить своимъ честолюбивымъ и даже преступнымъ планамъ. Послѣ короткаго пребыванія въ городѣ, онъ возвратился въ Гатчину и испросилъ себѣ аудіенцію у великаго князя, чтобы сообщить ему чрезвычайно важныя новости. Панинъ вошелъ къ нему съ смущеннымъ видомъ, прикрылъ свое лукавство маской прямоты и, наконецъ, послѣ притворнаго колебанія, заявилъ, что онъ имѣетъ сообщить великому князю нѣчто ужасное, что дѣло идетъ о заговорѣ, составленномъ противъ него императрицей, его матерью, что замышляютъ на его жизнь. Великій князь спросилъ у него, знаетъ ли онъ заговорщиковъ, и, на утвердительный отвѣтъ, приказалъ ему написать ихъ имена. Графъ Панинъ составилъ ихъ списокъ, созданный его воображеніемъ. „Подпишите его“, сказалъ великій князь. Панинъ сдѣлалъ это. Тогда великій князь, схвативши бумагу, сказалъ ему: „Убирайся, негодяй, и никогда не появляйся предо мною снова“. Онъ сообщилъ эту бумагу императрицѣ, своей матери, которая также возмущена была ею. Бумага эта осталась у великаго князя въ его шкатулкѣ, хранившейся всегда въ его спальной“. Записки гр. В. Н. Головиной, 113—114.

раясь только о томъ, чтобы не навлечь на себя гнѣва ни Павла, ни его супруги.

Что же думала, какъ смотрѣла на свое положеніе сама Нелидова? Отвѣтъ на этотъ вопросъ представляютъ письма ея за описываемое время къ тому же князю Александру Борисовичу Куракину, который такъ краснорѣчиво сравнивалъ Павла съ пчелою и былъ въ то же время въ дружеской перепискѣ съ Нелидовой: въ письмахъ этихъ Нелидова только и говоритъ о тягости своего положенія при дворѣ и мечтаетъ о тихой жизни въ Смольномъ [1]). Безъ сомнѣнія, она не разъ пробовала осуществить это свое желаніе. Въ этой рѣшимости поддерживалъ ее Плещеевъ, глубоко скорбѣвшій о несогласіяхъ въ жизни великокняжеской четы и еще въ 1790 году убѣждавшій Нелидову прекратить свои отношенія къ Павлу Петровичу.

„Вы сказали мнѣ, m-lle,—писалъ онъ ей,—что по мнѣнію, которое вы создали обо мнѣ, вы надѣетесь, что я не измѣню своей привязанности къ великому князю и не покину его при настоящихъ обстоятельствахъ. Въ чемъ же заключаются эти обстоятельства, и на какую поддержку съ моей стороны вы разсчитываете? Я думаю, что я доказалъ и свое усердіе, и вѣрность великому князю, объяснивъ ему, даже опасаясь навлечь на себя его немилость, неправильность его поведенія въ его несчастной связи съ вами. Мнѣ извѣстно, какъ и вамъ, что связь эта не имѣетъ сама по себѣ ничего преступнаго: я знаю васъ и слишкомъ уважаю васъ обоихъ, чтобы питать въ этомъ отношеніи хотя бы малѣйшее подозрѣніе. Боже, сохрани меня отъ этого! Но можете

---

[1]) Correspondance de Sa Majesté l'Imperatrice Marie Féodorovna avec mademoiselle de Nélidov, sa demoiselle d'honneur (1797—1801), suivie des lettres de m-lle de Nélidov au prince A. B. Kourakine, publie par la princesse Lise Troubetzkoi. Paris. 1896. Изданіе это нельзя не привѣтствовать, такъ какъ только такимъ путемъ могутъ быть доступны для историковъ сокровища, хранящіяся въ частныхъ архивахъ.

ли вы, m-lle, утаить отъ себя несчастіе, раздоръ и уныніе, которое связь эта породила въ великокняжескомъ семействѣ? Можете ли вы не замѣчать чудовищнаго пятна, которое наложила она на репутацію великаго князя и на вашу, а также тѣхъ несчастныхъ послѣдствій, которыя могутъ произойти отъ этого? Если вамъ не приходилось до сихъ поръ серьезно объ этомъ поразмыслить, я прошу васъ, какъ милости, принять въ соображеніе все, что здѣсь происходитъ: вникнуть въ ужасное недоразумѣніе, существующее между обоими супругами, поразмыслить надъ тѣми толками, которые одинаково вредятъ и вашей чести, и чести великаго князя, а между тѣмъ нераздѣльно связаны съ вліяніемъ характеромъ и продолженіемъ вашей связи. Подумайте объ укоризнахъ, которыя вы навлекли на себя со стороны всѣхъ, нарушая миръ особъ, возбуждавшихъ до сихъ поръ удивленіе и почтеніе своимъ замѣчательнымъ единеніемъ. Вспомните, наконецъ, о томъ страшномъ отчетѣ, который вы должны будете представить на Верховномъ Судилищѣ за то, что вы не приложили своихъ стараній для водворенія согласія между сторонами, которыя вы столь несчастно разъединили, хотя и не по своей винѣ. Я не сомнѣваюсь, что размысливъ обо всемъ этомъ съ полнымъ вниманіемъ, вы воодушевитесь мыслію принять какую-либо дѣйствительную мѣру, могущую водворить миръ въ возмущенныхъ сердцахъ и особенно въ сердцѣ великаго князя, который, кажется, очень въ томъ нуждается и въ которомъ вы принимаете участіе. Увѣряю васъ, что сдѣлавъ это, вы лучше всего засвидѣтельствуете предъ великимъ княземъ свое участіе къ нему; это также есть лучшій совѣтъ, который я могу предложить вамъ, и единственное средство, которымъ мнѣ возможно доказать свою вѣрность и привязанность къ великому князю и мою заботу о вашемъ истинномъ благополучіи“ [1]). „Удаленіе Нелидовой, — говорилъ другой современникъ, удовлетворитъ желаніямъ всѣхъ честныхъ людей и заставитъ забыть огорченія, которыя при-

[1]) Шумигорскій. I, 362—363.

чинила великой княгинѣ эта исторія. Высокія добродѣтели великой княгини заставили всѣхъ сочувственно отнестись къ ней: пѣть женщины, которая болѣе ея заслуживала бы лучшей судьбы“ [1]).

Слушая всѣ эти рѣчи и читая ихъ въ глазахъ окружающихъ, Нелидова должна была желать удалиться отъ двора, хотя бы для того только, чтобы доказать всю ихъ неосновательность.

Въ дѣйствительности, друзья Павла сами не знали, чего хотѣли. Для нихъ, какъ мы имѣли случай уже замѣтить, истинный характеръ его отношеній къ Нелидовой не былъ тайной, и Плещеевъ, напримѣръ, лучше, чѣмъ кто либо, зналъ внутреннюю борьбу, происходившую въ глубинѣ души цесаревича, и вмѣстѣ съ другими скорбѣлъ о его необдуманныхъ поступкахъ, бывшихъ послѣдствіями его впечатлительнаго и раздражительнаго права. Но нельзя не видѣть, что дѣйствія Плещеева нисколько не могли улучшить положенія Павла. Ему онъ твердилъ о необходимости смиренія и самообладанія, Нелидовой писалъ, что великій князь нуждается въ душевномъ спокойствіи, а между тѣмъ старался удалить отъ него единственное существо, которое могло имѣть власть надъ умомъ и темпераментомъ великаго князя, и чистота намѣреній котораго, по собственному сознанію Плещеева, была внѣ всякихъ подозрѣній. Равновѣсіе въ душевномъ складѣ Павла Петровича уже давно было нарушено, его темпераментъ все чаще и чаще заставлялъ молчать его умъ и сердце; сама Марія Ѳеодоровна давнымъ-давно устроивала дружескіе заговоры противъ своего супруга, чтобы предотвратить печальныя послѣдствія его раздражительнаго и пылкаго права. Но и прежде эти заговоры требовали участія Нелидовой, уже тогда стала ясной слабость вліянія на Павла его супруги: воспріимчивая, подвижная природа великаго князя, податливаго на чужія внушенія, не терпѣла, однако, надъ собой ничьего прочнаго продолжительнаго господства, и внезапные пере-

[1]) Арх. кн. Воронцова, VIII, 63.

ходы, иногда по самымъ ничтожнымъ поводамъ, отъ гнѣва къ милости, отъ крайней довѣрчивости къ самой мелочной подозрительности, замѣчались у него даже въ дѣтскіе его годы. Павелъ Петровичъ всегда находился подъ чьимъ-либо вліяніемъ, но этимъ вліяніемъ опредѣлялся на образъ его мыслей, а характеръ его дѣйствій которымъ легко было управлять. Поэтому довѣріе и предпочтеніе, оказываемое Павломъ умной, честной и просвѣщенной Нелидовой, должно было бы только радовать его друзей: при первномъ отношеніи Павла Петровича къ революціонному духу времени, при нравственной лихорадкѣ, имъ переживаемой, Нелидова, пользуясь дружнымъ содѣйствіемъ всѣхъ лицъ, окружавшихъ цесаревича, безспорно уже тогда была бы и другомъ Маріи Ѳеодоровны, какимъ она сдѣлалась нѣсколько лѣтъ спустя; при этомъ условіи не возникло бы и тѣхъ толковъ, которые ходили по поводу Нелидовой. Но характеръ цесаревича еще не проявлялся въ это время во всей его рѣзкости, Нелидова была дѣвушкой, и самые искренніе друзья великокняжеской четы въ возвышеніи Нелидовой видѣли униженіе Маріи Ѳеодоровны и своими якобы примирительными дѣйствіями сами обострялн отношенія между царственными супругами [1]). Замѣчательно, что въ обществѣ, при всѣхъ неблагопріятныхъ для Нелидовой толкахъ, умѣли все-таки оцѣнить смыслъ ея вліянія. „Великая княгиня, — разсказываетъ Болотовъ,—не однажды не только говорила, но и просили еще сію госпожу, чтобы она связь сію разрушила, но что она будто всегда ей отвѣтствовала, что она можетъ, конечно, сіе сдѣлать и уговорить цесаревича сіе оставить, но опасается и боится, чтобы тогда для самой великой княгини не было хуже, и что сіе единое и почтеніе ея къ ней ее отъ того удерживаетъ“ [2]).

Въ началѣ 1792 года произошли, однако, событія, которыя вынудили Нелидову, помимо великаго князя, обратиться къ императрицѣ непосредственно съ просьбой

[1]) Шумигорскій, I, 363—265.
[2]) Болотовъ. Памятникъ протекшихъ временъ, 67—86.

объ увольненіи: великій князь поссорился съ государынней, жестоко оскорбилъ Марію Ѳеодоровну, говоря, что она готовитъ ему участь Петра III, и вслѣдъ затѣмъ уѣхалъ въ Гатчину, гдѣ находилась Нелидова. Ея вліянію и приписали всѣ эти выходки великаго князя. Вся эта исторія нашла себѣ мѣсто въ петербургской корреспонденціи парижской газеты „Moniteur Universelle“ отъ 24-го апрѣля новаго стиля 1792 года, при чемъ передавались въ извращенномъ видѣ и слухи объ отношеніяхъ Нелидовой къ Павлу. Это и было, кажется, послѣдней каплей, переполнившей чашу ея терпѣнія, 25-го іюня, черезъ двѣ недѣли послѣ рожденія великой княжны Ольги Павловны, Нелидова подала императрицѣ свою просьбу объ увольненіи отъ придворной должности и о дозволеніи жить въ Смольномъ монастырѣ, прибавляя съ удареніемъ, что она возвратится туда съ сердцемъ столь же чистымъ, съ какимъ она его оставила [1]). Великій князь, узнавъ объ этомъ, крайне огорчился и настоялъ на томъ, чтобы просьба Нелидовой взята была ею обратно. Марія Ѳеодоровна и на этотъ разъ не оцѣнила поступка своей фрейлины, утверждая, что ея просьба была лишь одною „комедіей“, что Нелидова желала только „сдѣлаться болѣе интересною и заставить себя удерживать“ [2]). Съ другой стороны Куракинъ писалъ великому князю: „Новость, которую вы изволили сообщить мнѣ, мой дорогой повелитель, озадачила меня. Возможно ли, чтобы наша пріятельница, послѣ столькихъ опытовъ вашей дружбы и вашей довѣренности, дозволила себѣ возымѣть намѣреніе васъ покинуть? И какъ могла она при этомъ рѣшиться на представленіе письма императрицѣ, безъ вашего вѣдома? Мнѣ знакомы ея умъ и чувствительность, а чѣмъ болѣе я думаю, тѣмъ понятнѣе для меня причины, столь внезапно побудившія ее къ тому. Во всякомъ случаѣ я радъ, что дѣло не состоялось, и что вы не испытали неудовольствія лишиться общества, къ которому вы привыкли. Чув-

---

[1]) Дневникъ Храповицкаго, 269.
[2]) Письмо ея къ Плещееву безъ даты.

ствую, что вамъ тяжело было бы устраивать свой образъ жизни на новый ладъ, и вполнѣ представляю себѣ, какъ въ первыя минуты этотъ неожиданный поступокъ долженъ былъ огорчительно подѣйствовать на васъ“ [1]).

„Я читала ваше послѣднее письмо къ вашему другу (Павлу),—отвѣчала ему сама Нелидова,—и видѣла, какъ вы удивлены поступкомъ, въ которомъ нѣтъ ничего не совмѣстнаго съ тою привязанностію и глубокой благодарностію, которыя я питаю къ вашему другу, и которыхъ ни разлука, ни время не могутъ ослабить... Я васъ прошу, однако, принять въ соображеніе, что согласно съ моимъ постояннымъ образомъ мыслей и моимъ постояннымъ желаніемъ окончить свои дни въ томъ мирномъ убѣжищѣ, гдѣ я получила воспитаніе,—я не могла найти болѣе удобнаго момента, чтобы привести свой планъ въ исполненіе, какъ тотъ, въ которомъ я вижу единственнаго человѣка, привязывающаго меня къ моему мѣсту, въ спокойномъ состояніи, послѣ того, какъ онъ, такъ сказать, принудилъ другихъ признать, что онъ думалъ только о ихъ счастіи и спокойствіи, такъ что они не могутъ уже заподозрѣвать его мотивовъ или сомнѣваться въ его принципахъ. Впрочемъ, мой дорогой князь, присутствіе такой мало полезной подруги, какъ я, важно ни для кого. Я слишкомъ хорошо себя знаю, чтобы не чувствовать, какъ мало я значу во всѣхъ отношеніяхъ. Мои друзья могутъ придавать мнѣ нѣкоторую цѣну лишь вслѣдствіе искренности моихъ чувствъ къ нимъ“ [2]).

Въ дальнѣйшихъ письмахъ своихъ къ Куракину Нелидова дѣлается, однако, болѣе откровенною и находитъ новыя, неожиданныя причины жалѣть о неудачѣ своей попытки удалиться отъ двора: она замѣчаетъ, что характеръ великаго князя съ каждымъ днемъ становится хуже, и что постоянная борьба съ его раздражительностію ей становится не подъ силу. „Различныя сцены, которыя происходятъ у меня предъ глазами, — писала

[1]) Князь Лобановъ-Ростовскій: „Е. И. Нелидова“, „Русскій Арх.“, 1873, 2164—2165.

[2]) „Correspondence“ etc., 167—168.

она,—для меня такъ непонятны, что я вижу, что сердце этого человѣка—лабиринтъ для меня. Я не сдѣлаю ничего, чѣмъ бы я боялась скомпрометтировать своихъ друзей, но я рѣшилась, и даю въ томъ клятву предъ Богомъ, сдѣлать вторую попытку удалиться отъ двора“ [1]). Въ началѣ 1793 года, Павелъ, по неизвѣстной причинѣ, какъ оказалось потомъ, подъ вліяніемъ „Ивана“, то есть Кутайсова [2]), разгнѣвался на своего „тридцатилѣтняго друга“, то есть Александра Борисовича Куракина, пріѣхавшаго изъ своего имѣнія на короткое время въ Петербургъ, выставляя предлогомъ, что онъ не представился ему тотчасъ по пріѣздѣ. Усилія Нелидовой помирить друзей, которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, были и ея друзьями, оставались безуспѣшны, и Марія Ѳеодоровна имѣла право писать Плещееву въ это время: „Скажите, мой добрый Плещеевъ, что такое происходитъ? Я вижу только печальныя лица. Маленькая (то-есть Нелидова), имѣетъ скорбный видъ и въ дурномъ настроеніи духа; супругъ мой также сумраченъ, и такимъ онъ является даже по отношенію ко мнѣ. Я замѣчаю, что есть нѣчто, что волнуетъ его внутренно. Онъ часто споритъ съ маленькой; все это наводитъ такое стѣсненіе и уныніе на наше общество, что никто не открываетъ рта. Я предполагаю, что великаго князя что-то мучитъ, но не сумѣла опредѣлить, что именно; сознаюсь, что это очень безпокоитъ меня, хотя я и стараюсь сохранить спокойный видъ. Мнѣ кажется, что Куракинъ на дурномъ счету; въ концѣ концовъ, мы уже не видимъ счастливыхъ“ [3]). Съ своей стороны Нелидова писала тогда Куракину: „Ваше сердце не можетъ быть болѣе растерзано, чѣмъ мое. Я готова отказаться отъ всего, я не сумѣла проявить умѣренности, которой обстоятельства, быть можетъ, требовали отъ меня по отношенію къ характеру, столь живому и впечатлительному, какъ его (то-есть Павла)... Сердце мое возмущается, когда я представлю себѣ, что

[1]) Тамъ же, 185.
[2]) Тамъ же, 274.
[3]) Шумигорскій, I, 369.

происходить въ душѣ его... Уже давно я стараюсь уничтожить въ сердцѣ моемъ все то, что заставляетъ меня входить въ его интересы [1])... Но вы, дорогой князь, будьте къ нему снисходительны, окажите хладнокровіе, котораго не было у меня, котораго, быть можетъ, я не должна была даже сохранять. Дѣло въ томъ, что онъ не отдалъ себѣ отчета въ чувствахъ, которыя породилъ въ немъ видъ небрежности по отношенію къ нему съ вашей стороны послѣ восьмилѣтняго отсутствія вашего. Покажите себя, дорогой князь, великодушнѣе, чѣмъ другіе... Ваша благородная снисходительность и мягкость заставятъ почувствовать свои ошибки душу, которая не лишена вовсе доброты и доступна угрызеніямъ совѣсти... Всѣмъ извѣстна его привязанность къ вамъ, знаютъ, что онъ умѣетъ беречь тѣхъ, которые для него дороги. Увы, всѣ думаютъ что онъ меня любитъ, и въ то же время всѣ видятъ, что, онъ поступаетъ со мной такъ же, какъ вчера съ вами. Это должно, по крайней мѣрѣ, успокоить васъ по отношенію къ мнѣнію, которое могли бы составить себѣ свидѣтели происшедшей сцены“ [2]). Кончилось дѣло тѣмъ, что Куракинъ написалъ Павлу письмо, составленное Нелидовой, въ которомъ умолялъ его сохранить къ нему дружбу, которая продолжалась уже 30 лѣтъ. Замѣчательно, что уже въ этомъ случаѣ обращались къ услугамъ „Ивана“, то-есть Кутайсова. „Кутайсовъ только что пришелъ ко мнѣ, — писала Куракину Нелидова, — и я спрашивала у него объясненій о вашемъ дѣлѣ. Онъ сказалъ мнѣ, что, прочитавши ваше письмо, онъ (то-есть Павелъ) былъ тронутъ и приказалъ сказать вашему слугѣ, чтобы онъ передалъ вамъ, чтобы вы хорошо спали и провели ночь спокойно“... „Не думайте больше о своемъ отъѣздѣ, — прибавляла Нелидова, — это было бы хуже всего при данныхъ обстоятельствахъ“ [3]).

---

[1]) Нелидова, незадолго передъ этимъ, сама убѣждала Куракина въ дружбѣ къ нему цесаревича и торопила его пріѣздомъ, увѣряя его въ самомъ тепломъ пріемѣ со стороны великаго князя „Correspondance“ etc., 181—782.

[2]) „Correspondance“ etc., 182—184.

[3]) Тамъ же, 190.

Сама Нелидова, однако, не выдержала пытки своего положенія при дворѣ и въ сентябрѣ 1793 года исполнила свою клятву—добилась у императрицы увольненія отъ придворной должности съ дозволеніемъ поселиться въ Смольномъ монастырѣ, убѣдивъ на этотъ разъ и великаго князя подчиниться своему рѣшенію. Нелидова съ понятнымъ облегченіемъ оставляла дворъ, гдѣ, по ея признанію, „она испытала гораздо болѣе печали, чѣмъ радостей“. „Другъ нашъ (Павелъ), — писала она Куракину, — я не могу отрицать этого, былъ чрезвычайно взволнованъ и огорченъ моимъ поступкомъ и особенно его успѣхомъ въ болѣе сильной степени, чѣмъ я желала бы видѣть это; но это для него случай показать ту твердость, въ которой онъ будетъ имѣть надобность при обстоятельствахъ, гораздо болѣе важныхъ, и я надѣюсь, что и въ настоящее время онъ ее выкажетъ: теперь онъ несравненно спокойнѣе. Я не могу еще опредѣлить время окончательнаго своего отъѣзда, потому что другъ нашъ требуетъ, чтобы это время года (осень) я провела вмѣстѣ съ нимъ; онъ желалъ бы, чтобы такъ же точно поступала я каждое лѣто, а зимою каждый вечеръ у него ужинала. Хотя я уже получила нѣкоторыя уступки по этимъ двумъ пунктамъ, я, однако, не посмѣла и не захотѣла, въ виду наступленія праздниковъ, въ теченіе которыхъ я желала бы видѣть его яснымъ и спокойнымъ,— выразить ему свой образъ мыслей о дальнѣйшемъ своемъ поведеніи, какъ мало я разсчитываю слѣдовать его приглашенію: пусть онъ думаетъ, что я съ нимъ согласна, и пусть въ этомъ смыслѣ истолкуетъ мое молчаніе. Завтра великая княгиня представитъ меня ея величеству, чтобы благодарить ее за изъявленную мнѣ милость и за приданое (la dot) [1]), которое мнѣ уже прислали сегодня вечеромъ, но котораго я не могла принять, будучи на вечернемъ собраніи. Приданое это состоитъ, я думаю, изъ 4.000 рублей. Великая княгиня также даетъ мнѣ приданое въ 6.000 рублей вмѣстѣ съ ежегодной пенсіей въ

[1]) Фр. вознагражденіе при увольненіи отъ двора.

Всесоюзная БИБЛИОТЕКА имени В. И. ЛЕНИНА

600 рублей: это больше, чѣмъ я могу желать. Но такъ какъ нѣтъ добра безъ худа, то и независимость, которой я успѣла добиться, не свободна будетъ отъ узъ признательности, а между тѣмъ, Богу извѣстно, какъ я была бы признательна всѣмъ, если бы не была обязана питать это чувство по отношенію къ кому-либо. Надежда, которую я таила въ этомъ отношеніи въ своемъ сердцѣ, такимъ образомъ обманута, и въ особенности я недовольна мѣтъ, что великая княгиня сдѣлала для меня то, что не было бы удѣломъ другой (фрейлины). Какое бы удовольствіе я чувствовала тогда! Что касается нашего друга, то я очень безпокоюсь, но это совсѣмъ по другому чувству: я знаю, что у него мало средствъ. Онъ не объяснялъ своихъ намѣреній, но то, что вырвалось у него, даетъ мнѣ достаточно понять, что я буду однимъ изъ тѣхъ лицъ, на которыхъ онъ уже проявлялъ свою щедрость, и мое сердце сжимается при мысли, что его душѣ доставитъ удовольствіе то именно, что мучитъ мою душу. Я уже объясняла ему самымъ почтительнымъ образомъ, какъ мало нужды у меня въ его щедрости, особенно при томъ увольненіи, которое я избрала для себя и на которое я имѣла счастіе получить разрѣшеніе. Вамъ, дорогой князь, не трудно будетъ понять, какъ отрадно было бы для меня не быть въ тягость его кошельку, хотя я ни на минуту не сомнѣваюсь въ его сердцѣ. Вотъ почти полное изложеніе всѣхъ моихъ здѣшнихъ огорченій въ настоящее время; что касается до удовольствій, то они заключаются въ надеждѣ быть счастливою и спокойною, не возмущая счастія и спокойствія другихъ. Сохраните, дорогой князь, свою столь чистую привязанность къ нашему другу, и мое сердце всегда будетъ радоваться при мысли, что такой достойный человѣкъ останется ему вѣренъ при всякомъ испытаніи... Я надѣюсь на это и со слезами молю объ этомъ Всевышняго для счастія нашего друга, потому что только въ подобныхъ вамъ людяхъ найдетъ онъ свое счастіе и покой (sic). Онъ искренно васъ любитъ и требуетъ отъ васъ, быть можетъ, только больше того, что вы можете исполнить,

т. е. чтобы вашъ образъ жизни болѣе согласовался съ его жизнію. Вы увидите это, если вы сможете сдѣлать усиліе надъ самимъ собою и оправдать такимъ образомъ часть надеждъ, которыя я питаю для васъ обоихъ. Что касается до моей жизни въ Смольномъ, то у васъ ложныя въ этомъ отношеніи представленія. Я найду себѣ тысячу радостей въ жизни съ людьми, которые меня воспитали, которыхъ я безконечно уважаю и чувства которыхъ ко мнѣ никогда ничто не могло измѣнить. Если не могу имѣть счастія думать, m-me Делафонъ проживетъ довольно долго, чтобы сдѣлать меня на долгое время счастливою въ этомъ заведеніи, то я по крайней мѣрѣ питаю надежду, что меня переживутъ нѣкоторыя изъ дамъ этого чрезвычайно пріятнаго общества, которыя были моими воспитательницами и моими друзьями прежде выпуска моего изъ монастыря, который представляется вамъ гадкимъ и скучнымъ мѣстомъ. Вы забываете, что, благодаря добротѣ нашего друга, у меня прекрасная, библіотека, у меня моя арфа, мои карандаши—всѣ предметы, которые такъ хорошо служили мнѣ къ развлеченію въ моменты, когда мнѣ приходилось страдать. Я воспользуюсь тамъ еще совершенно новымъ для меня удовольствіемъ — видѣть выростающими на моихъ глазахъ юныхъ моихъ родственницъ, успѣхи которыхъ каждую минуту будутъ напоминать мнѣ благодѣяніе нашего друга, вносящаго плату за одну изъ нихъ. Я не буду такъ недовольна, какъ вы думаете, порвавъ нѣсколько связь съ свѣтомъ, который не умѣлъ или скорѣе не хотѣлъ отдать мнѣ справедливость. Я оцѣнила уже, чего онъ стоитъ, и мое сердце уже научилось не ставить своего счастья въ зависимость отъ его сужденій. Мнѣ хорошо извѣстно, что и при настоящемъ случаѣ я не избѣгну его злобы и толковъ, большею частью развращенныхъ (dèpravés), но я не хочу даже знать ихъ. Я чувствую себя настолько выше ихъ, что всего менѣе интересуюсь ими“ [1]).

---

[1]) „Correspondance“ etc., 190—194. На содержаніе Нелидовой въ Смольномъ изъ суммъ двора отпускалось ежегодно 400 рублей, какъ это видно изъ счетовъ по Смольному монастырю за это время.

Эти прелестныя по чистосердечію и невинности строки Нелидовой невольно напоминаютъ намъ ту же восторженную смольнянку, которая 17 лѣтъ прежде вышла изъ своего монастыря съ глубокимъ сознаніемъ своихъ обязанностей предъ Богомъ и предъ людьми, съ высоко развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства, умѣніемъ и потребностію жить въ самой себѣ. Правда, Нелидовой было уже 35 лѣтъ, — возрастъ, для женщины весьма серьезный, но время не могло изгладить въ ея душѣ тихихъ, счастливыхъ для нея воспоминаній дѣтства, манившихъ ее по прежнему непосредственностію чувства, свѣжестію впечатлѣній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, у Нелидовой, при всемъ ея умѣ, развитомъ чтеніемъ и наблюденіями, очевидно, не хватало знанія жизни и людей, не было глубины ихъ пониманія. Читая ея письма, проникнутыя такою теплотою сердца, такимъ умѣніемъ различать самыя тонкія душевныя движенія человѣка, цѣнить человѣческое достоинство,—съ трудомъ вѣришь, что они писаны тому князю Александру Борисовичу Куракину, который, по отзыву современниковъ, отличался своею надутостію, тщеславіемъ, душевною пустотою, а по страсти своей къ роскоши назывался „брилліантовымъ княземъ“. Еще удивительнѣе, что крайне легкомысленная жизнь Куракина, навсегда оставшагося холостякомъ, едва ли была извѣстна Нелидовой, которая, жалѣя объ опальной жизни Куракина въ его саратовской деревнѣ и призывая его въ Петербургъ, не подозрѣвала, конечно, что ему тамъ жилось гораздо веселѣе и привольнѣе, чѣмъ ей самой въ угрюмой Гатчинѣ. Нелидова знала Куракина преимущественно съ внѣшней стороны, знала его свѣтскія способности, какъ веселаго, остроумнаго и добраго собесѣдника; цѣнила его дружбу къ великому князю и, къ несчастію для Павла и для себя самой, дѣйствительно вообразила, что его дружба къ Павлу будетъ опорой для цесаревича, ждавшаго престола. Наказаніе, впрочемъ, не заставило себя ждать бѣдную, не вѣдавшую того, дѣвушку: въ то самое время, когда она такъ откровенно писала ему свои милыя письма, онъ, какъ мы уже видѣли,

сравнивалъ Павла съ пчелою, а Нелидову—съ цвѣткомъ... Вообще, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ, что куракинскія письма въ этомъ отношеніи служатъ довольно вѣрнымъ образчикомъ свѣтской фразеологіи того времени, которую можно оправдать лишь тѣмъ соображеніемъ, что притворство есть дань уваженія къ добродѣтели, потому что, по справедливому замѣчанію князя Лобанова, „во всякомъ случаѣ не бывало еще такого полнаго несоотвѣтствія между словами, безпрестанно повторявшимися, и самымъ дѣломъ, которое они должны были выражать“ [1]).

Какъ предполагала Нелидова, такъ и случилось: свѣтъ ея не понялъ, и ея дѣйствія подвергались снова злобнымъ толкованіямъ. Будучи въ сентябрѣ 1793 г. уже уволена отъ званія фрейлины, она должна была, по настоянію Павла, остаться при немъ на осень: сама Нелидова хотѣла этого, чтобы, какъ она писала Куракину, Павелъ былъ ясенъ и спокоенъ во время празднествъ, ожидавшихся осенью по случаю бракосочетанія сына его, Александра Павловича; мало того, сама Марія Ѳедоровна черезъ Плещеева вынуждена была умолять Нелидову повліять въ этомъ смыслѣ на Павла Петровича, такъ какъ Павелъ, въ гнѣвѣ на императрицу-мать, вовсе не предполагалъ даже выѣзжать изъ Гатчины въ Петербургъ [2]). Много горя пришлось испытать въ это время Нелидовой, а поселиться въ Смольномъ она могла лишь послѣ переѣзда великокняжеской четы въ Петербургъ, 23-го ноября, и то лишь послѣ упорнаго сопротивленія великаго князя. Между тѣмъ, еще въ октябрѣ, Растопчинъ писалъ Воронцову: „г-жа Нелидова, вмѣсто того, чтобы оставить дворъ, получивъ увольненіе остается при немъ и пользуется успѣхомъ, который наноситъ ущербъ достоинству великаго князя и подвергаетъ его всеобщему осужденію. Онъ удалилъ отъ себя Нарышкина, Александра Львовича, который былъ слишкомъ довѣрчивъ и привязанъ къ великому князю. Князь Александръ Куракинъ, котораго онъ звалъ „своею

[1]) Князь Лобановъ-Ростовскій: „Е. И. Нелидова“ „Русскій Архивъ“, 1873, 2065—2166.

душою", претерпѣлъ жестокія обиды. Бѣдная великая княгиня остается въ одиночествѣ, не находя никого, кому она могла бы открыть свое горе и, не имѣя другого утѣшенія, кромѣ добродѣтельной жизни". 1-го декабря тотъ же Растопчинъ извѣщалъ Воронцова: „По возвращеніи сюда (т. е. въ Петербургъ), несмотря на всѣ сцены, въ которыхъ, вмѣсто любви и нѣжности, проявлялся гнѣвъ и жестокость, все-таки принуждены были (т. е. Павелъ) разстаться съ m-lle Нелидовой". „Эта маленькая чародѣйка,—писалъ онъ позже—,пріѣзжаетъ, однако же, во дворецъ, и отшельничество ея незамѣтно" [1]).

[1]) Шумигорскій, I, 339—Замѣчательно, какъ Марія Ѳеодоровна постоянно ошибалась въ объясненіяхъ мотивовъ поступковъ Нелидовой: „Je vous confie sous le sceau du plus grand secret que la N. voulut donner une seconde lettre ces jours. mais on la retenu, et ce n'est pas tout: ce n'est pas celui qui y serait le plus interessé, mais d'autres". Тамъ же, письмо ея къ Плещееву, 407, примѣчаніе 13.

IV.

Придворныя интриги, окружавшія Павла Петровича—Переломъ въ его характерѣ—Горесть Маріи Ѳеодоровны.—Сближеніе ея съ Нелидовой.—Кутайсовъ и чета Плещеевыхъ.—Размолвка Нелидовой съ Павломъ Петровичемъ.—Проектъ Екатерины объ устраненіи Павла Петровича отъ наслѣдованія престола.—Неудовольствіе Нелидовой поведеніемъ великаго князя.

Удаленіе Нелидовой отъ двора было первое время загадкой для публики. Для насъ теперь очевидно, что она добилась согласія Павла Петровича на удаленіе свое въ Смольный монастырь лишь на ранѣе предложенныхъ имъ условіяхъ, то-есть обязавшись постоянно посѣщать его дворъ во время пребыванія его въ Петербургѣ зимою, а веспою и лѣтомъ гостить у него въ Павловскѣ и Гатчинѣ. Современники, въ томъ числѣ и Марія Ѳеодоровна, не знали этихъ подробностей отношеній Павла и Нелидовой и потому о дѣйствіяхъ уволенной фрейлины судили вкривь и вкось, неясно понимая даже причины ея увольненія. Поэтому, когда веспою 1794 года Нелидова явилась въ Павловскъ въ качествѣ гостьи, по желанію великаго князя, то никто не зналъ, что объ этомъ думать.

„Что скажете вы, другъ мой, - писала тогда Марія Ѳедоровна Плещееву, — о возвратѣ фавора m-lle Нелидовой? Какое употребленіе она изъ него сдѣлаетъ? И какъ могъ допустить это великій князь послѣ того, какъ онъ былъ такъ раздраженъ противъ нея? Demoiselle—горделива и наверху почестей. Я удивляюсь ея неблагоразумію: въ качествѣ кого она явилась сюда и оставила свое скромное убѣжище? Ахъ, другъ мой, какъ свѣтъ низокъ, и какъ

ужасно все происходящее! Быть можетъ, Господь сотворитъ для насъ чудеса; и эта поѣздка, которая является тріумфомъ для d-lle, обратится противъ нея".

Но уже въ маѣ произошло другое чудо: „великій князь,—писалъ Растопчинъ,—теперь гораздо въ лучшихъ отношеніяхъ съ своею супругой, чѣмъ прежде, потому что она рѣшилась уступить г-жѣ Нелидовой и сблизиться съ нею". Разгадку этой неожиданной перемѣны легко найти отчасти въ томъ же письмѣ Растопчина: „великій князь,—продолжалъ онъ,—находится въ Павловскѣ, постоянно не въ духѣ, съ головой, наполненной призраками, и окруженный людьми, изъ которыхъ наиболѣе честный заслуживаетъ быть колесованнымъ безъ суда". Горячо любя своего супруга, великая княгиня начинала бояться печальныхъ послѣдствій отъ его поведенія и какъ ни недовольна была неожиданнымъ и даже неприличнымъ, по ея мнѣнію, пріѣздомъ Нелидовой, но только въ ея вліяніи увидѣла она почти единственную возможность достигнуть главной своей цѣли—„помочь великому князю вопреки ему самому", руководлего дѣйствіями [1]). Оказалось, что удаленіе Нелидовой послужило къ выгодамъ лишь третьихъ лицъ, напримѣръ, Кутайсова, заботившагося въ своихъ интересахъ не объ успокоеніи Павла Петровича, а, напротивъ, о большемъ его раздраженіи. Ближайшимъ поводомъ къ внѣшнему примиренію Маріи Ѳеодоровны съ Нелидовою было удаленіе весною 1794 г. послѣдняго остававшагося еще при дворѣ стараго друга великокняжеской четы, Плещеева, о которомъ донесено было Павлу, что онъ, вмѣстѣ съ Маріей Ѳеодоровной, „роетъ могилу (creusent une fosse)" Нелидовой, и что въ интригѣ этой принимаетъ участіе невѣста Плещеева, Наталья Ѳедоровна Вергина, бывшая въ это время фрейлиною Маріи Ѳеодоровны. Но въ особенности заставили великую княгиню желать сближенія съ Нелидовой чрезвычайно обострившіяся отношенія между императрицей и ея

---

[1]) Шумигорскій, „Императрица Марія Ѳеодоровна", I. главы XI и XII.

наслѣдникомъ. Императрица, уже рѣшившаяся лишить Павла престолонаслѣдія, готовила въ тишинѣ средства къ достиженію своей цѣли— объявить великаго князя Александра Павловича своимъ преемникомъ, обратившись съ этою цѣлью за содѣйствіемъ къ любимому наставнику Александра, Лагарпу. Честный швейцарецъ, однако, не поддался увѣщаніямъ императрицы, а, напротивъ, ѣздилъ въ Гатчину, чтобы убѣдить Павла перемѣнить его суровыя, подозрительныя отношенія къ старшему сыну и стараться привлечь его къ себѣ Неизвѣстно въ точности, знала ли Марія Ѳеодоровна въ это время о намѣреніи Екатерины объявить своимъ наслѣдникомъ Александра Павловича въ ущербъ правамъ его отца, но она прекрасно сознавала, что дурныя отношенія Павла къ матери угрожаютъ для него въ будущемъ серьезными послѣдствіями; между тѣмъ, Павелъ Петровичъ все болѣе и болѣе уединялся въ своихъ загородныхъ дворцахъ, появляясь въ Петербургѣ на зимнее пребываніе къ 24 ноября ко дню тезоименитства своей матери, и уѣзжал изъ него въ началѣ февраля. Натянутыя отношенія къ императрицѣ были тѣмъ болѣе тяжелы для великой княгини, что лишали ее удовольствія видѣть своихъ дѣтей, такъ какъ всѣ они жили при Екатеринѣ. Великой княгинѣ оставалось лишь одно — просить Нелидову смягчить великаго князя.

„Ради Бога,—писала она Плещееву, — дайте почувствовать маленькой, какъ вредно удаляться отъ императрицы, отъ нашихъ дѣтей, которыхъ мы вовсе не видимъ, и вообще дайте ей понять, что это отчужденіе великаго князя отъ всѣхъ лицъ, имѣющихъ значеніе (de tous les grands), это страшное уединеніе, отталкивая отъ него всѣ сердца, можетъ имѣть только самыя ужасныя послѣдствія. Въ особенности указывайте ей на императрицу и на дѣтей: первая сильно старѣетъ съ каждымъ днемъ, и тѣмъ болѣе опасно удаляться отъ нея; что же касается дѣтей нашихъ, то и они дѣлаются намъ чужды, и мы имъ также. Вы сдѣлайте, мой другъ, чрезвычайно важное дѣло, открывъ глаза Нелидовой по этому предмету“. „Признаюсь вамъ, другъ мой,—писала она позже,—что

бесѣда ваша съ Нелидовой чрезвычайно меня поразила. Что касается ея опасеній за великаго князя, то не она одна питаетъ ихъ. Знаетъ Богъ, знаютъ также и мои друзья, что я дрожу за него, потому что онъ не умѣетъ создавать себѣ друзей, а между тѣмъ онъ погибнетъ когда-либо, если не будетъ имѣть вѣрныхъ и усердныхъ слугъ. Въ то время, когда я осмѣливалась говорить, я тысячу разъ повторяла эти истины своему мужу, и мы знаемъ всѣ, что тогда его любили. Но, чтобы привлечь его къ себѣ, ему начали льстить, удалять его отъ истинныхъ друзей, и слѣдствіемъ этихъ низкихъ уловокъ была та порча его характера, которую мы видимъ теперь. Я очень хорошо знаю, что порчу эту замѣчаютъ ежедневно, и что ее желали бы устранить, но я боюсь, что ничего не дѣлаютъ для этого. Нелидова употребляетъ фальшивую мѣру, рисуя великому князю будущность въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, потому что, не пріучая его этимъ къ сдержанности въ поведеніи, она, вмѣстѣ съ тѣмъ, возстановляетъ его противъ всѣхъ. Тысячу разъ я говорила Лафермьеру: настоящее жестоко, но будущее внушаетъ мнѣ чрезвычайный ужасъ, потому что если мужа моего постигнетъ несчастіе, то не онъ одинъ подвергнется ему, но и я вмѣстѣ съ нимъ“ [1]).

Такимъ образомъ между враждующими сторонами начались переговоры, хотя сначала и чрезъ третье лицо, и они мало-по-малу приводили ихъ къ соглашенію. Обѣ женщины любили Павла, каждая-по-своему, но естественно, что разница въ характерѣ и свойствахъ ума ихъ, при неясномъ пониманіи и знаніи положенія дѣлъ при большомъ дворѣ, выражалась и въ томъ образѣ дѣйствій, котораго держались онѣ въ постоянной борьбѣ съ причудливымъ характеромъ Павла Петровича и въ совѣтахъ, которые онѣ подавали ему. Нелидова, подобно Маріи Ѳеодоровнѣ, обуздывая порывы раздражительности своего друга, считала необходимымъ для великаго князя держаться по отношенію къ императрицѣ въ почтительномъ,

[1]) Шумигорскій, I, 402—403.

осторожномъ, по въ то же время и гордомъ положеніи человѣка, сознающаго свои права, тогда какъ Марія Ѳеодоровна видѣла въ это время спасеніе лишь въ полной покорности волѣ императрицы. „Нелидова, — сообщала Плещееву великая княгиня,—съ дурнымъ сердцемъ соединяетъ и дурной разумъ, потому что, вѣрьте мнѣ, это она поддерживаетъ великаго князя въ его настоящемъ поведеніи, увѣряя его, что въ его власти самому поддержать лицъ, при немъ находящихся, и все это для того, чтобы напугать императрицу, а это только отдалитъ его отъ нея, тогда какъ единственное средство для великаго князя достигнуть своей цѣли заключается въ томъ, чтобы быть почтительнымъ и послушнымъ сыномъ: тогда только императрица не будетъ вооружена противъ него... Въ разговорахъ съ Нелидовой будьте очень осторожны въ выборѣ словъ“ [1]). Несогласіе во взглядахъ не мѣшало, однако, Маріи Ѳеодоровнѣ дѣйствовать уже совмѣстно съ Нелидовой въ обуздываніи горячаго нрава Павла и предупрежденіи вспышекъ его гнѣва въ столкновеніяхъ съ разными лицами и по самымъ ничтожнымъ поводамъ. Такъ, когда, еще до сближенія великой княгини съ Нелидовой, 35 матросовъ изъ морскаго баталіона, имѣвшихъ семейства въ Павловскѣ, присуждены были къ отдачѣ во флотъ за небольшое упущеніе —„Что станется съ ихъ женами и дѣтьми?—спрашивала Марія Ѳеодоровна Плещеева.— Я желала бы, другъ мой, чтобы вы сдѣлали самыя настоятельныя представленія съ цѣлію помѣшать этой несправедливости, и въ этомъ случаѣ, чтобы оградить великаго князя отъ нареканій, я думаю даже, что Богъ и честь дозволятъ даже прибѣгнуть къ вліянію маленькой, если она можетъ воспрепятствовать этому дѣйствію, которое произведетъ самое дурное впечатлѣніе для моего мужа. Вы увидите, другъ мой, что эти баталіоны доставятъ самому великому князю много огорченій и непріятностей, и подумайте о томъ, что императрица, раздраженная этимъ послѣднимъ поступкомъ (онъ, дѣйствительно

[1]) Тамъ же, 403, примѣчаніе.

вполнѣ носитъ характеръ плохой шутки: какъ отсылать отъ себя 35 человѣкъ и при томъ еще матросовъ и въ то же время просить себѣ 1.500 солдатъ!), отниметъ ихъ у него совершенно, и что будетъ тогда съ нами отъ дурнаго настроенія духа, которое на насъ обрушится?!“ [1])

Для предупрежденія подобныхъ исторій великая княгиня, вмѣстѣ съ Нелидовой, постоянно сопровождалъ Павла во время военныхъ его экзерцицій, которымъ онъ предавался со страстью, и которыя въ лѣтнее время начинались очень рано, съ восходомъ солнца и производились во всякую погоду. Но и Нелидовой стало уже трудно справляться съ характеромъ Павла, для подозрительности котораго явилась новая пища: напуганный ужасами французской революціи и возбуждаемый односторонними разсказами о нихъ французскихъ эмигрантовъ, онъ всюду видѣлъ признаки свободомыслія, сознательное презрѣніе къ его желаніямъ и приказаніямъ. „Великій князь, — писалъ Растопчинъ въ маѣ 1794 г.—вездѣ видитъ отпрыски революціи. Онъ всюду находитъ якобинцевъ, и надняхъ четыре офицера арестованы за то, что косы ихъ оказались слишкомъ коротки—вѣрный признакъ революціоннаго духа“ [2]); тогда же началось преслѣдованіе Павломъ круглыхъ шляпъ и фраковъ, введенныхъ въ употребленіе французской модой и принятыхъ даже при дворѣ Екатерины [3]). Въ концѣ-концовъ никто не зналъ, какимъ именно неосторожнымъ словомъ и дѣйствіемъ можно возбудить раздраженіе мнительнаго и суроваго цесаревича, и каждый заботился только о томъ, чтобы какъ можно рѣже попадаться ему на глаза. Переходы отъ крайней милости къ ничѣмъ повидимому, не вызван-

---

[1]) Тамъ же, 421.

[2]) Арх. кн. Воронцова, VIII, 93.

[3]) Masson. Memoires secrets, I, 319. Въ одномъ изъ писемъ великаго князя Александра Павловича къ Салтыкову, молодой великій князь спрашивалъ своего воспитателя, какъ явиться ему на придворный балъ: во фракѣ онъ считалъ быть неудобнымъ, такъ какъ этотъ костюмъ прогнѣвалъ бы его отца, хотя онъ требовался этикетомъ. Юный дипломатъ предположилъ явиться во французскомъ кафтанѣ и думалъ угодить этимъ одновременно и отцу, и бабушкѣ.

ному гнѣву сдѣлались такъ часты у великаго князя, что даже приверженные къ нему люди начинали просто бояться его вниманія и расположенія. „Зная лучше, чѣмъ кто-либо, — сообщалъ въ августѣ 1795 года Растопчинъ, — его характеръ, склонный къ измѣнчивости, я не придаю большого значенія его настоящимъ чувствамъ ко мнѣ и сдѣлаю все возможное, чтобы его довѣріе ко мнѣ не слишкомъ возрастало. Самое лучшее, это — ни во что не вмѣшиваться“ [1]). Другой современникъ, Массонъ, еще яснѣе обрисовалъ эту черту характера Павла Петровича: „Никто никогда не выказывалъ такихъ странностей и такого непостоянства въ выборѣ людей, какъ Павелъ. Къ человѣку, который казался ему подходящимъ, онъ относился сначала съ безпредѣльнымъ довѣріемъ и прямотою; затѣмъ, раскаиваясь въ этомъ своемъ увлеченіи (abandon), онъ начиналъ смотрѣть на него, какъ на человѣка опаснаго, какъ на креатуру своей матери или ея фаворита, предполагая, что онъ вкрался въ его довѣріе для того только, чтобы предать его... Тотъ, кто былъ ближе всѣхъ къ нему, имѣлъ потомъ всегда наиболѣе причинъ на него жаловаться; кто былъ сначала болѣе всѣхъ осыпанъ имъ милостями, тотъ всегда затѣмъ считался самымъ опальнымъ изъ всѣхъ (le plus malheureux“) [2]). Эту же участь готовилась испытать и Нелидова, лишившаяся, благодаря сближенію своему съ Маріей Ѳеодоровной, поддержки всѣхъ тѣхъ новыхъ фаворитовъ Павла, которые извлекали для себя особыя выгоды изъ супружескихъ не согласій великокняжеской четы. Главнымъ изъ нихъ былъ „Иванъ“ (Iwan), т. е. камердинеръ великаго князя, Иванъ Павловичъ Кутайсовъ.

Изъ писемъ Маріи Ѳеодоровны къ Плещееву за 1795 г. ясно видно, что вліяніе Нелидовой на Павла постепенно уменьшалось въ теченіе этого времени [3]), и соотвѣт-

[1]) Арх. кн. Воронцова VIII, 104.
[2]) Masson, Memoires secrets, I, 310.
[3]) Письма Маріи Ѳеодоровны къ Плещеевымъ сохраняются еще въ рукописи. Часть ихъ, въ видѣ извлеченій, напечатана во французскомъ подлинникѣ, въ примѣчаніяхъ къ первому тому моего труда: „Императрица Марія Ѳеодоровна“.

ственно съ этимъ увеличивалось довѣріе къ ней великой княгини, начинавшей видѣть въ Нелидовой свою союзницу. „Находите ли вы, другъ мой, — спрашивала она Плещеева, — что маленькая тропута монмъ вниманіемъ?.. Сегодня вечеромъ на лицѣ ея и великаго князя выражалась печаль. Я увѣрена, другъ мой, что мы не поѣдемъ завтра (въ Петербургъ) Я крайне встревожена этимъ, по мнѣ кажется, что получили оттуда дурныя новости". „Не желая посылать къ вашей маленькой,—писала она въ другой разъ,—я прошу васъ увѣдомить меня, хотя двумя, тремя словами, о томъ, что произошло сегодня. Я знаю, что есть что-то новое „но не знаю, въ чемъ оно состоитъ, и могу узнать это лишь вечеромъ. Ради Бога, поддержите ея мужество, пусть Господь благословитъ ея усилія, и истина восторжествуетъ". Прося Нелидову употребить свое вліяніе на Павла, чтобы улучшить свое положеніе, Марія Ѳеодоровна просила однажды своего друга передать „маленькой", что „она надняхъ испытала удовлетвореніе, какого не чувствовала уже три года", такъ какъ Нелидова, кромѣ другихъ своихъ добрыхъ поступковъ, очень поссорилась съ великимъ княземъ по поводу одной его выходки (elle avait fait une scène active), и что ей пріятно было выразить Нелидовой свое удовольствіе за это". „Я съ своей стороны, прибавляла великая княгиня,—постараюсь быть къ ней какъ можно болѣе любезною: гордость и надменность ея дѣлали меня камнемъ, но выраженіе вниманія съ ея стороны наэлектризовало меня. Просите Нелидову употребить свои усилія, чтобы прекратили шпіонство за мною рѣшительнымъ запрещеніемъ этого, и я скажу тогда, что это будетъ доброе дѣло Нелидовой; это будетъ въ моихъ глазахъ новой ея заслугой, за которую я буду ей признательна, и тогда такимъ образомъ водворится между нами миръ и согласіе (le bonheur)". Съ каждымъ днемъ ухудшавшійся нравъ великаго князя заставлялъ Марію Ѳеодоровну дорожить устанавливавшимися добрымя отношеніями Нелидовой, какъ ни страдало иногда отъ этого ея самолюбіе. „Должно быть, я очень дурно выразилась

въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ вамъ,— сообщала она Плещееву, или вы можете думать, что я сожалѣла объ образѣ дѣйствій, котораго я держусь въ своихъ отношеніяхъ къ Нелидовой. Нѣтъ, это невѣрно, потому что мое поведеніе съ ней основано и на сознаніи моихъ обязанностей, и на требованіяхъ совѣсти, и на Евангельскомъ ученіи. Но я вамъ признаюсь, другъ мой, я думаю, что мой образъ дѣйствій по отношенію къ маленькой сдѣлаетъ ее надменной (l'enorgueillera) и еще болѣе заставитъ играть роль первенствующей дамы (la grande dame). Но пусть будетъ, что угодно Богу, я не измѣню своего поведенія“ [1]).

Примиреніе Маріи Ѳеодоровны съ своей мнимой соперницей становилось такимъ образомъ совершившимся фактомъ, и отъ совмѣстнаго дѣйствія этихъ двухъ женщинъ можно было ожидать благодѣтельныхъ послѣдствій для Павла. Но противная партія также не дремала и старалась съ одной стороны возбудить въ умѣ великаго князя подозрѣнія противъ Нелидовой, а съ другой—сдѣлать предметомъ его платоническаго, рыцарскаго поклоненія другую фрейлину Маріи Ѳеодоровны, Наталью Ѳедотовну Вергилину, бывшую уже въ то время невѣстой Плещеева. Интрига велась усердно и послѣдовательно, благодаря Кутайсову, и достигла своей цѣли: въ концѣ марта 1796 года Нелидова окончательно оставила дворъ и уже не появлялась при немъ, поссорившись съ Павломъ Петровичемъ и удалившись въ Смольный монастырь. Въ письмѣ къ Куракину сама Нелидова такъ объяснила, въ маѣ 1796 г., свое удаленіе, чрезвычайно удачно и мѣтко характеризуя „друга“, т. е. Павла Петровича:

„Вы знаете вашего друга, вы знаете, что когда новое чувство овладѣваетъ его сердцемъ, оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, господствуетъ надъ всѣми его помыслами (de toutes ses facultés intellectuelles). Тогда все то, что раньше имѣло для него значеніе, все то, что могло быть для него полезно, дорого и пріятно, перестаетъ существовать для него

[1]) Шумигорскій, I, 405, 419, 421.

и дѣлается даже тѣмъ болѣе для него неудобнымъ, что совѣсть подсказываетъ ему всю его нечестность (turpitude), и онъ можетъ забыться, лишь идя далѣе по пути зла. Теперь уже пять мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ, наскучивъ видѣть, что его господинъ продолжаетъ довѣрять безупречно честному лицу, котораго никогда не могли заставить войти въ придворныя интриги и мелкіе интересы каждаго, несовмѣстные съ достоинствомъ великаго князя, — Кутайсовъ поклялся передъ людьми, которыхъ считаетъ онъ своими клевретами, и сказалъ точно въ этихъ выраженіяхъ, что онъ сумѣетъ дать чувствамъ своего господина какое будетъ угодно ему направленіе. Я не знаю хорошо, какимъ путемъ онъ достигъ этого, но результатъ былъ тотъ, что мое поклоненіе и благоговѣйная привязанность къ той, съ которой я всегда желала и добивалась видѣть великаго князя въ добрыхъ отношеніяхъ.—съ его матерью,—эти чувства, столь понятныя, и это поведеніе, предписываемыя долгомъ и преданностію, сдѣлались для него подозрительны. Послѣ этого мнѣ стало невозможно никого защищать безъ того, чтобы не возбуждать подозрѣній въ нашемъ другѣ въ моемъ сообществѣ съ людьми, которыхъ я не видѣла съ того времени, какъ я оставила дворъ, и о которыхъ я слышала только отъ него самого. Какъ только установились подобныя отношенія, слуга (то-есть Кутайсовъ) заронилъ и укрѣпилъ мысль завести связи совсѣмъ иныя чѣмъ, тѣ, которыя его господинъ имѣлъ со мною и которыя должны были принести болѣе разнообразія и менѣе стѣсненія, стремясь воспалить воображеніе своего господина удовольствіемъ, не представлявшимъ, какъ казалось, затрудненій пользоваться нѣжностію В. (то-есть Веригиной), о которой, правда, онъ не зналъ, что она уже невѣста. Господинъ, ни о чемъ не предувѣдомленный и не имѣя никакого понятія ни о добрыхъ, ни о дурныхъ свойствахъ дѣвицы, позволилъ вести себя въ ея комнату, куда слуга уже входилъ нѣсколько разъ, по собственному побужденію или нѣтъ—неизвѣстно. Дѣвица просила господина прервать свой визитъ, который, вслѣд-

ствіе малаго знакомства между ними, могъ повести къ дурнымъ толкованіямъ. Женихъ (Плещеевъ), который воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы объявить о своихъ намѣреніяхъ относительно дѣвицы, не былъ выслушанъ, и его прекрасныя проповѣди (sermons) послужили только къ тому, что закусили удила. Я узпала обо всемъ этомъ слишкомъ поздно и считала своею обязанностію употребить все краснорѣчіе дружбы, чтобы, по крайней мѣрѣ, воспрепятствовать ему обезчестить себя такимъ образомъ дѣйствій, имѣвшимъ видъ грабежа чужаго счастья, потому что начали уже бояться, что въ будущемъ никто не можетъ быть спокоенъ за свою жену Онъ отвѣчалъ мнѣ, что, кромѣ меня, никто не нашелъ въ его поступкѣ ничего достойнаго осужденія. Дѣйствительно, общепринятой политикой было заставлять другихъ дѣлать видъ, что они ничего не подозрѣваютъ; успѣли даже убѣдить жениха, что это могло бы содѣйствовать общему благополучію, уничтожая довѣріе, которое имѣли до сихъ поръ ко мнѣ, и что, будучи мужемъ своей жены, онъ не будетъ имѣть никакихъ поводовъ бояться, если, въ видѣ уступки, поселится вмѣстѣ съ будущей своей женою въ Гатчинѣ и Павловскѣ, гдѣ дали бы имъ дома съ полною меблировкой. Когда дѣла были устроены такимъ образомъ, всѣ письма, всѣ секреты стали сообщаться его женѣ (то-есть Маріи Ѳеодоровнѣ) и новой супружеской четѣ (Плещеевымъ), которые составили интимный кружокъ вашего друга, и кружокъ этотъ расходится только на тѣ минуты, когда нужно показываться публикѣ. Жена, благодаря этой снисходительности, возвратила къ себѣ довѣріе своего мужа, и дай Богъ, чтобы оно никогда не находилось въ худшихъ рукахъ; вѣрно по крайней мѣрѣ, то, что благо государства всегда близко ея сердцу, и, будучи сама всегда доступна добрымъ совѣтамъ, она сумѣетъ внушить ихъ человѣку, всегда черезчуръ порывистому въ своихъ страстяхъ. Что касается меня, то, видя, что истинной дружбѣ не придается болѣе значенія, я поставила себя внѣ возможности повторенія какихъ-либо выходокъ, и теперь я спо-

койна, удалял отъ себя всякое воспоминаніе и всякое занятіе, которое могло бы нарушить это спокойствіе [1]).

Всѣ эти факты, разсказанные Нелидовой, вполнѣ подтверждаются отрывочными показаніями современниковъ. 22-го апрѣля 1796 года, Протасовъ, воспитатель великаго князя Александра Павловича, писалъ Воронцову: „Г. Плещеевъ былъ представленъ вчера, какъ женихъ m-lle Веригиной. Оба они на самомъ лучшемъ счету у великаго князя цесаревича и у великой княгини. Для нихъ приготовляютъ домъ и вообще ихъ принимаютъ какъ нельзя лучше, и они лишь одни въ послѣобѣденное время допускаются въ кабинетъ ихъ императорскихъ высочествъ“ [2]). „Наталія Ѳедотовна Плещеева,—разсказываетъ Карабановъ, — была предметомъ кратковременнаго благорасположенія императора Павла, что возбудило крайнее неудовольствіе Екатерины Ивановны Нелидовой, бывшей тогда въ силѣ. Вниманіе это было причиной немаловажнаго смятенія“ [3]). Въ публикѣ ходили слухи, что удаленія Нелидовой требовалъ отъ Павла, послѣ рожденія великой княжны Анны Павловны, даже петербургскій митрополитъ Гавріилъ, въ интересахъ Маріи Ѳеодоровны [4]). Растопчинъ, находившійся въ то время при дворѣ, сообщалъ лишь кратко, что Нелидова „поссорилась съ великой княгиней“ [5]). Наконецъ, сама Марія Ѳеодоровна, находившаяся въ дружеской перепискѣ съ Н. Ѳ. Плещеевой, которую почему-то называла она Chabrinka, уже въ октябрѣ 1796 года иронически отзывалась о бывшей своей союзницѣ въ своихъ письмахъ [6]).

---

[1]) „Correspondance“, 227—280. Письмо отъ 5-го мая 1796 г.

[2]) Архивъ кн. Воронцова. XV, 85.

[3]) „Русская Старина“, 1871, I, 279, 463. Карабановъ впадаетъ въ ошибку, относя это событіе къ „высылкѣ“ Нелидовой изъ Петербурга въ 1798 г. Мы увидимъ далѣе, что „высылки“ этой не было, и что Плещеевы подверглись тогда одновременно съ Нелидовой немилости Павла.

[4]) Болотовъ, „Памятники протекшихъ временъ“, 67.

[5]) Арх. кн. Воронцова, VIII, 165.

[6]) „L'ami Serge a-t il-déjà été à la Communaute? — спрашивала Плещееву Марія Ѳеодоровна. — Cette belle (Делафонъ), je crois lui tiendra aussi de rigueur. Marquez moi tout ce que vous apprendriez Chabrinka, et si un Dieu favorable fait rencontrer à l'ami Serge

Гатчинскій за́мокъ и его садъ въ концѣ XVIII в.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

Все это, однако, невольно вызываетъ удивленіе: съ одной стороны—Нелидова, съ другой—Кутайсовъ, Плещеевы и сама Марія Ѳеодоровна, уже сближавшаяся съ Нелидовой и радовавшаяся этому сближенію... Чѣмъ объяснить эту внезапную перемѣну „дворской политики“?

Хроника придворныхъ интригъ XVIII вѣка отличается такою запутанностію и сложностію отношеній дѣйствующихъ лицъ, что на разстояніи столѣтняго промежутка времени, обладая массой рукописныхъ данныхъ, предполагавшихся быть уничтоженными, мы можемъ лишь постепенно открывать тайныя пружины событій, имѣвшихъ важное значеніе въ русской исторіи; во всякомъ случаѣ, многія изъ этихъ событій мы знаемъ и понимаемъ теперь гораздо яснѣе и всесторонніе, чѣмъ судили о нихъ современники, взятые каждый въ отдѣльности. Можно съ увѣренностію сказать что, сама Нелидова, въ моментъ окончательнаго удаленія своего отъ великокняжескаго двора, не вполнѣ понимала свое положеніе. Несомнѣнно, Что Кутайсовъ давно уже подкапывался подъ вліяніе всемогущей, казалось, фаворитки, которой минуло уже 37 лѣтъ, и старался обратить вниманіе Павла на другую, болѣе молодую дѣвушку, но несомнѣнно также и то, что фаворъ Плещеевой былъ бы для Маріи Ѳеодоровны еще болѣе тяжелъ, чѣмъ фаворъ Нелидовой, и поэтому участіе великой княгини въ совмѣстныхъ дѣйствіяхъ супруговъ Плещеевыхъ по отношенію къ Павлу, а равно усиленіе довѣрія къ ней цесаревича, нужно объяснять другими причинами. И дѣйствительно, сама Нелидова даетъ ключъ къ разгадкѣ неудовольствія на нее Павла, говоря, что ее сдѣлали подозрительною въ его глазахъ ея усилія примирить его съ матерью-

Теперь уже доказано, что въ іюнѣ 1796 года, тотчасъ послѣ рожденія великаго князя Николая Павловича Екатерина предложила Маріи Ѳеодоровнѣ подписать актъ

---

l'autre belle (Нелидову), prechez lui retenue, prudence, discretion, enfin toutes les vertues pour ne pas s'en laisser engouer". Письмо отъ 10-го октября 1796 г. Шумигорскій, I. 435, примѣч.

устранявшій Павла отъ престола въ пользу Александра Павловича, и крайне раздражена была ея отказомъ [1]), въ сентябрѣ того же года вынудила у Александра притворное согласіе на устраненіе отца отъ престолонаслѣдія, несмотря на отказъ Маріи Ѳеодоровны [2]). Но прежде чѣмъ обратиться къ своей невѣсткѣ, Екатерина должна была предварительно вступить въ переговоры по этому поводу съ самимъ Александромъ, который, при извѣстной своей уклончивости, быть можетъ, обусловилъ свое согласіе на планъ бабушки именно одобреніемъ матери о чемъ и сообщилъ ей своевременно, по всей вѣроятности, переговоры эти происходили въ скоромъ времени послѣ свадьбы Александра, въ сентябрѣ 1795 года, такъ какъ императрица еще въ 1792 году мечтала о коронаціи Александра именно послѣ его свадьбы [3]). Марія Ѳеодоровна и Александръ Павловичъ, не желая раздражать императрицу, дѣйствовали уклончиво, слѣдуя заранѣе составленному ими плану. Но, зная характеръ своего супруга, Марія Ѳеодоровна не считала, конечно, удобнымъ передавать ему въ точности все, происходившее между Александромъ и императрицей [4]), а пользуясь содѣйствіемъ Протасова и Плещеева, старалась примирить Павла Петровича съ его старшимъ сыномъ, который для успокоенія подозрительности отца, призналъ его императоромъ, даже при жизни бабушки [5]). Лишь послѣ этого Павелъ, вѣроятно, получилъ отъ своей супруги нѣкоторыя болѣе положительныя свѣдѣнія о намѣреніи Екатерины лишить его престолонаслѣдія и заключить въ замокъ Лоде, о чемъ ходили слухи. Посредниками при переговорахъ Маріи Ѳеодоровны съ Александромъ были Плещеевы [6]), и они же, совмѣстно съ Маріей Ѳеодоров-

[1]) Сборникъ И. Р. И. О., XCIII, 9 | 10, примѣчаніе.
[2]) Шумигорскій, I, 434—435, примѣчаніе.
[3]) Сборникъ И. Р. И. О., XXIII, 574.
[4]) Сборникъ И. Р. И. О., XCVIII, 10, примѣчаніе.
[5]) Шумигорскій, I, 436, примѣчаніе.—Шильдеръ. „Императоръ Александръ Первый“ I, 130—131.
[6]) Доказательствомъ этихъ сношеній можетъ служить слѣдующее письмо Маріи Ѳеодоровны, находящееся въ бумагахъ Плещеева; „Je ne pourrai vous voir que ce soir tard. Ainsi, mon en-

ной, руководители дѣйствіями и Павла Петровича, который не могъ не признать преданности къ себѣ какъ Плещеевыхъ, така и своей супруги. Этимъ объясняются постоянныя совѣщанія и бесѣды этихъ четырехъ лицъ,— бесѣды, на которыя такъ горько жаловалась Нелидова, и въ которыхъ она не могла принимать участія, такъ какъ Маріи Ѳеодоровна, очевидно, боялась довѣрить ей тайну, касающуюся будущности всей ея семьи. Напротивъ, старалась примирить Павла съ матерью, Нелидова только вооружала противъ себя великаго князя, который уже зналъ о замыслахъ Екатерины и лучше, чѣмъ когда-либо, сознавалъ невозможность примиренія: естественно было ему заподозрѣть, какъ писала о томъ сама Нелидова, что она была въ сообщничествѣ съ его врагами, являлась безсознательнымъ ихъ орудіемъ... Дѣйствія Маріи Ѳеодоровны, отнесшейся къ удаленію Нелидовой съ видимымъ удовольствіемъ и ничѣмъ не проявившей участія къ ея судьбѣ, объясняются чувствомъ радости при возвратѣ къ ней довѣрія Павла и надеждою, что довѣріе это и дружбу своего супруга она сумѣетъ удержать навсегда: очевидно, что великая княгиня, въ оцѣнкѣ характера супруга, поддавалась минутному вліянію своихъ впечатлѣній, весьма многое позабывши. Въ сущности, Павелъ остался вѣренъ самому себѣ: скоро ему наскучили и прекрасныя „проповѣди“ Плещеева, и общество Натальи Ѳедотовны, и сентиментальная методичность великой княгини, и онъ вновь почувствовалъ потребность въ живой, умной бесѣдѣ Нелидовой, въ ея рѣзкихъ, но сердечныхъ и всегда искреннихъ отзывахъ и сужденіяхъ

---

fant, dites par quelques mots ce qui vous arrive de nouveau. Tener vous au nom de Dieu au plan arrêté, pu courage et de la fermeté, mon enfant. Dieu n'abandonne l'innocence et la vertue. Barthaume vous enverra ceci de chez lui, comme une lettre vous est arrivé de la Grävenitz, et vous repondez moi en mettant sur le couvert l'adresse à mad. de Grävenitz, et envoyer la à Berthaume chez lui. Brulez mes billetb, je brule les vôtres“. Г-жа Гревенитъ—урожденная княжна Воронецкая, бывшая фрейлина Маріи Ѳеодоровны и вышедшая замужъ за Гревенитца, виртембергскаго офицера, поступившаго подъ покровительствомъ Маріи Ѳеодоровны, въ русскую службу Бертомъ былъ довѣреннымъ камендинеромъ великой княгини.

Уже въ октябрѣ 1796 года, послѣ неудачнаго сватовства великой княжны Александры Павловны, написалъ онъ Нелидовой письмо, въ которомъ приглашалъ ее посѣтить Гатчину, но получилъ отъ нея отказъ.

„Я объяснила ему, — писала она Куракину, — деликатно, но со всею прямотою честнаго сердца, которое никого не хочетъ держать въ зависимости, что рѣшеніе мое непоколебимо. Пусть онъ примирится съ нимъ разъ навсегда, я надѣюсь на это! Пусть онъ встрѣтитъ новаго друга, который могъ бы предложить ему сердце, подобное моему въ отношеніи къ нему! Его счастье будетъ всегда однимъ изъ предметовъ самыхъ горячихъ моихъ молитвъ, но это все, чѣмъ я могу и хочу ему содѣйствовать. Почему вы хотите, чтобы я видѣлась съ нимъ? Встрѣча съ нимъ возбудила бы во мнѣ только непріятныя чувства, которыя онъ долженъ бы былъ желать потушить, если бы имѣлъ самое маленькое уваженіе къ моимъ чувствамъ къ нему: если бы какія-либо непредвидѣнныя обстоятельства заставили меня съ нимъ встрѣтиться, онъ не нашелъ бы во мнѣ того, что, быть можетъ, надѣется найти... Думаете ли вы, что онъ не сознавалъ, не предвидѣлъ всего того, что я должна бы чувствовать, когда онъ предавался всѣмъ своимъ сумасбродствамъ, какъ человѣкъ безъ сердца? Если бы это была только несдержанность, быть можетъ, я могла бы возвратиться къ нему. Но въ его поступкахъ проявилась низость (la bassesse), предательство. Онъ унизился въ моихъ глазахъ и въ глазахъ всѣхъ тѣхъ, которые не находили своей выгоды въ его дурачествахъ, въ его недостойныхъ выходкахъ, на которыя я до того времени считала его неспособнымъ. Его угрызенія совѣсти, какъ бы искренни они ни были, не очистятъ его въ моихъ глазахъ и не заставятъ меня уступить или забыть, на что онъ при случаѣ бываетъ способенъ, и хотя бы я даже была увѣрена, что я не буду болѣе подвержена какой-либо опасности, но впечатлѣніе уже произведено и не можетъ изгладиться. Пусть все то, что я вамъ говорю сейчасъ, не повліяетъ на ваше сердце и не уда-

лить васъ отъ того, кто только въ васъ имѣетъ истиннаго друга! У васъ нѣтъ причинъ, ради которыхъ я должна была отказаться отъ его дружбы, и пусть Господь сдѣлаетъ его способнымъ цѣнить васъ всегда! Вы этотъ моментъ я получила цѣлую кучу извиненій и оправданій (отъ Павла), которыя прервали мою бесѣду съ вами и я снова повторяю вамъ, что все это только усиливаетъ мое отвращеніе. Ахъ, дорогой князь, не говорите мнѣ ничего въ пользу вашего друга: я могу чувствовать наклонность только къ благородному сердцу, и всѣ поступки, ему чуждые, внушаютъ мнѣ непреодолимое отвращеніе“ [1]).

Письмо это написано было Нелидовой изъ Смольнаго 1-го ноября, за четыре дня до апоплексическаго удара прервавшаго жизнь ея благодѣтельницы, императрицы Екатерины. 6-го ноября, опальный великій князь Павелъ Петровичъ, „неблагородный“ другъ Нелидовой, сталъ русскимъ самодержцемъ, и вслѣдъ затѣмъ никому ненужная отшельница-смольнянка явилась кумиромъ двора и властительницей думъ новаго императора.

[1]) Correspondance, 292—294.

V.

Воцареніе императора Павла.—Первыя его дѣйствія.—Письмо Нелидовой къ Павлу.—Милости Павла къ Нелидовой.—Сближеніе съ нею императрицы Маріи Ѳеодоровны. — Характеристика вліянія Нелидовой на образъ дѣйствій Павла Петровича.—Заступничество Нелидовой за опальныхъ.

Воцареніе императора Павла Петровича сопровождалось безпощадною и быстрою ломкой порядковъ, существовавшихъ при Екатеринѣ, и замѣной ихъ новыми. Устраняемый въ царствованіе Екатерины отъ всякаго участія въ дѣлахъ правленія, Павелъ привыкъ скептически относиться къ дѣятельности державной своей матери, видѣлъ въ положеніи дѣлъ однѣ лишь дурныя стороны и въ тиши опальной своей жизни выработалъ себѣ до мельчайшихъ подробностей новую правительственную программу, о существить которую онъ намѣревался по восшествіи своемъ на престолъ. Сдѣлавшись императоромъ лишь на 42-мъ году своего возраста, Павелъ точно боялся, что не успѣетъ совершить всѣхъ задуманныхъ имъ перемѣнъ: каждый почти день его правленія приносилъ съ собою свои крупныя новости, и, казалось, скоро вся жизнь Россіи должна была получить иное направленіе. Въ сферахъ, ближайшихъ къ престолу: военной и придворной, перемѣны начались сразу. Не прошло и мѣсяца, какъ екатерининская гвардія превратилась уже въ гатчинскую, надъ которой прежде такъ усердно смѣялись, а екатерининскіе вельможи уступили свои мѣста гатчинскимъ придворнымъ, не смѣвшимъ зачастую даже появляться при большомъ дворѣ: братья Куракины, Плещеевъ, Допауровъ, Ростопчинъ, Кушелевъ, Аракчеевъ и др. были призваны занять высшія должности въ имперіи, состав-

ляя ближайшій къ престолу кружокъ лицъ, на преданность и усердіе которыхъ особенно полагался Павелъ. Тѣмъ чувствительнѣе было для него отсутствіе Нелидовой, которая несмотря на свои 38 лѣтъ и восьмимѣсячное пребываніе въ Смольномъ, сохранила свою власть надъ его умомъ и темпераментомъ: въ ней видѣлъ онъ единственнаго стараго друга, умѣвшаго говорить ему правду и отвѣчать его душевному настроенію. Ссора съ ней лежала у него на сердцѣ тяжелымъ камнемъ, и, только что получивъ отъ нея вторичный отказъ посѣтить его въ Гатчинѣ, Павелъ искалъ средствъ вновь примириться со старымъ своимъ другомъ. Въ день кончины, Екатерины, 6 ноября, на разсвѣтѣ, когда императрица была еще въ агоніи, Павелъ нашелъ время, по разсказу Ростопчина, разговаривать съ четверть часа съ камеръ-пажемъ Нелидовымъ, „вѣроятно, замѣчаетъ Ростопчинъ, о теткѣ его Катеринѣ Ивановнѣ“ [1]). Камеръ-пажъ этотъ былъ, впрочемъ, не племянникъ ея, а родной братъ, Аркадій.

Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало неимовѣрно быстрое повышеніе по службѣ счастливаго брата упрямой фрейлины: 7 ноября, въ день восшествія Павла на престолъ, камеръ-пажъ Аркадій Нелидовъ произведенъ былъ прямо въ майоры, съ назначеніемъ быть адъютантомъ при его величествѣ, а чрезъ день, 9 ноября, тотъ же Нелидовъ, ко всеобщему изумленію, пожалованъ былъ подполковникомъ [2]). Никто не могъ сомнѣваться, и всѣхъ менѣе сама сестра, Екатерина Ивановна, ради кого изливались такія милости. Когда именно произошло первое свиданіе Павла съ Нелидовой—указать трудно; но всего вѣроятнѣе, что во время печальныхъ церемоній, сопровождавшихъ погребеніе Екатерины и Петра III. Но еще 23 ноября, наканунѣ именинъ Нелидовой, Павелъ прислалъ ей дорогой подарокъ, который она, однако, отказалась принять. „Вы знаете, государь,—писала она,—что, цѣня по достоинству дружбу, которую вы уже такъ давно мнѣ

[1]) „Послѣдній день императрицы Екатерины II и первый день царствованія Павла“. „Арх. кн. Воронцова“, VIII, 165.

[2]) Высочайшіе приказы 1796 г.

оказываете, я умѣла цѣнить лишь это чувство, и что ваши дары всегда были мнѣ болѣе тягостны, чѣмъ пріятны. Позвольте же мнѣ умолять васъ не принуждать меня къ принятію того подарка, который я осмѣливаюсь возвратить вашему величеству. Вы должны быть спокойны на счетъ чувства, заставляющаго меня такъ дѣйствовать, потому что я въ то же время съ благодарностію принимаю фарфоровые дежене“ [1]). Зато, 5 декабря подполковнику Аркадію Нелидову пожаловано было 1.000 душъ [2]).

Миръ между друзьями, такимъ образомъ, возстановился, тѣмъ болѣе, что о немъ стали хлопотать тѣ именно лица, которыя прежде радовались удаленію Нелидовой: новая императрица Марія Ѳеодоровна и Плещеевъ, жена котораго Наталія Ѳеодоровна, уже перестала пользоваться вниманіемъ Павла Петровича; поставленныя лицомъ къ лицу съ причудливымъ нравомъ государя, дѣйствія котораго не ограничивались на этотъ разъ райономъ Гатчины и Павловска, а распространились на всю имперію, приближенныя къ Павлу лица сознали необходимость попрежнему вступить въ союзъ съ Нелидовой. Для Маріи Ѳеодоровны существовала полная возможность завязать съ ней постоянныя сношенія, такъ какъ 12 ноября императрица назначена была „начальствовать воспитательнымъ обществомъ благородныхъ дѣвицъ“, гдѣ жила отставная ея фрейлина,—и почти ежедневно посѣщала это учрежденіе и начальницу его, Делафонъ, у которой могла видѣться съ Нелидовой. Въ день своего назначенія Марія Ѳеодоровна посѣтила Смольный, увидѣлась тамъ съ Нелидовой и тогда же заключила съ ней, послѣ трогательнаго объясненія дружественный союзъ уже навсегда [3]).

---

[1]) „Осьмнадцатый Вѣкъ“, III, 424.

[2]) „Сенатскій Архивъ“, I, 23.

[3]) 12-го ноября 1798 г. Марія Ѳеодоровна писала Нелидовой: „Il y a deux années aujourd'hui que vous vîntes la première fois chez moi, chère Nélidow; vous rappellez—vous de tous les détails de cette entrevue. Mon coeur se les rappelle tous, mais je ne m'arrête que sur la réflexion consolante que j'ai gagné ce jour une bonne, tendre et fidèle amie. Que Dieu a daigné me la conserver et que mon coeur est et sera toujours à elle!“—Chumigorsky: „Lettres de S. M. l'Impératrice Marie Feodorowna à m-lle Nelidow“, I, 126.

Видимо цѣлью союза было благо императора и имперіи.

Первыя дѣйствія Павла Петровича по его воцареніи произвели вообще благопріятное впечатлѣніе на общество: забвеніе старихъ обидъ, облегченіе народныхъ тягостей и прощеніе многихъ осужденныхъ Екатериной невольно привлекали къ нему сердца; даже суровости военной службы, вводившіяся Павломъ, частью въ уродливой формѣ, и совмѣстительство похоронъ Екатерины и Петра III объяснялись добрыми свойствами новаго государя, любившаго порядокъ и питавшаго сыновнее уваженіе къ памяти своего несчастнаго отца. „Дворъ и столица,— говоритъ одинъ изъ злѣйшихъ порицателей Павла, Массонъ,—остолбенѣли отъ удивленія... Начинали думать, что не знали его характера, и что продолжительная печальная опала не измѣнила его совершенно. Всѣ видѣли себя счастливо обманутыми въ своихъ ожиданіяхъ, и поведеніе императора заставляло въ это время забыть о поведеніи великаго князя [1]). Но приближенные къ императору люди, Марія Ѳеодоровна и Плещеевъ, хорошо знали, что такое положеніе дѣлъ было только затишьемъ передъ бурей, что отъ Павла, склоннаго дѣйствовать по первому впечатлѣнію, можно было ожидать поступковъ, которыхъ не всегда можно было предвидѣть, тѣмъ болѣе остановить. Дѣйствительно, занятый преобразованіемъ екатерининской арміи по образцамъ арміи Фридриха II, Павелъ захотѣлъ уничтожить и военный орденъ св. Георгія, установленный Екатериной за военныя отличія, и, чтобы яснѣе выразить свое намѣреніе унизить этотъ символъ славы войскъ Екатерины, предположилъ не чествовать его праздника 26 ноября. Очевидно, что усилія Маріи Ѳеодоровны и Плещеева удержать Павла отъ этого шага, который глубоко оскорбилъ бы всѣхъ екатерининскихъ ветерановъ, заслужившихъ этотъ орденъ своею кровью на поляхъ сраженій,—оказались напрасны, такъ какъ они въ концѣ концовъ должны были обратиться за содѣйствіемъ къ Нелидовой, которая, будто бы по соб-

[1]) Masson: „Memoires secrets“, I, 189.

ственному почину, написала Павлу краснорѣчивое письмо, умоляя отказаться отъ своего намѣренія.

„Узнаете ли вы,—писала она императору въ самый день своихъ именинъ 24-го ноября,—голосъ той, которая всегда была другомъ вашей славы, и отвергнете ли вы ея усердіе въ обстоятельствахъ, которыя она считаетъ къ ней прикосновенными? Я побоялась, что бы то́, что́ я слышала на счетъ ордена, единственнаго утѣшенія и награды столькихъ людей, столько разъ проливщихъ кровь свою за отечество, было правдою, и я попросила человѣка, которому я довѣряю, словомъ—г. Плещеева, заѣхать ко мнѣ: я хотѣла черезъ него передать вамъ мои желанія, и сердце мое, кромѣ того, внушило мнѣ написать къ вамъ. Именемъ Бога, государь, да не выкажетъ ваше величество неуваженія, да не обнаружите вы пренебреженія къ ордену, установленному для того, чтобы награждать усердіе и храбрость вашихъ подданныхъ. Подумайте, государь, о томъ, что въ теченіе долгаго времени этотъ знакъ отличія былъ наградою за пролитую кровь, за члены, истерзанные на службѣ отечеству! Сжальтесь надъ столькими несчастными, которые утратили бы все, увидѣвъ, что ихъ государь оказываетъ презрѣніе тому, что составляетъ ихъ славу, свидѣтельствуя о ихъ мужествѣ! Если вы, государь, имѣете намѣреніе упразднить этотъ орденъ,—вы, переставая возлагать его на вашихъ подданныхъ, тѣмъ самымъ упраздните его, но до того времени удостойте почета носящихъ его, становясь при случаѣ во главѣ ихъ. Ваше величество можете найти разные предлоги, чтобы самому имъ не украшаться, какъ напримѣръ, тотъ, что вы не успѣли его заслужить, такъ какъ обстоятельства не дали вамъ къ тому случая, при чемъ вы, умѣя цѣнить заслуги тѣхъ, которые его носятъ, всетаки можете поставить въ удовольствіе доказать имъ ваше уваженіе вашимъ присутствіемъ. Простите меня, государь, если мое усердіе нескромно; но пока я буду принимать къ сердцу вашу славу, и пока любовь къ вамъ вашихъ вѣрноподданныхъ будетъ предметомъ моихъ желаній для васъ, я буду считать моимъ долгомъ рас-

крывать вамъ мое сердце на счетъ всего, что можетъ касаться лично вашего императорскаго величества. Въ такихъ чувствахъ относительно моего государя считаю я долгомъ жить и умереть“ [1]).

Письмо Нелидовой произвело свое дѣйствіе: Павелъ уступилъ старому своему другу въ томъ, въ чемъ не хотѣлъ уступить ни Маріи Ѳеодоровнѣ, ни Плещееву, а затѣмъ 30-го ноября посѣтилъ Смольный институтъ, вмѣстѣ съ Маріей Ѳеодоровной, великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ и его супругой Елисаветой Алексѣевной [2]). 11-го декабря, накануѣ дня рожденія своей любимицы, Павелъ, стремясь излить на нее свою щедрость и не смѣя дарить ей лично, именнымъ указомъ сенату пожаловалъ ея матери двѣ тысячи душъ крестьянъ въ родномъ ей Дорогобужскомъ уѣздѣ Смоленской губерніи [3]). Новая милость императора къ родным Нелидовой, какъ видно, сильно смутила ее, и она писала ему:

„Ради Бога, государь, позвольте мнѣ просить у васъ, какъ милости, чтобы вы уменьшили этотъ даръ, слишкомъ щедрый, на половину. Моя мать всегда бы сочла за великое и неожиданное для себя богатство тысячу душъ, отъ которыхъ я не смѣю отказаться за нее, потому что она мнѣ мать. Вы понимаете, государь, все то, что въ этихъ обстоятельствахъ можетъ связать мнѣ языкъ. Но смѣю завѣрить васъ всѣмъ тѣмъ, что есть для меня священнаго, что я сочла бы истиннымъ благодѣяніемъ, если бы вы имѣли милость дать ей 500 душъ, и моя мать сочла бы себя весьма счастливо и щедро награжденною, между тѣмъ какъ 2.000 душъ тяготятъ мою совѣсть: ни моя мать, ни кто-либо изъ моихъ близкихъ еще не служилъ вамъ; есть еще время уменьшить вашъ даръ на половину, и я повергаюсь къ вашимъ стопамъ, чтобы просить васъ объ этомъ; можно сказать, что 2.000 душъ были выставлены по ошибкѣ: сдѣлайте это, государь, ради Бога, пока на это есть еще время, снимите ст.

[1]) „Осьмнадцатый Вѣкъ“, III. 425—426.
[2]) Камеръ-фурьерскій журналъ 1796 г.
[3]) „Сенатскій Архивъ“ 30.

моего сердца тяжесть". Благодаря затѣмъ Павла за присланный ей лично фарфоръ, Нелидова заключила свое письмо словами: „я была бы счастлива, если бы у меня не было ни дня рожденія, ни именинъ" [1]). Пожалованіе матери Нелидовой, конечно, уменьшено не было, а 1-го января 1797 г. Павелъ Петровичъ доказалъ безкорыстно скромной своей любимицѣ, что, кромѣ дня рожденія и именинъ, существуетъ для раздачи милостей еще и Новый годъ: въ этотъ день тотъ же счастливый, очевидно любимый, братецъ Нелидовой произведенъ былъ въ полковники, съ оставленіемъ въ званіи флигель-адъютанта [2]).

Примиреніе между Павломъ и Нелидовой, очевидно, состоялось: Нелидова не устояла въ своемъ рѣшеніи, объявленномъ ею Александру Куракину за четыре дня до восшествія Павла на престолъ, только молиться о счастіи своего „неблагороднаго" друга. И дворъ, и вся оффиціальная Россія знали уже, кто является властительницей сердца императора, въ чьихъ рукахъ находится гнѣвъ и милость самодержца, не привыкшаго разбираться въ своихъ впечатлѣніяхъ и дѣйствовавшаго быстро и рѣшительно. Всѣ, искавшіе милости Павла Петровича, группировались около всемогущей, какъ казалось, фаворитки, положеніе которой было тѣмъ прочнѣе и почетнѣе, что сама супруга Павла, новая императрица, всячески выказывала ей свое вниманіе и уваженіе.

„Вамъ пріятно будетъ узнать, — писалъ Воронцову придворный докторъ Рожерсонъ 14-го декабря 1796 года, — что миръ и согласіе царствуютъ въ императорскомъ семействѣ. Императрица, которая, безъ сомнѣнія, есть самая добродѣтельная женщина въ мірѣ, пользуется вліяніемъ, но не злоупотребляетъ имъ... Она занята тѣмъ, что дѣлаетъ добро. Она часто ѣздитъ въ Смольный монастырь, который ввѣренъ ея попеченіямъ. Она прилагаетъ всѣ старанія, чтобы побудить m-lle Нелидову возвратиться ко двору, но та до настоящаго времени остается

[1]) Осьмнадцатый вѣкъ, III.
[2]) Высочайшіе приказы 1797 г., „Спб. Вѣдомости", 1797 г., № 2.

непоколебимою въ этомъ отношеніи. Дѣвица эта ведетъ себя такимъ образомъ, что возбуждаетъ всеобщее удивленіе и почтеніе: она изрѣдка появляется на придворные обѣды, но не хочетъ ни во что вмѣшиваться, хотя ей ни въ чемъ не было бы отказа. Г-жа Делафонъ назначена статсъ-дамой. и я думаю, что честолюбивыя цѣли Нелидовой заключаются въ томъ, чтобы послѣ этой престарѣлой своей подруги получить начальсто надъ Смольнымъ“ (sic [1]).

Одна изъ придворныхъ дамъ того времени, извѣстная графиня Головина, еще подробнѣе уясняетъ значеніе, пріобрѣтенное тогда Нелидовой. „Въ первый визитъ свой въ Смольный,— разсказываетъ она,— императоръ примирился съ Нелидовой и велъ себя такъ хорошо, что сама императрица вынуждена была смотрѣть на нее, какъ на лучшаго своего друга, и сообразно съ этимъ относиться къ ней. Съ этого момента единеніе самое полное видимо установилось между императрицей и m-lle Нелидовой. Императрица этимъ союзомъ съ новою своею подругой укрѣпила свое вліяніе, и обѣ онѣ вмѣшивались во всѣ дѣла и во всѣ назначенія и въ особенности поддерживали другъ друга. Единеніе это было бы для всѣхъ удивительнымъ, если бы вскорѣ не стало яснымъ, что оно основывалось на личномъ интересѣ: безъ m-lle Нелидовой императрица не могла разсчитывать имѣть какое-либо вліяніе на своего супруга, какъ это и было потомъ доказано; точно также и Нелидова безъ императрицы, въ стремленіи своемъ вести себя всегда прилично, не могла бы играть при дворѣ той роли, которою она пользовалась, и нуждалась поэтому въ расположеніи императрицы, бывшемъ какъ бы защитой для ея репутаціи. Посѣщенія Смольнаго дворомъ сдѣлались весьма часты. Императрица была чрезвычайно рада видѣть дворъ въ учрежденіи, которымъ она управляла, а m-lle Нелидовой пріятно было доказать публикѣ, что именно ея присутствіе влекло туда императора, и что онъ охотно являлся туда потому, что

[1]) „Архивъ кн. Воронцова“, XXX, 84—85.

m-lle Нелидова въ особенности любила это мѣсто. Вслѣдствіе всего этого, всѣ три заинтересованныя лица находили свои вечернія собранія прелестными, проводя ихъ часто исключительно въ бесѣдѣ другъ съ другомъ. Но остальная часть двора присутствовала тамъ лишь потому, что императоръ пріѣзжалъ всегда въ Смольный не иначе, какъ съ большою свитой. Великіе князья и великія княгини проводили тамъ время смертельно скучно. Иногда молодыя воспитанницы давали концерты, иногда онѣ танцовали, но часто время проходило въ полномъ ничегонедѣланіи“ [1]).

Сама Нелидова также ѣздила иногда въ Зимній дворецъ, гдѣ отведены были для нея особые аппартаменты, долгое время и послѣ называвшіеся Нелидовскими [2]), но не захотѣла переселиться туда на постоянное жительство, зная хорошо перемѣнчивый характеръ государя и не желая вторично ставить себя въ ложное положеніе.

Въ чемъ же выразилось вліяніе Нелидовой въ то время, когда ея царственный поклонникъ сдѣлался повелителемъ обширнѣйшей и могущественнѣйшей имперіи въ свѣтѣ? Можно сказать положительно, что въ новомъ своемъ значеніи наша героиня оказалась тою же сентиментально-доброю и благонамѣренною институткой, какою была она и ранѣе при дворѣ Павла. У Нелидовой не было и признаковъ государственнаго ума и политическаго образованія, не было даже твердыхъ политическихъ убѣжденій, которыя могли бы выработаться у нея даже чисто практическимъ путемъ въ теченіе 20-ти-лѣтняго пребыванія среди дѣльцовъ вѣка Екатерины, въ водоворотѣ крупныхъ политическихъ перемѣнъ въ судьбахъ Россіи и Европы, рѣзко характеризующихъ собою вторую половину XVIII вѣка. Вмѣсто какихъ-либо теорій, Нелидова, подобно большинству женщинъ того времени, создавала себѣ не продуманныя политическія симпатіи, вызванныя на свѣтъ Божій попреимуществу какими-либо нравствен-

[1]) Записки гр. Головиной, 102—103.
[2]) „Русскій Арх.“, 1873, 2168.

ными и сердечными мотивами: все доброе, прекрасное, великодушное или все казавшееся таковымъ встрѣчало участіе и поддержку Екатерины Ивановны, какъ бы мало ни согласовалось это „доброе“ съ государственными соображеніями и цѣлями; точно также, по чисто женской логикѣ, всѣ симпатичные почему-либо люди или казавшіеся таковыми признавались людьми достойными и полезными для государства, и, наоборотъ, самые искренніе и дѣловитые государственные люди не возбуждали къ себѣ никакого уваженія, если отталкивали отъ себя несимпатичною внѣшностью или какимъ-либо мнѣніемъ, мало согласовавшимся съ „великодушіемъ“, „добротою“ и т. п. Короче, политическія мнѣнія Нелидовой и единомышленныхъ съ ней приближенныхъ Павла говорили болѣе сердцу, чѣмъ уму. Вотъ почему въ области теоретическихъ государственныхъ соображеній Павелъ Петровичъ былъ всегда сильнѣе Нелидовой и дѣйствовалъ, какъ и прежде, въ этомъ отношеніи самостоятельно: измѣнялся всегда не образъ его мыслей, а характеръ его дѣйствій, которымъ легко было управлять и Нелидовой, и Маріи Ѳеодоровнѣ, въ первое время его царствованія.

Удерживать императора отъ вспышекъ гнѣва и отъ рѣзкихъ необдуманныхъ распоряженій, вызывавшихъ недовольство войскъ и общества, ходатайствовать за опальныхъ, назначать на высшія придворныя и государственныя должности людей, благонамѣренныхъ и преданныхъ государю,—вотъ чего главнымъ образомъ добивались новая императрица и ея довѣренная фрейлина. Въ особенности легко было имъ содѣйствовать выбору должностныхъ лицъ. Павла Петровича всегда преслѣдовала боязнь заговоровъ или дворцоваго переворота: событія 1762 года всегда живо представлялись его воображенію. Поэтому онъ стремился окружить себя такими людьми, на которыхъ могъ бы вполнѣ разсчитывать. Оттого онъ, по свидѣтельству современниковъ, возвышалъ на высшія должности часто недостойныхъ людей, менѣе всего способныхъ къ исполненію возлагаемыхъ на нихъ обязанностей. Такихъ людей онъ выбиралъ изъ числа своихъ гатчинцевъ, такихъ онъ

отыскивалъ среди приверженцевъ своего отца, которые когда-то дали ему доказательство своей вѣрности, среди ихъ потомковъ или родственниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Павелъ преслѣдовалъ и удалялъ тѣхъ, которые пользовались вниманіемъ его матери и которые уже по одному этому были для него подозрительны. Боязнь какой либо измѣны была постояннымъ, всегда дѣйствующимъ мотивомъ его поступковъ и его милостей [1]). Старые друзья Павла, братья Куракины, сразу получили высшія мѣста въ имперіи: Александръ, другъ Нелидовой, назначенъ былъ вице-канцлеромъ, а Алексѣй—генералъ-прокуроромъ, Ростопчинъ и Аракчеевъ завѣдывали военною частію, Плещеевъ, Лопухинъ, Нелединскій-Мелецкій, двоюродный братъ Куракиныхъ, состояли при особѣ императора для докладовъ по гражданской, а Кушелевъ по морской части и др. Изъ екатерининскихъ дѣльцовъ пользовался дѣйствительнымъ вліяніемъ лишь Безбородко, умѣвшій доказать свою преданность и выдвинувшій тогда же и Трощинскаго. Было бы утомительно перечислять всѣхъ лицъ, которымъ, по личнымъ соображеніямъ, покровительствовала сама Нелидова: достаточно указать на графа Ѳ. Ѳ. Буксгевдена, женатаго на ея интимной институтской подругѣ, Наталіи Александровнѣ Алексѣевой [2]), и получившаго, по восшествіи Павла на престолъ, извѣстный эстляндскій замокъ Лоде, предполагавшійся, какъ думали, мѣстомъ ссылки самого Павла, съ принадлежащими къ нему мызами, и затѣмъ графское достоинство [3]), а также барона Гейкинга, женатаго на дочери г-жи Делафонъ, изъ предсѣдателей курляндской гражданской палаты пожалованнаго сначала сенаторомъ и въ этомъ званіи употреблявшаго всѣ усилія къ возобновленію уничтоженныхъ Екатериной остзейскихъ привилегій, а затѣмъ и президентомъ юстицъ коллегіи. „Вызванный внезапно въ Пе-

---

[1]) Czartoryski: Memoires, I, 132.

[2]) Князь Лобановъ-Ростовскій: „Русская родословная книга“, I, 5, 421. — По свидѣтельству Гельбига, она была дочерью графа Григорія Орлова, котораго Буксгевденъ былъ адъютантомъ.

[3]) „Сенатскій Архивъ“, I, 58, 142.

тербургъ,—разсказываетъ самъ Гейкингъ,—я поспѣшилъ въ Смольный институтъ, къ своей тещѣ, у которой нашелъ дамъ изъ нашихъ пріятельницъ. Мы уже отобѣдали, когда изъ дворца пріѣхала фрейлина Нелидова. Самымъ любезнымъ образомъ выразила она радость свидѣться со мною у „Guten Mama“ (такъ продолжали называть мою тещу всѣ бывшія воспитанницы института, какое бы положеніе въ обществѣ онѣ ни занимали). Поцѣловавъ у своей „Mama“ руку, она сказала ей: „ихъ величества поручаютъ мнѣ поздравить васъ съ удовольствіемъ видѣть у себя господина барона. Государь милостиво разрѣшилъ привѣтствовать его завтра вечеромъ“. Затѣмъ, обратясь ко мнѣ, госпожа Нелидова внушительно замѣтила: „Вы не дурно сдѣлаете, если завтра поутру заѣдете къ генералъ-прокурору (Алексѣю Куракину), но ранѣе восьми часовъ“, прибавила она улыбаясь. „Да“, сказалъ кто-то изъ присутствующихъ, „все въ Петербургѣ измѣнилось: поднимаются очень рано, а въ 11 часовъ вечера всѣ—по домамъ“. Оказалось, что генералъ-прокурору уже повелѣно было спросить у Гейкинга, какое ему угодно будетъ занять мѣсто въ Петербургѣ, и скромный баронъ выбралъ себѣ только мѣсто сенатора; вмѣстѣ съ тѣмъ, еще до представленія государю, Гейкингу даровано было рѣдкое право присутствовать на малыхъ вечернихъ собраніяхъ во дворцѣ и ужинать съ государемъ. Гейкингъ и впослѣдствіи пользовался поддержкой Fräulein Nelidow [1]).

Заступничество Нелидовой за опальныхъ повело къ тому, что она не имѣла враговъ; напротивъ, она всѣмъ внушала къ себѣ расположеніе своимъ поведеніемъ. Одинъ изъ главныхъ дѣятелей революціи 1762 года, оберъ-гофмаршалъ князь Я. С. Барятинскій, первый испыталъ заслуженный, хотя и поздній гнѣвъ императора: въ день кончины Екатерины на его мѣсто оберъ-гофмаршаломъ назначенъ былъ графъ П. П. Шереметевъ; самъ же Барятинскій былъ уволенъ отъ всѣхъ дѣлъ на дру-

[1]) „Aus den Tagen Kaiser Pauls“, Leipzig, 1886, 8 et sqq.

гой день, 7-го ноября [1]). „Въ день праздника св. Георгія“,—разсказываетъ графиня Головина въ своихъ запискахъ,—„дочь князя Барятинскаго, княгиня Долгорукова, просила императора о прощеніи отца, но Павелъ отказалъ ей. Тогда Долгорукова обратилась за помощью къ Нелидовой, которая и обѣщала ей свое покровительство. Я находилась позади нихъ обѣихъ, когда княгиня настаивала предъ m-lle Нелидовой, чтобы она ходатайствовала за нее предъ императоромъ. Въ это время государь приблизился къ m-lle Нелидовой, которая стала говорить ему о княгинѣ Долгоруковой, какъ о дочери, страдающей при видѣ несчастія отца. Императоръ отвѣтилъ: „Я также имѣлъ отца, сударыня“ [2]). По крайней мѣрѣ, ходатайству Нелидовой Барятинскій одолженъ былъ, вѣроятно, тѣмъ, что избавленъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія. Не менѣе любопытный случай разсказываетъ Шишковъ, состоявшій въ то время при особѣ императора. „Мнѣ“,—говоритъ онъ,—„случилось однажды на балѣ, въ день бывшаго празднества, видѣть, что государь чрезвычайно разсердился на гофмаршала и приказалъ позвать его къ себѣ, безъ сомнѣнія, съ тѣмъ, чтобы сдѣлать ему великую непріятность. Катерина Ивановна стояла въ это время подлѣ него, а я—за ними. Она, не говоря ни слова и даже не смотря на него, заложила руку свою за спину и дернула его за платье. Онъ тотчасъ почувствовалъ, что это значило, и отвѣтилъ ей отрывисто: „Нельзя воздержаться!“ Она опять его дернула. Между тѣмъ, гофмаршалъ приходитъ, и хотя Павелъ изъявилъ ему свое негодованіе, но гораздо крот-

[1]) „Сенатскій Архивъ“, I, 1.—Любопытно, что одновременно съ этимъ другой, не менѣе виновный дѣятель 1762 года, графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій, подвергался опалѣ значительно позже, а первое время Павелъ, вопреки распространеннымъ разсказамъ, относился къ нему довольно благосклонно. Такъ, изъ камеръ-фурьерскаго журнала 1796 года видно, что Орловъ, въ теченіе ноября мѣсяца, былъ два раза, въ числѣ немногихъ, приглашаемъ къ высочайшему столу. Намъ сдается, что опала графа Орлова-Чесменскаго послѣдовала послѣ находки Павломъ письма, напечатаннаго въ „Архивѣ князя Воронцова“, XXI, 93. Павелъ показалъ его Маріи Ѳеодоровнѣ и Нелидовой (ibid., 94).

[2]) Записки гр. Головиной, 99.

чайшимъ образомъ, нежели какъ по первому гнѣвному виду его ожидать надлежало. О, если бы при царяхъ, и особливо строптивыхъ и пылкихъ, — заключаетъ Шишковъ,—всѣ были Катерины Ивановны!“ [1]).

Письма Нелидовой къ Павлу вообще были наполнены просьбами за опальныхъ [2]). Доброе сердце, боязнь за безопасность государя, желаніе, чтобы царственный ея другъ возбуждалъ своими дѣйствіями чувства восхищенія, радости, а не вражды и страха,—вотъ что руководило Нелидовой въ ея ходатайствахъ за лицъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ ей даже совершенно неизвѣстныхъ. Настойчивость Нелидовой оправдывалась иногда и личными соображеніями; всѣмъ было извѣстно вліяніе ея на государя, и она имѣла основаніе бояться, что многія изъ его жестокихъ распоряженій лягутъ на ея совѣсти, вызовутъ въ обществѣ, не знавшемъ истинныхъ предѣловъ ея воздѣйствія, дурные о ней толки. „Мнѣ невозможно, государь,—писала она однажды Павлу,—воспротивиться голосу состраданія, которое заставляетъ меня показать вамъ это раздирающее письмо. Мое заступничество не повело бы тутъ ни къ чему, я это знаю; поэтому я не прошу васъ сдѣлать что нибудь для меня, но для Бога. Сжальтесь надъ 80-ти-лѣтнимъ старцемъ! Если бы вы знали, что мнѣ стоитъ говорить и чего мнѣ стоитъ молчать въ подобныхъ случаяхъ, вы бы поняли всю тяжесть моего положенія“ [3]). Но и государственныя соображенія, хотя въ весьма рѣдкихъ случаяхъ, также имѣли для Нелидовой свою долю значенія при ея стремленіи смягчать невоздержнаго на гнѣвъ императора. Всеобщая перетасовка даже высшихъ должностныхъ лицъ въ имперіи, послѣдовавшая вслѣдъ за воцареніемъ Павла, замѣна старыхъ, опытныхъ екатерининскихъ дѣльцевъ людьми, правда, преданными новому государю, но вовсе еще не знакомыми съ дѣлами управленія,—не могли не вызывать

[1]) Шишковъ: Записки, 31—32, примѣчаніе.
[2]) „Осьмнадцатый Вѣкъ“, III, passim.
[3]) „Осьмнадцатый Вѣкъ“, III, 439 Мы не могли опредѣлить, по какому случаю написано было это письмо.

опасеній и Нелидовой, и Маріи Оеодоровны, въ особенности при склонности Павла къ опрометчивымъ, необдуманнымъ рѣшеніямъ. Извѣстный правитель канцеляріи Потемкина, Василій Степановичъ Поповъ, завѣдывалъ послѣ его смерти дѣлами императорскаго кабинета. Узнавъ о многихъ противозаконныхъ и корыстныхъ дѣйствіяхъ Попова, совершенныхъ имъ во время службы его при Потемкинѣ, Павелъ уволилъ его безъ прошенія, назначивъ на его мѣсто бывшаго своего библіотекаря Донаурова [1]). По этому поводу Нелидова написала императору: „Я не знаю лично Попова, но полагаю, что было бы жаль лишиться человѣка, извѣстнаго по своему трудолюбію и порядливости (vraiment d'ordre). Если то, что вамъ въ немъ не нравится, не такого свойства, что могло бы повредить дѣламъ, то ради Бога, государь, будьте снисходительны: удерживайте ихъ какъ можно долѣе, эти свѣтлыя головы. Но если совершенно необходимо дать ему преемника, то посовѣтуйтесь объ этомъ съ Безбородко. Его честность можетъ послужить вамъ ручательствомъ, что онъ укажетъ вамъ на человѣка способнаго; что касается до меня, то я не смѣю положиться на свое сужденіе. Во всякомъ случаѣ, молю Бога, чтобы онъ руководилъ вами“ [2]). Слѣдствіемъ этого письма было назначеніе Попова уже 8-го февраля членомъ мануфактуръ-коллегіи [3]). Платонъ Зубовъ, также павлекшій на себя немилость Павла и уволенный 3-го февраля по прошенію за границу для поправленія здоровья [4]), обязанъ былъ этой легкой формой своей опалы также Нелидовой. „Благодарю васъ, государь,—писала она, – за вашу милость къ князю Зубову, ибо всѣ страждущіе имѣютъ право на мое сочувствіе, и я всегда тронута вашимъ великодушіемъ къ нимъ. Да благословитъ васъ Богъ“ [5]). Нелидова хлопотала также и за Суворова,

---

[1]) „Сенатскій Архивъ“, I, 92.
[2]) „Осьмнадцатый Вѣкъ“, III, 438.
[3]) „Сенатскій Архивъ“, I, 104.
[4]) Тамъ же, 98.
[5]) „Осьмнадцатый Вѣкъ“, III, 106.

чѣмъ, конечно, не мало содѣйствовала облегченію его печальной участи [1]). Вообще, едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что первый годъ царствованія Павла отличался бы гораздо большей суровостью, если бы правъ государя не умѣрялся въ это время мягкимъ вліяніемъ его друга.

---

[1]) „Correspondance", 372.

VI.

Смерть г-жи Бенкендорфъ.—Торжества коронаціи.—Анна Петровна Лопухина и Кутайсовъ.—Проявленіе дурныхъ свойствъ характера императора.—Николай Петровичъ Архаровъ.—Назначеніе императрицы Маріи Ѳеодоровны начальствовать надъ воспитательными домами.—Въ какой мѣрѣ Нелидова содѣйствовала благотворительной дѣятельности Маріи Ѳеодоровны.?

Въ мартѣ 1797 года, среди приготовленій къ коронаціи, Марія Ѳеодоровна потеряла стараго друга своего, г-жу Бенкендорфъ, которая умерла за границей, куда поѣхала лѣчиться. По воцареніи Павла, г-жа Бенкендорфъ вызвана была вмѣстѣ съ мужемъ ко двору и осыпана милостями государя, старавшагося забыть неудовольствія великаго князя, но, наученная горькимъ опытомъ, она уже ни во что не вмѣшивалась и держала себя, по отзыву современниковъ, очень скромно [1]). Съ своей стороны Нелидова отнеслась къ Бенкендорфъ дружелюбно, чѣмъ пріобрѣла новыя права на расположеніе Маріи Ѳеодоровны, которая, помѣстивъ двухъ дочерей Бенкендорфъ въ Смольный, поручила ихъ особому вниманію Нелидовой и вновь назначенной помощницы Делафонъ, г-жи Пальменбахъ [2]). Пока императорская чета готовилась въ Москвѣ къ коронаціи, смольнянки, съ Нелидовой во главѣ, угождая военнымъ вкусамъ Павла Пе-

---

[1]) Письма Николаи къ Воронцову („Архивъ князя Воронцова“. XXII, 30).

[2]) Письма Маріи Ѳеодоровны къ Плещееву (ркп.) Баронъ Бюлеръ: „Императрица Марія Ѳеодоровна въ ея заботахъ о Смольномъ монастырѣ“ (Р. Стар.“, 1890).

тровича, вышивали девять воинскихъ знаменъ [1]). Повезла ихъ въ Москву сама Нелидова, пріѣхавшая туда къ самому торжеству коронаціи, которая произошла въ день Свѣтлаго Христова Воскресенія. Торжество это сопровождалось неслыханными дотолѣ милостями нововѣнчаннаго императора: чины, ордена, громадныя имѣнія, десятки тысячъ душъ крестьянъ розданы были съ невѣроятною расточительностію лицамъ, пользовавшимся его расположеніемъ, особенно въ гатчинскій періодъ его жизни. Львиная доля этихъ милостей досталась друзьямъ Нелидовой, князьямъ Александру и Алексѣю Куракинымъ, пожалованія которымъ, по милліонной ихъ стоимости, можно было бы сравнить лишь съ пожалованіями, сдѣланными въ это же время Безбородко [2]). Несомнѣнно, что одно лишь личное желаніе, Нелидовой хорошо извѣстное Павлу Петровичу, было причиной того, что она не получила въ день коронаціи ничего, кромѣ званія камеръ-фрейлины, вполнѣ соотвѣтствовавшаго ея исключительному значенію при дворѣ.

Впрочемъ, уже въ Москвѣ, среди коронаціонныхъ празднествъ, на горизонтѣ царственной четы и Нелидовой появилось легкое облачко, впослѣдствіи превратившееся въ грозовую тучу. Изъ московскихъ дѣвицъ, явившихся ко двору, особенное вниманіе Павла обратила на себя молодая, 19-ти-лѣтняя Анна Петровна Лопухина, дочь одного изъ московскихъ сенаторовъ, Петра Васильевича Лопухина. Это была красавица-брюнетка, съ чудною бѣлизною лица и глубокими выразительными глазами; красота Лопухиной носила, по отзыву современниковъ, кроткій, меланхолическій характеръ, и была тѣмъ болѣе поразительна, что Лопухина отличалась необыкновенною скромностью. По словамъ современника, Павелъ нѣс-

---

[1]) „Correspondance“, 372.

[2]) Вѣроятно, что именно эти пожалованія, въ связи съ дружескими отношеніями Нелидовой къ князю Александру Куракину, и вызвали въ Москвѣ слухъ, что „камеръ-фрейлина Нелидова идетъ за вице-канцлера князя Куракина“. „Архивъ князя Воронцова“ XIV, 484.

колько разъ говорилъ о впечатлѣніи, произведенномъ на него Анной Петровной, и это повело къ безпокойству императрицы и Нелидовой, постаравшихся, какъ говорили, ускорить отъѣздъ императора изъ Москвы Но, разумѣется, это обстоятельство не скрылось и отъ другихъ придворныхъ, въ особенности отъ Ивана Павловича Кутайсова, только-что произведеннаго въ гардеробмейстеры, но продолжавшаго исполнять свои обязанности брадобрея при государѣ [1]). Кутайсовъ считалъ себя обиженнымъ при раздачѣ коронаціонныхъ наградъ и винилъ въ этомъ исключительно императрицу и Нелидову, вліяніе которыхъ на Павла онъ жаждалъ замѣнить своимъ или чьимъ либо другимъ въ личныхъ своихъ цѣляхъ. Замѣчательно, что императрица и Нелидова именно въ это время спасли отъ гнѣва Павла этого злѣйшаго и самаго опаснаго своего врага. „Имѣніями и орденами (во время коронаціи),—разсказываетъ Гейкингъ, — вообще не скупились. Пользуясь этимъ, г. Кутайсовъ, хотя и получилъ уже чинъ статскаго совѣтника, вздумалъ попросить у государя еще орденъ св. Анны 2-го класса. Сильно разгнѣвавшись, Павелъ выгналъ его и, войдя къ императрицѣ, у которой засталъ фрейлину Нелидову, объявилъ имъ, что Кутайсовъ уже уволенъ за его безстыдство. Усилія государыни успокоить своего супруга, въ которомъ еще кипѣла кровь, были напрасны; только послѣ обѣда удалось г-жѣ Нелидовой испросить прощеніе Кутайсову. Тотъ въ изъявленіе благодарности бросился къ ея ногамъ, но послѣдствія показали, какова была его признательность къ обѣимъ его благодѣтельницамъ“ [2]). Во всякомъ случаѣ, непосредственность чувствъ пылкаго государя, на проломъ стремившагося къ водворенію „порядка и правды“ въ Россіи, измѣнчивость его настроенія, боязнь измѣны и заговоровъ, подавали интриганамъ, наполнявшимъ дворъ, увѣренность въ томъ, что вліянію Маріи Ѳеодоровны и Нелидовой на императора, рано или поздно, положенъ

[1]) „Aus den Tagen Kaiser Pauls“ (Heyking), 46.
[2]) Ibid, 45—46.

будетъ конецъ. Передавая графу Воронцову подробности происходившихъ въ Москвѣ событій, лейбъ-медикъ Рожерсонъ писалъ ему 10-го іюня 1797 года о характерѣ дѣйствій Павла: „Все производилось здѣсь случайно, по минутному впечатлѣнію. Когда онъ (Павелъ) чего либо хочетъ (курсивъ въ подлинникѣ), не осмѣливаются дѣлать ему возраженія, такъ какъ на каждый совѣтъ или представленіе онъ смотритъ, какъ на ослушаніе (rebellion). Иногда на слѣдующій день императрица, и еще чаще Нелидова, въ особенности когда онѣ дѣйствуютъ совмѣстно, успѣваютъ пріостановить его рѣшеніе, но это случается очень рѣдко [1]). Нелидова въ настоящее время очень дружна съ императрицей, и нужно сознаться, что по своимъ качествамъ, по своему характеру, по своей умѣренности, она стоитъ выше всѣхъ прочихъ фаворитовъ и министровъ“ [2]).

Дѣйствительно, въ Москвѣ Павелъ Петровичъ не всегда сдерживалъ себя, видя на происходившихъ смотрахъ войскъ недостаточную, по его мнѣнію, выправку солдатъ по новому образцу, имъ только-что установленному, и приписывая это „потемкинскому духу“ офицеровъ: военные приказы того времени наполнены рѣзкими выговорами и даже исключеніями офицеровъ изъ службы [3]).

---

[1]) 13-го апрѣля въ Успенскомъ соборѣ въ высочайшемъ присутствіи было молебствіе и затѣмъ торжественное чтеніе новаго статута орденовъ, въ число которыхъ, однако, не былъ внесенъ орденъ св. Георгія. Но во время этого чтенія, „государь изустно съ престола изрещи соизволилъ тако: „А орденъ св. Великомученика и Побѣдоносца Георгія остается на прежнемъ своемъ основаніи такъ, какъ и статутъ его“. „Спб. Вѣдом.“, 1797 г., № 63. П. С. З., 17.917. Несомнѣнно, что это одинъ изъ случаевъ, указываемыхъ Рожерсономъ.

[2]) „Архивъ князя Воронцова“, XXX, 86—87.

[3]) Изъ приказовъ этихъ выдѣляется особенно приказъ отъ 27-го марта: „Государь объявляетъ свое удовольствіе генералъ-адъютанту Архарову за сегодняшній разводъ его полка.—Екатеринославскаго кирасирскаго полка шефу, генералу-отъ кавалеріи князю Волконскому выговоръ за неисправность его полка. Онаго же полка маіоръ Ермолинъ выключенъ изъ службы.—Его императорское величество, замѣтивъ, что офицеры Екатеринославскаго кирасирскаго полка не прилежатъ и не радѣютъ къ службѣ, сдѣлалъ таковымъ выговоръ, а впредь принужденъ будетъ взять другія мѣры и всѣхъ лѣнивыхъ и неприлежныхъ выключить изъ службы. О таковыхъ шефъ этого

Хуже всего было то, что, дѣйствуя по первому впечатлѣнію и не давая себѣ труда разобрать дѣло, Павелъ весьма часто наказывалъ людей, ровно ни въ чемъ неповинныхъ, и, наоборотъ, выражалъ иногда свое благоволеніе именно тѣмъ людямъ, которые, угождая его слабостямъ, думали только о личныхъ своихъ выгодахъ. Однимъ изъ такихъ фаворитовъ Павла былъ въ это время петербургскій генералъ губернаторъ, Николай Петровичъ Архаровъ, человѣкъ весьма хитрый и пронырливый, снискавшій себѣ извѣстность въ царствованіе Екатерины, какъ отличный полицейскій сыщикъ. При Павлѣ Архаровъ задумалъ играть другую, болѣе важную роль: пользуясь подозрительностію императора и его боязнію измѣны и заговоровъ, онъ старался, съ одной стороны, держать Павла въ постоянномъ безпокойствѣ своими доносами, чтобы сдѣлаться необходимымъ для него человѣкомъ а съ другой—доказать ему свое усердіе, поддѣлываясь подъ его вкусы, самовольно усиливая значеніе и смыслъ его распоряженій и часто, даже сознательно, искажая ихъ; такъ, напримѣръ, на другой же день по кончинѣ Екатерины, онъ приказалъ будочникамъ срывать съ проходящихъ по улицамъ круглыя шляпы и фраки, не нравившіеся Павлу, какъ признакъ революціоннаго духа времени; онъ же принималъ дѣятельное участіе въ раскрытіи мнимаго заговора Дмитріева и Лихачева. Всѣ сами по себѣ мелочныя распоряженія Павла Петровича по полицейской части: о ношеніи одежды, объ образѣ наружнаго благочинія петербургскихъ обывателей, приводились имъ въ исполненіе отъ имени императора съ придирчивостію и неумолимою жестокостію, вызывавшими всеобщее негодованіе, донося о которомъ онъ вновь имѣлъ случай увѣрить Павла въ своей преданности и полезности. Императрица и Нелидова не любили Архарова, считали его человѣкомъ низкимъ по характеру и, по

полка, замѣчая немедленно, долженъ прислать списокъ его величеству". Засимъ слѣдуетъ цѣлый списокъ уже исключенныхъ офицеровъ. „Спб. Вѣдом.". № 30. Ср. разсказъ А. М. Тургенева, „Русск. Стар.", 1885, X, 66.

случаю пребыванія его въ Москвѣ на торжествахъ коронаціи, содѣйствовали назначенію временнымъ петербургскимъ военнымъ губернаторомъ графа Ѳ. Ѳ. Буксгевдена, женатаго на Наталіи Александровнѣ Алексѣевой, подругѣ Нелидовой. Съ этого времени Архаровъ чуялъ опасность для себя въ будущемъ и бралъ свои мѣры.

2-го мая, накануѣ выѣзда императорской четы изъ Москвы, императрица Марія Ѳеодоровна назначена была главпопачальствовать надъ воспитательными домами въ обѣихъ столицахъ. Едва ли можно согласиться съ мнѣніемъ, что Нелидова имѣла вліяніе какъ на это назначеніе, такъ и вообще на всю широкую просвѣтительную и благотворительную дѣятельность своей царственной подруги [1]). Нелидова интересовалась Смольнымъ только лишь какъ мѣстомъ своего воспитанія, въ дѣла же воспитательныхъ домовъ никогда не вмѣшивалась, и о нихъ въ перепискѣ ея съ императрицей не упоминается ни однимъ словомъ, кромѣ обычныхъ фразъ о великодушіи императрицы и о ея добротѣ; стремленіе проявить свою личность дѣлами благотворенія на широкомъ поприщѣ о государственной и культурной дѣятельности было присуще духовной природѣ императрицы, тогда какъ Нелидова, при всей своей сердечности, лишена была всякихъ организаторскихъ талантовъ и даже въ пору наибольшаго своего вліянія ничѣмъ не проявила своихъ наклонностей къ общественной дѣятельности въ какой-либо доступной въ то время для женщинъ сферѣ.

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1886, I, 20.

VII.

Отъѣздъ императорской четы изъ Москвы.—Архаровъ и императрица Марія Ѳеодоровна.—Правительственная система императора Павла Петровича и личныя его особенности.—Мелочность и строгость управленія. – Вредныя ихъ послѣдствія и неудовольствіе дворянства и общества.—Дѣятельность Архарова въ Петербургѣ.—Недовольство ею императрицы и Нелидовой. — Замѣна Архарова гр. Буксгевденомъ.—Строгость и мелочность военныхъ порядковъ при Павлѣ.

Императоръ Павелъ выѣхалъ изъ Москвы 3-го мая, направляясь по Смоленской дорогѣ, чтобы проѣздомъ въ Петербургъ осмотрѣть литовскія губерніи; въ тотъ же день, прямой дорогой черезъ Тверь, отправилась въ Петербургъ и Марія Ѳеодоровна. Ее сопровождалъ, по приказанію государя, Архаровъ, возвращавшійся къ своей должности и помѣщавшійся въ восьмимѣстной каретѣ ея величества. „Прости, Господи, прегрѣшенія раба твоего Николая,—пишетъ Тургеневъ,—но этотъ Николай (Архаровъ) былъ хитрѣе самаго бѣса. Ястребиные большіе его глаза, казалось, пронизывали землю. Онъ умѣлъ незамѣтнымъ образомъ склонить разговоръ о быломъ при вступленіи Екатерины II на тронъ, возбудилъ любопытство, но, какъ говорятъ, на всякаго хитреца бываетъ много простоты: Архаровъ не распозналъ, что это было одно любопытство, и понялъ подъ видомъ любопытства скрывающіяся желанія—знать, какъ дѣйствовать въ потребномъ случаѣ, желаніе имѣть примѣръ въ руководство, распространился и, какъ объяснилось послѣдствіемъ, распространился въ разсказѣ чрезъ мѣру наивно! Описывая блистательное время царствованія великой Екате-

рины, Архаровъ сказалъ, что „благословенные дни счастія, славы и благоденствія могутъ мгновенно возникнуть въ Россіи: слѣдуетъ только поступать по стопамъ въ Бозѣ почившей мудрой повелительницы Сѣвера“. По возвращеніи государя, благовѣрная супруга его,—добавляетъ Тургеневъ,—пересказала императору слышанное ею на пути отъ Архарова, Чрезъ 24 часа было повелѣно Архарову отправиться на безвыѣздное его житье въ село Разбѣгаевку (Разсказово), Тамбовской губерніи, которое ему принадлежало“ (пожаловано было въ день коронаціи [1]).

Разсказъ этотъ, не вполнѣ, быть можетъ, достовѣрный въ подробностяхъ, въ высшей степени характеристиченъ для эпохи и дѣйствующихъ лицъ, и въ правдивости его нѣтъ поводовъ сомнѣваться Искренно ли говорилъ Архаровъ Маріи Ѳеодоровнѣ или, что гораздо вѣроятнѣе, желалъ вывѣдать ея мысли, чтобы затѣмъ предать ее,— во всякомъ случаѣ слова Архарова должны были возмутить императрицу. Любя своего супруга и вовсе не желая повторять событій 1762 г., Марія Ѳеодоровна въ то же время могла опасаться, что Павелъ узнаетъ объ этомъ разговорѣ отъ самаго Архарова въ извращенномъ видѣ, а она уже испытала нѣсколько разъ, что подозрѣнія Павла, боявшагося за свой престолъ и безопасность, обращались совершенно неосновательно и на нее [2]): императрицѣ оставалось только, ограждая Павла отъ слугъ, подобныхъ Архарову, позаботиться о скорѣйшемъ удаленіи Архарова изъ столицы.

Марія Ѳеодоровна возвратилась изъ Москвы 7-го мая и поселилась въ любимомъ лѣтнемъ своемъ мѣстопребы-

[1]) Записки А. М. Тургенева. „Русская Старина“, 1885. X, 73—74.

[2]) Извѣстно, что въ іюнѣ 1796 г. императрица Екатерина предложила Маріи Ѳеодоровнѣ подписаться подъ актомъ, лишавшимъ Павла правъ престолонаслѣдія, но получила отъ нея рѣзкій отказъ. Казалось бы, этотъ поступокъ Маріи Ѳеодоровны долженъ былъ внушить Павлу довѣріе къ ней. На самомъ же дѣлѣ, когда послѣ смерти Екатерины, онъ узналъ объ этихъ переговорахъ, то, по свидѣтельству его дочери, королевѣ нидерландской Анны Павловны, онъ измѣнилъ отношенія къ своей супругѣ и сталъ относиться къ ней подозрительно. „Сборникъ Имп. Р. И. О.“, XC, 1411, 10.

ваніи, въ Павловскѣ, за 20 дней до прибытія Павла Петровича изъ поѣздки его по Россіи. Въ этотъ относительно спокойный промежутокъ времени она имѣла полную возможность обсудить, вмѣстѣ съ Нелидовой, положеніе дѣлъ въ имперіи при новомъ государѣ и тѣ мѣры, которыми онѣ могли бы предотвратить печальныя послѣдствія крутого права императора. Павелъ царствовалъ всего только полгода, а между тѣмъ правленіе его уже возбуждало общественное неудовольствіе, въ особенности въ кругу дворянства, которое было тогда единственнымъ культурнымъ и политически сильнымъ классомъ общества. Правительственная система Павла Петровича, оставшаяся въ главныхъ чертахъ неизмѣненною при его преемникахъ, заключалась въ ослабленіи значенія дворянскаго сословія, въ уничтоженіи его привилегій, сословныхъ и экономическихъ, въ облегченіи тягостей крестьянства и въ водвореніи порядка и законности въ Россіи; короче, въ его сознаніи, въ основѣ его правительственныхъ мѣропріятій, лежала мысль о равноправности всѣхъ предъ закономъ, источникомъ котораго являлась власть монарха; щедрая раздача крестьянскихъ душъ въ день коронаціи произведена была отчасти съ административными цѣлями: „у меня, — говорилъ Павелъ,— столько же полицеймейстеровъ, сколько помѣщиковъ“, и одновременно съ этимъ объявленъ манифестъ объ обязанности крестьянъ работать въ пользу помѣщиковъ лишь три дня въ недѣлю [1]),—мѣра, на которую изъ боязни обидѣть дворянство не рѣшилась сама Екатерина во все 34-лѣтнее свое царствованіе. Стѣсняемое при дворѣ, откуда Павелъ изгналъ всѣхъ праздныхъ царедворцевъ для опредѣленія въ военную службу, вынужденное нести дѣйствительную военную службу со всѣми ея тягостями, лишившись всѣхъ особыхъ привилегій, связанныхъ съ зачисленіемъ младенцевъ въ списки гвардейскихъ пол-

[1]) П. С. З., 17.906.—Саблуковъ („Русскій Архивъ“, 1869. 1893) пишетъ: „Павелъ полагалъ, что крестьяне гораздо счастливѣе подъ управленіемъ частныхъ владѣльцевъ... Несомнѣнно, что крестьяне считали милостію и преимуществомъ переходъ въ частное владѣніе“.

ковъ и съ переходомъ изъ гвардіи въ армію,—дворянство увидѣло себя ограниченнымъ и въ сферѣ чисто помѣщичьей власти, въ отношеніяхъ своихъ къ „крѣпостнымъ“, которыми оно, по мысли Павла, должно было управлять, а не держать ихъ въ кабалѣ. Быстрота рѣшеній Павла, неумолимая строгость въ ихъ исполненіи, дѣлали положеніе еще болѣе невыносимымъ. Павлу, прежде всего, недоставало умѣнія достигать своихъ цѣлей исподволь, постепенно, выбирая для этого средства болѣе мягкія, менѣе обидныя; напротивъ того, онъ спѣшилъ, какъ будто боясь не успѣть во всемъ задуманномъ, и, проникшись сознаніемъ полноты своей власти, предпочиталъ дѣйствовать мѣрами суровыми, хуже всего часто — полицейскими, вовсе не заботясь о выгодахъ и мнѣніи отдѣльныхъ личностей. Привыкнувъ распоряжаться у себя въ маленькомъ хозяйствѣ, Гатчинѣ и Павловскѣ, гдѣ ему извѣстна была вся подноготная и гдѣ ни одна мелочь не ускользала отъ его зоркаго глаза, Павелъ Петровичъ полагалъ возможнымъ пріемы этого хозяйства примѣнить и къ жизни громадной имперіи, управляя ею самолично, не оказывая довѣрія ни одному изъ своихъ сотрудниковъ, которыхъ онъ мѣнялъ по малѣйшему подозрѣнію въ чистотѣ ихъ дѣйствій или даже по капризу. Съ цѣлію добиться правды, желая открыть къ себѣ доступъ всякому обиженному и слабому, Павелъ велѣлъ установить у Зимняго дворца знаменитый желтый ящикъ для прошеній, жалобъ и доносовъ, которые всѣ лично прочитывалъ, полагая на нихъ всегда, по обыкновенію, быстрыя, рѣшительныя, но именно потому далеко не всегда обдуманныя резолюціи. Не было впрочемъ чиновника въ Россіи, который бы не боялся этого желтаго ящика, не было такого преступленія или такой несправедливости, которыя не могли бы быть извѣстны чрезъ этотъ ящикъ грозному государю, не знавшему предѣловъ ни въ своемъ гнѣвѣ, ни въ своей милости. Поэтому, насколько любили Павла Петровича низшіе классы населенія, настолько же трепетали его классы высшіе, дворянство и чиновничество, а между тѣмъ они-то и окру-

жали особу монарха, наполняя собою дворъ, гвардію и столицу и составляя единственный культурный классъ общества. Прямого противодѣйствія государю въ то время еще не могло быть, но существовало глухое недовольство правительственною системой, стремленіе упизить ее, сдѣлать смѣшною. Въ этомъ отношеніи Павелъ Петровичъ оказался легко уязвимымъ. Не ограничивалсь важными, коренными преобразованіями въ строѣ народной и государственной жизни, онъ задумалъ установить, такъ сказать, патріархальную опеку надъ частною жизнію своихъ подданныхъ, стремясь повсюду къ ея простотѣ, порядку и единообразію: изданы были распоряженія противъ роскоши, опредѣленъ былъ часъ, когда въ Петербургѣ должны были быть потушены огни въ частныхъ домахъ, указаны были формы одежды, угодной государю, приняты были мѣры даже противъ употребленія многихъ словъ въ русскомъ языкѣ въ оффиціальныхъ бумагахъ и даже въ разговорѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что эти мѣры, касавшіяся мелочей жизни каждаго, были болѣе отяготительны, чѣмъ какія-либо крупныя реформы, такъ какъ, примѣняясь ежедневно, ежечасно, и ломая укоренившіяся привычки, онѣ вызывали постоянное озлобленіе въ обществѣ, въ особенности при дѣятельности усердной не по разуму петербургской полиціи, находившейся подъ начальствомъ пропырливаго и загадочнаго по своимъ цѣлямъ и намѣреніямъ Николая Петровича Архарова. Въ особенности тяжело было для жителей столицы предписаніе всѣмъ выходить изъ экипажей при встрѣчѣ съ государемъ; дамы обязаны были въ этихъ случаяхъ становиться на подножку экипажа. Распоряженіе это повело къ тому, что при проѣздѣ Павла улицы пустѣли. Страсть императора къ мелочамъ военной службы, крайняя чуткость къ театральнымъ и смѣшнымъ экзерциціямъ ежедневнаго вахтъ-парада временъ Фридриха II, отъ правильнаго исполненія которыхъ, при страшной вспыльчивости Павла Петровича, зависѣла судьба солдатъ и офицеровъ, также усиливали всеобщее неудовольствіе. Все это создавало крайне нервное напряженное состояніе духа въ служи-

Князь Александръ Борисовичъ Куракинъ.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мыщ. 2.

ломъ классѣ всей Россіи, особенно же въ жителяхъ Петербурга и въ лицахъ, приближенныхъ къ особѣ государя. Эта первпость отражалась въ усиленной степени и на ея виновникѣ, самомъ Павлѣ Петровичѣ, который, чувствуя глухую оппозицію своимъ мѣрамъ и будучи напуганъ ужасами французской революціи, сталъ бояться бунтовъ и заговоровъ, въ каждой случайной ошибкѣ и неточномъ исполненіи его приказаній видѣлъ умышленное неповиновеніе, признакъ революціоннаго духа... Какая обильная почва для недоразумѣній всякаго рода и интригъ злонамѣренныхъ людей!

Ожидая въ Павловскѣ возвращенія Павла, Марія Оеодоровна до такой степени привыкла обмѣниваться мыслями съ Нелидовой, что въ тѣ дни, когда Нелидова не пріѣзжала въ Павловскъ, она писала ей, сообщая различныя новости и изливая предъ ней свои чувства. Объ относились къ положенію дѣлъ въ государствѣ довольно тревожно, но источникъ тревоги видѣли не въ направленіи внутренней политики государя, а исключительно въ его характерѣ и злонамѣренности его совѣтниковъ.

„Я узнала о новой подлости Архарова,—писала Марія Оеодоровна 20-го мая.—Говорятъ, что онъ принуждаетъ всѣхъ окрасить двери своихъ домовъ ромбами въ черный и желтый цвѣта, и что хозяинъ одного изъ лучшихъ домовъ, гдѣ двери украшены рѣзною работой, также принужденъ обезобразить ихъ такимъ образомъ. Архаровъ простираетъ свою подлость такъ далеко, что приказалъ объявить хозяевамъ, которые отказываются исполнить его требованія, что онъ пришлетъ къ нимъ маляровъ, и они разрисуютъ имъ двери на ихъ счетъ. Все это падаетъ на нашего добраго императора, который несомнѣнно и не думалъ отдавать подобнаго приказанія, существующаго, какъ я знаю, по отношенію къ заборамъ, мостамъ и солдатскимъ будкамъ, но отнюдь не для частныхъ домовъ. Архаровъ—негодяй (vilain monsieur). Я больше не довѣряю ему своихъ писемъ, потому что онъ мало бережетъ ихъ, а посылаю ихъ прямымъ

путемъ чрезъ почту. Этотъ толстый господинъ разсердится и будетъ имѣть двойное горе—разсердится и затѣмъ утихнуть. Прощайте, дорогое дитя, я пишу вамъ, какъ и говорю,—языкомъ сердца, вамъ преданнаго" [1]).

Для замѣны Архарова былъ уже намѣченъ испытанный кандидатъ, графъ Буксгевденъ, женатый на подругѣ Нелидовой и ко всеобщему удовольствію умѣло исполнявшій должность Архарова во время пребыванія его въ Москвѣ на коронаціи. „Въ это время,—писалъ Рожерсонъ Воронцову,—городъ былъ очень доволенъ графомъ Буксгевденомъ, но, съ возвращеніемъ Архарова, притѣсненія всякаго рода возобновились. Человѣкъ этотъ имѣлъ много вліянія съ самаго начала нынѣшняго царствованія. Онъ пріобрѣлъ себѣ значеніе своею хитростію (souplesse), угодничествомъ и качествомъ, которое особенно теперь цѣнятъ, это—шпіонствомъ. Я замѣтилъ, однако, еще до пріѣзда сюда императора, во время 8-ми дневнаго пребыванія своего въ Павловскѣ, что императрица и Нелидова—очень дурного о немъ мнѣнія" [2]). Дѣйствительно, Архарову пришлось угомониться тотчасъ по пріѣздѣ Павла Петровича. 27-го мая объявлено было высочайшее удовольствіе генералъ-лейтенанту графу Буксгевдену за хорошее управленіе къ С.-Петербургѣ въ отсутствіе генерала-отъ-инфантеріи Архарова [3]); 17-го іюня, Архаровъ уволенъ былъ отъ должности с.-петербургскаго военнаго губернатора, а 19-го іюня графу Буксгевдену повелѣно было быть военнымъ губернаторомъ въ С.-Петербургѣ, подъ начальствомъ великаго князя Александра Павловича. Объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ увольненіе Архарова, вѣрнѣе всѣхъ разсказываетъ Гейкингъ. „Думая приготовить, — говоритъ онъ,—пріятный сюрпризъ возвращающемуся государю, Архаровъ приказалъ всѣмъ безъ исключенія обывате-

[1]) Choumigorsky: „Lettres" etc., 14—15.
[2]) „Арх. кн. Воронцова", XXX, 89—90.
[3]) Гейкингъ прибавляетъ, что одновременно съ этимъ, въ ознаменованіе особаго благоволенія государя, пожалована была графу Буксгевдену бриллиантовая табакерка съ портретомъ Павла, а его супругѣ орденъ св. Екатерины 2-го класса. Heyking. 50.

лямъ столицы окрасить ворота своихъ домовъ и даже садовые заборы полосами черной, оранжевой и бѣлой красокъ, по образцу шлагбаумовъ. Это смѣшное приказаніе надо было исполнить немедленно, и это повлекло за собою огромные расходы, такъ какъ маляры воспользовались удобнымъ случаемъ и запрашивали, сколько вздумается. Со всѣхъ сторонъ раздались крики негодованія. Императрица, поспѣшившая на встрѣчу своему августѣйшему супругу, была сильно поражена этимъ приказаніемъ, о которомъ ей ничего не было сказано. Она ли обратила вниманіе государя, или самъ Павелъ пораженъ былъ количествомъ и однообразіемъ казенныхъ и частныхъ построекъ, но при въѣздѣ своемъ, онъ спросилъ, что означаетъ эта страшная фантазія. Ему отвѣчали, что полиція принудила обывателей безотлагательно исполнить волю монарха". — „Такъ что-жъ я дуракъ, что ли, чтобы сталъ отдавать такія повелѣнія?" — гнѣвно воскликнулъ Павелъ. Этотъ самъ по себѣ маловажный случай повлекъ за собою паденіе Архарова"[1]). „По пріѣздѣ въ Гатчину, — разсказываетъ другой современникъ, В. С. Хвостовъ, — государь отмѣнно былъ милостивъ къ Архарову, даже, обнимая цѣловалъ его и таковымъ былъ съ нимъ до развода караула и во все время, пока не пошелъ къ императрицѣ и отъ нея къ фрейлинѣ Нелидовой. Возвратясь въ кавалерскую, съ гнѣвнымъ видомъ приказалъ Архарову, чтобы тотчасъ уѣхалъ въ Петербургъ и никогда бы ему не казался"[2]).

Прусскій посланникъ, графъ Брюль, донося своему правительству о предполагаемомъ назначеніи Буксгевдена на мѣсто Архарова, сообщалъ однако и о болѣе важныхъ послѣдствіями причинахъ общественнаго неудовольствія, связанныхъ съ дѣйствіями и распоряженіями Павла: „Неудовольствіе, особенно недовольство войскъ, — писалъ

[1]) Heyking, 49—50. Гречъ приводитъ и другую причину увольненія Архарова—сильное вздорожаніе сѣна: „Записки о моей жизни", 119. Уже 16-го іюня издано было повелѣніе объ установленіи цѣнъ на съѣстные припасы. П. С. З., № 18.003.

[2]) „Русскій Архивъ", 1870, 592—595.

онъ,—увеличивается со дня день. Отнимая у полковыхъ командировъ возможность грабить, имъ не даютъ средствъ къ жизни, потому что у нихъ остается не болѣе 800 рублей жалованья; вмѣстѣ съ тѣмъ, солдата утомляютъ до невѣроятной степени, и онъ получаетъ такое отвращеніе къ службѣ, что вздыхаетъ свободно, лишь сдѣлавшись дезертиромъ. Неудовольствія знати нельзя выразить словами. Безпрестанныя нововведенія, неувѣренность, что можно сохранить занимаемое мѣсто на завтрашній день, доводятъ всѣхъ до отчаянія. Императора любятъ только низшіе классы городского населенія и крестьяне. Субалтерны-офицеры всѣ въ нищетѣ. Непрерывныя экзерциціи, о которыхъ они не хотятъ и слышать, доходятъ до мелочей, уничтоженныхъ вездѣ въ другихъ странахъ. Богъ знаетъ, къ чему все это приведетъ". Дѣйствительно, порядокъ, быстрота и точность вахтпарадныхъ движеній слишкомъ дорого обходились войскамъ: по свидѣтельству очевидцевъ, солдатамъ приходилось вставать въ полночь, чтобы приготовиться къ вахтпараду, завивая другъ другу букли и косы и осыпая ихъ мукою, и не выпускать ружья иногда по 36 часовъ сряду, а главный экзерцирмейстеръ, Аракчеевъ, прибѣгалъ къ самымъ суровымъ взысканіямъ; разсказывали, напримѣръ, что онъ за упущеніе билъ одного солдата палкой по головѣ до тѣхъ поръ, пока тотъ не упалъ мертвымъ. Морскіе маневры, произведенные Павломъ въ началѣ іюля у Красной Горки, дали ему случай проявить свою требовательность и запальчивость и по отношенію къ флоту. Какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, Маріи Ѳеодоровнѣ и Нелидовой пришлось и здѣсь смягчать гнѣвъ императора на окружавшихъ его лицъ. Заступничеству Нелидовой обязаны были графъ Кушелевъ и состоявшій при особѣ императора эскадръ-майоромъ, знаменитый впослѣдствіи Шишковъ, тѣмъ, что Павелъ не подвергъ ихъ взысканію за неисполненіе его приказанія, невозможнаго для моряковъ: „она, — говоритъ Шишковъ,—представила ему, что онъ напрасно сердится, потому что мы не отъ упрямства ему противорѣчили и,

безъ сомнѣнія, служа долго на морѣ, должны лучше знать, какъ это бываетъ, и что можно или чего не можно сдѣлать“[1]).

[1]) Шишковъ: „Записки“, 31—32.

VIII.

Лѣтнее пребываніе Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны въ Павловскѣ.—Маневры и парады въ Павловскѣ.—Пребываніе Нелидовой въ Петербургѣ и болѣзнь императрицы по этому поводу.—Военныя тревоги въ Павловскѣ.—Подозрительность императора и печаль императрицы Маріи. Вторая тревога въ Павловскѣ и ея послѣдствія.

Послѣ морскихъ маневровъ императорская чета поселилась сначала въ Петербургѣ, а потомъ въ Павловскѣ, куда пріѣзжала отъ времени до времени и Нелидова, жившая попрежнему въ Смольномъ весьма уединенно, но, несмотря на то, окруженная всеобщимъ поклоненіемъ[1]). „Забавы наши въ Павловскѣ были единообразны и скучны,—пишетъ Шишковъ. -Послѣ обѣда обыкновенно степенными и мѣрными шагами ходили мы прогуливаться по саду. Послѣ прогулокъ, отдохнувъ нѣсколько, ежедневно собирались мы на бесѣду, весьма утомительную. Такъ государь и государыня, съ великими князьями и великими княжнами, садились рядомъ и проводили время въ разговорахъ, а мы сидѣли вокругъ комнаты, на стульяхъ, какъ бы прикованные къ нимъ истуканы, потому что ни разговаривать между собою, ни вставать съ нихъ не смѣли. Достопримѣчательнаго тутъ было только то, что на простиравшемся на полу шлейфѣ

[1]) „M-lle Nélidow est extrêmement respectée de tout le monde. Le roi de Pologne même a beaucoup d'attention pour elle. Elle loge toujours à la Communauté ne faisant que des courses pour paraître à la cour".—Протасовъ—Воронцову, въ августѣ 1797 г., въ „Архивѣ кн. Воронцова", XV, 96.

платья императрицы лежала всегда дворная, паршивая собака, которая нигдѣ иначе не ложилась и которую императрица никогда не сгоняла“ [1]). Другой очевидецъ, Саблуковъ, дополнятъ это описаніе болѣе веселыми подробностями. „Павловскъ, личная собственность императрицы Маріи, былъ разукрашенъ весьма изящно, и всякій клочекъ земли въ немъ, мало-мальски къ тому способный, былъ ярко запечатлѣнъ ея вкусомъ, ея наклонностями, ея воспоминаніями о заграничныхъ путешествіяхъ... Каждый вечеръ происходили здѣсь сельскіе праздники, поѣздки, закуски, театральныя представленія, импровизаціи, разные сюрпризы, балы и концерты, а императрица, ея прелестныя дочери и невѣстки своею привѣтливостію и изяществомъ придавали этимъ увеселеніямъ характеръ восхитительный. Самъ Павелъ предавался имъ съ увлеченіемъ“ [2]). Настроеніе духа императрицы было, какъ это видно изъ писемъ ея къ Нелидовой за это время, очень мрачное: строгость и запальчивость императора по отношенію къ гвардейцамъ, проявлявшаяся постоянно на ежедневныхъ вахтпарадахъ, признаки неудовольствія въ обществѣ, наполняли ея душу страхомъ за безопасность императора. Прежде она какъ бы довольна была необыкновеннымъ рвеніемъ Павла къ водворенію порядка въ управленіи: „высокое мнѣніе, которое имѣютъ о бдительности нашего дорогого императора,—писала она еще въ іюнѣ Нелидовой, —послужитъ самою побудительною причиной для господъ чиновниковъ быть точными въ исполненіи ихъ обязанностей“ [3]). Но мелочность императора, его суровыя и жестокія взысканія, возбуждали озлобленіе, и его-то она и боялась, особенно въ войскахъ, такъ какъ Павелъ Петровичъ все болѣе и болѣе обнаруживалъ наклонность заниматься исключительно военными упражненіями. Назначеніе Буксгевдена военнымъ губернаторомъ Петербурга успокоило немного императрицу: „Слава Богу, что гвардія хорошо настроена,—писала

---

[1]) Шишковъ. 40.
[2]) „Русскій Арх.“, 1869, 1824.
[3]) Choumigorsky: „Lettres“, etc., 38.

она 29-го іюля,—безъ Буксгевдена дѣло не пошло бы такимъ образомъ: это очень достойный и обходительный человѣкъ“ [1]). Постоянные выговоры и наказанія, производимые государемъ, тѣмъ не менѣе, продолжали ее волновать. „Читатель не долженъ думать,- пишетъ Саблуковъ,—что пока въ Павловскѣ происходили увеселенія и праздники, поэтому прекратились тамъ дисциплинарныя строгости, заведенныя въ Гатчинѣ и въ столицѣ. Напротивъ того, ихъ было столько же, если не болѣе, ибо такъ какъ ежедневно происходили смотры не надъ большими корпусами, какъ на маневрахъ, но надъ мелкими отрядами, то всякая погрѣшность становилась замѣтнѣе. Въ Павловскѣ также была такъ называемая цитадель, или фортъ, Бипъ, куда офицеровъ при случаѣ сажали подъ арестъ“ [2]). Между тѣмъ, Нелидова, удерживаемая въ Смольномъ предсмертною болѣзнію состарѣвшейся Делафонъ, не могла часто посѣщать Павловскъ и воздержпвать Павла, а въ ея отсутствіе Марія Ѳеодоровна чувствовала для этого себя безсильною. „Вы пріѣдете 27-го іюля,—писала она ей,—ожиданіе это внушаетъ намъ пріятное чувство потому, что васъ всегда желаютъ видѣть тѣ, которые нѣжно васъ любятъ“ [3]).

Между тѣмъ, въ Павловскѣ произошли событія, усилившія тревогу Маріи Ѳеодоровны. „Однажды вечеромъ (это было 2-го августа),—разсказываетъ современникъ-очевидецъ событій,—когда государь, окруженный дворомъ и своимъ обычнымъ обществомъ, прогуливался въ саду Павловска, услышали вдругъ звуки барабана, на которые обратили особое вниманіе, такъ какъ для вечерней зари было еще рано. Изумленный государь остановился. Звуки барабана раздавались уже повсюду. „Да это—тревога!“ вскричалъ Павелъ и быстрыми шагами возвратился ко дворцу, сопровождаемый великими князьями и военными. Императрица съ остальною частію общества слѣдовала за нимъ издали. Приблизившись ко дворцу, нашли,

[1]) „Correspondance“, 38.
[2]) Изъ записокъ Саблукова „Русскій Архивъ“, 1869, 1925.
[3]) „Correspondance“, 37.

что одна изъ ведшихъ къ нему дорогъ занята была частію гвардейскихъ полковъ; кромѣ того со всѣхъ сторонъ и со всевозможною поспѣшностію стекались ко дворцу и кавалерія, и пѣхота. Спрашивали, куда нужно было идти, сталкивались, и на дорогѣ, недостаточно широкой для скопленія войскъ, кавалерія, пожарный обозъ, военныя повозки, прокладывали себѣ путь съ ужасными криками. Императрица, опираясь на руку одного придворнаго, пробиралась чрезъ эту толпу, спрашивая объ императорѣ, котораго она потеряла изъ виду. Безпорядокъ, наконецъ, сдѣлался такъ великъ, что нѣкоторыя дамы, именно великія княгини, принуждены были перескочить черезъ заборъ, чтобы не быть раздавленными. Вскорѣ войскамъ данъ былъ приказъ раздѣлиться. Повернули ко дворцу. Императоръ былъ взволнованъ и въ дурномъ расположеніи духа. Аллей было много, и войска продолжали прибывать къ дворцу въ теченіе всего вечера. Подобное и безъ всякой уважительной причины скопленіе войскъ, имѣвшихъ репутацію безпокойныхъ (reputée inquiette), коими были гвардейцы, могло только встревожить такой подозрительный и недовѣрчивый характеръ, какимъ былъ характеръ императора. Послѣ долгихъ розысковъ открыли, что вся эта суматоха произведена была трубою, на которой играли въ конногвардейскихъ казармахъ. Въ ближайшихъ казармахъ вообразили, что это — сигналъ къ тревогѣ, повторили его, и такимъ образомъ тревога распространялась отъ одного полка къ другому. Войска думали, что это была дѣйствительно тревога, испытаніе [1]). Чрезъ день, почти въ тотъ же часъ, когда дворъ прогуливался въ другой части сада, прилегающей къ большой дорогѣ и отдѣленной отъ нея лишь оградой, вдругъ услышали звукъ трубы, и нѣсколько кавалеристовъ во всю прыть прискакали по тропинкѣ, прилегавшей къ большой дорогѣ. Императоръ въ гнѣвѣ бросился на нихъ съ поднятою палкой и принудилъ возвратиться

[1]) Не сочли нужнымъ вывести войска изъ этого заблужденія. Въ приказѣ отъ 3-го августа объявлено было „удовольствіе за вчерашнее усердіе и исправность во время тревоги". „Спб. Вѣд.", № 63.

назадъ. Великіе князья и адъютанты торопились послѣдовать его примѣру. Всѣ были очень удивлены этой второй сценой. Императрица въ особенности потеряла голову. Она закричала, обратившись къ камергерамъ: „бѣгите, господа, спасайте вашего государя!“ Затѣмъ, увидѣвъ возлѣ себя графа Феликса Потоцкаго, добраго малаго, но довольно неуклюжаго толстяка, питавшаго смѣшную боязнь къ императору, она схватила его за руку и толкнула впередъ. Рѣдко можно видѣть смѣшнѣе фигуру, чѣмъ фигура, которую изображалъ собою въ это время бѣдный графъ Феликсъ, не понимавшій, чего отъ него хотѣли, и болѣе испуганный криками императрицы, чѣмъ опасностію, которой подвергался императоръ. На этотъ разъ войскамъ помѣшали собраться, но никогда не узнали достовѣрно истинной причины этой второй суматохи: никто не могъ или не хотѣлъ объяснить ее. Говорили, что убѣжденные въ томъ, что суматоха, происшедшая за день до того, была тревогой, произведенной по приказанію императора,—гвардейцы были ежеминутно наготовѣ ко второй, и что легкій шумъ показался имъ сигналомъ: другіе утверждали, что сигналъ данъ былъ дурнымъ шутникомъ съ цѣлію произвести смятеніе, подобное предыдущему. Въ концѣ концовъ, нѣкоторые были наказаны, и затѣмъ ничего подобнаго болѣе не повторялось“ [1]).

Въ сущности все это дѣло, само по себѣ, не имѣло серьезнаго значенія: смятеніе было несомнѣнно только результатомъ нервнаго состоянія гвардіи и всѣхъ лицъ, бывшихъ при особѣ государя, который военныя забавы и упражненія считалъ самымъ важнымъ дѣломъ монарха и весьма часто подвергалъ опасности свое достоинство самодержца, превращаясь въ заурядпаго и мелочнаго экзерцирмейстера. Императрица Марія Ѳеодоровна ясно видѣла крайность, въ которую впадалъ въ этомъ отношеніи ея супругъ, и жаловался на него Нелидовой. „Между нами будь сказано,—писала ей о первой тревогѣ Марія Ѳеодоровна 4-го августа,—до сихъ поръ

[1]) Записки графини В. Н. Головиной, 115—116.

еще не удалось выяснить, что было причиной смятенія. Отъ дѣтей своихъ я узнала вчера, что въ нѣкоторыхъ полкахъ ожидали тревоги еще съ утра, и что офицеры напли солдатъ послѣ обѣда уже вполнѣ готовыми. На вопросъ, что это значитъ, они объяснили, что говорили, что будетъ тревога; тогда офицеры приказали имъ раздѣться. Говоря по правдѣ, дорогое мое дитя, это мнѣ не нравится. Я боюсь, чтобы какой-либо безразсудный не вздумалъ позабавиться. Это вызываетъ на размышленія. Не должно пріучать солдатъ къ мысли о тревогѣ. Не слѣдуетъ никогда допускать, чтобы дворецъ былъ мѣстомъ сбора по тревогѣ, потому что кто можетъ поручиться, что въ подобный моментъ не произойдутъ безпорядки. Напримѣръ, я знаю, что они взошли на гору со стороны трельяжа съ примкнутыми штыками. Если бы они не увидѣли императора, сидѣвшаго верхомъ, они проникли бы въ садъ, думая, что произошла бѣда во дворцѣ. Не слѣдуетъ пріучать ихъ къ мысли, что можетъ произойти бѣда во дворцѣ. Были офицеры сброшенные, опрокинутые, двое ранены, ранено также нѣсколько солдатъ. Все это слѣдствіе усердія, но все-таки это—случаи, которые могутъ быть опасными, и я желала бы, чтобы было строго воспрещено, даже въ случаѣ пожара, производить когда-либо тревогу иначе, какъ по непосредственному приказанію императора, потому что безъ этой предосторожности пожаръ можетъ послужить предлогомъ для подобныхъ сборищъ войскъ. Семеновскій полкъ былъ въ наибольшемъ порядкѣ, затѣмъ Измайловскій, но Преображенскій полкъ привелъ въ разсыпную. Конногвардейцы были превосходны, кавалергарды—также. Войска въ массѣ—прекрасны, вѣрны, преданы, но въ отдѣльныхъ случаяхъ, кто можетъ поручиться, что не было злоумышленниковъ? Всѣ эти размышленія пусть останутся между нами, моя добрая подруга, но они меня очень занимаютъ, потому что я нахожу ихъ важными. Императоръ держалъ себя чудесно, хваля войска, ихъ вѣрность и преданность; гласно онъ

не доискивается причинъ тревоги, но должно избѣгать ихъ на будущее время“ [1]).

Послѣ второй суматохи, происшедшей 4-го августа, Марія Ѳеодоровна писала на другой день Нелидовой: „Добрая и дорогая моя подруга, предметъ моего письма не позабавитъ васъ, дорогое мое дитя. У насъ была вторая тревога въ одинъ и тотъ же часъ съ прежней. Мы спокойно прогуливались, когда услышали крики и страшный шумъ. Такъ какъ это было подъ горою, то мы думали, что это везутъ камни, но шумъ увеличивался, и мы услышали ~~шумъ увеличивался, и мы услышали~~ шумъ ѣдущихъ повозокъ. Обойдя вокругъ озера, мы увидѣли мостъ занятымъ артиллерійскими солдатами, и въ это же время казаки и гусары шли вокругъ озера, направляясь ко дворцу. Императоръ и дѣти (Александръ и Константинъ Павловичи) возвращаются назадъ и быстрыми шагами идутъ къ мѣсту, мы слѣдуемъ за ними, какъ можно скорѣе. Императоръ громкимъ голосомъ приказалъ возвратиться назадъ артиллеріи, Преображенскому полку и гусарамъ. Мы уже всѣ были тамъ, и наши лица выражали неудовольствіе. Дѣти побѣжали къ площади, предназначенной со времени послѣдней суматохи быть мѣстомъ тревоги, и тамъ нашли уже всю гвардію. Они поспѣшно отослали ее назадъ. Въ какіе-нибудь полчаса все водворено было на свои мѣста. Императоръ произвелъ разслѣдованіе, и оказалось, что почтовый рожокъ былъ принятъ за сигналъ къ тревогѣ. Два барабанщика Преображенскаго полка начали бить тревогу, часть солдатъ побѣжали, не ожидая приказанія своихъ офицеровъ, а тѣ показали поразительную глупость, не только не остановивъ ихъ, но даже послѣдовавъ ихъ примѣру“ [2]). По разсказу Гельбига, Павелъ Петровичъ имѣлъ при себѣ, въ Павловскѣ, большой отрядъ гвардіи, который онъ весь день обучалъ, и, чтобы испытать бодрость и воинную выправку солдатъ, будилъ ихъ по но-

---

[1]) Choumigorsky: „Lettres“ etc., 25—26.
[2]) Ibid., 27—28.

чамъ тревогами и выводилъ въ строй къ походу. Въ этихъ случаяхъ онъ самъ вставалъ, одѣвался, шелъ на дворцовый дворъ и въ казармы, чтобы трубить тревогу и судить о готовности войскъ; по его объясненію, тревога 4-го августа вызвана была приказомъ Павла выдать всѣмъ почтальонамъ нѣмецкіе рожки, которыми они должны были оповѣщать о времени своего прибытія. Приказъ этотъ не былъ еще всѣмъ извѣстенъ. Между тѣмъ, одинъ изъ почтальоновъ, снабженный уже рожкомъ, привезъ кого-то съ экстреннымъ мальпостомъ изъ Петербурга въ Павловскъ и сталъ трубить по всему городу и у гвардейскихъ казармъ. Гвардейцы приняли рожокъ за тревогу [1]). Ближайшимъ ея послѣдствіемъ было высочайшее повелѣніе отъ 6-го августа, объявленное жителямъ Павловска, о соблюденіи обывателями, особенно изъ простонародья, строжайшаго благочинія на улицахъ и въ дворцовомъ саду, „чтобы во время высочайшаго присутствія въ городѣ не было ни отъ кого произносимо свистовъ, криковъ и педѣльныхъ разговоровъ“ [2]).

[1]) „Русская Старина“, 1887, III, 429.
[2]) „Павловскъ. Очеркъ исторіи и описаніе“, 95—96.

IX.

Размолвка Нелидовой съ императоромъ.—Крутыя и суровыя дѣйствія императора по отношенію къ войскамъ.—Увѣщанія Нелидовой.—Объясненіе императора.—Тревоги императрицы и письма ея къ Нелидовой.—Пріѣздъ Нелидовой въ Гатчину.—Гатчинскіе маневры.—Новыя строгости Павла.—Неудовольствіе офицеровъ.—Отзывы о дѣйствіяхъ Павла и вліяніе на него Нелидовой.

Военныя тревоги въ Павловскѣ не могли, однако, побудить Нелидову пріѣхать въ Павловскъ, такъ какъ она удержана была въ Петербургѣ болѣзнію и смертію г-жи Делафонъ и собственнымъ нездоровьемъ; въ это же время тамъ готовилась свадьба брата ея, Аркадія, съ дочерью графа Буксгевдена, вновь назначеннаго петербургскаго военнаго губернатора. Марія Ѳеодоровна переписывалась съ нею ежедневно длинными письмами, на которыхъ и Павелъ Петровичъ дѣлалъ свои короткія приписки, оговариваясь: „человѣкъ, который весь день работаетъ не имѣетъ много времени, чтобы писать такъ длинно“ [1]). Оба они приглашали Нелидову пріѣхать скорѣе къ нимъ; послѣ пріѣзда императорской четы въ Гатчину, 20-го мая, приглашенія эти сдѣлались еще болѣе настойчивы [2]). Между ней и Павломъ видимо существовала именно тогда размолвка, вызванная, вѣроятно, крутыми мѣрами Павла. Изъ военныхъ приказовъ того времени видно, что за время съ 1-го мая 1797 года по 24-е августа того же года исключено было изъ службы за пьянство, нерадѣніе и т. д.

---

[1]) Choumigorsky: „Lettres“ etc., 31.
[2]) Ibid., 35, 36, 39, 40“. Осьмнадцатый Вѣкъ“, III 451, 455.

117 офицеровъ [1]). Нѣкоторые изъ приказовъ этихъ были оскорбительнаго содержанія даже для лицъ, къ дѣлу неприкосновенныхъ; такъ, въ приказѣ отъ 14-го августа было объявлено: „лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку, поручикъ Шепелевъ выключается въ Елецкій мушкатерскій полкъ за незнаніе своей должности, за лѣнь и нерадѣніе, къ чему онъ привыкъ въ бывшей должности его при князьяхъ Потемкинѣ и Зубовѣ, гдѣ, вмѣсто службы, обращались въ передней и пляскѣ“ [2]). Нѣсколько ранѣе исключены были изъ службы камергеры Олешевъ и Балкъ за маловажныя провинности; той же участи должны были подвергнуться еще четверо, въ томъ числѣ два князя Голицына, которымъ былъ уже объявленъ указъ объ исключеніи, но вслѣдъ затѣмъ они были прощены съ угрозой, что указъ этотъ будетъ приведенъ въ исполненіе при первой ихъ оплошности [3]). Изъ Смольнаго Нелидова посылала Павлу просьбы о помилованіи многихъ изъ этихъ лицъ. Нѣкоторыя изъ нихъ были исполнены, но на другія она получала отказъ.

„Помилуйте несчастнаго Олешева,—писала Нелидова императору 3-го августа.—Богъ благословилъ уже васъ за Рата (полковника, прощеннаго по просьбѣ Нелидовой), заслужите еще благословеніе, дорогой государь. Когда я вижу глубоко прочувствованное горе, я жду васъ, и пока я буду видѣть подданныхъ. почитающихъ за счастіе служить вамъ, я буду васъ мучить для того, чтобы вы не отвергали ихъ службы. Прощайте, будьте добры, будьте собою, ибо истинное расположеніе ваше—доброта“ [4]).

„Я раздѣляю скорбь вашу, прошу отпустить мнѣ мои грѣхи,—писалъ ей Павелъ 14-го августа,—но... не въ моей власти уничтожать то, что было разъ. Прощайте“ [5]).

---

[1]) Высочайшіе приказы 1797 г.—„Русск. Стар.“, 1873, III 974.
[2]) Высочайшіе приказы 1797 года, 108.
[3]) „Архивъ князя Воронцова“. Письма Протасова.
[4]) Осьмнадцатый Вѣкъ“, III 434.
[5]) Choumigorsky: „Lettres" etc., 31.

Даже Нелидовой не легко было имѣть вліяніе на Павла Петровича: „Считая себя всегда правымъ,—говоритъ Саблуковъ,—онъ весьма упорно держался своихъ мнѣній“[1]). Въ этихъ случаяхъ онъ не хотѣлъ уступать, изъ чувства правды и самолюбія, кому бы то ни было, особенно женщинѣ и особенно въ той области своей дѣятельности, которой онъ придавалъ чрезвычайно важное значеніе, и въ которой женщина, по его мнѣнію, не могла быть судьею. Сохранилась въ рукописи слѣдующая записка Павла къ Нелидовой, безъ обозначенія года и числа, но, насколько можно судить по ея содержанію, относящаяся къ описываемому времени.

„Вы въ правѣ сердиться на меня, Катя (въ письмѣ на французскомъ языкѣ это слово написано по-русски). Все это правда, но правда также и то, что съ теченіемъ времени, со дня на день, сдѣлаешься, слабѣе и снисходительнѣе. Вспомните Людовика XVI: онъ началъ снисходить и былъ приведенъ къ тому, что долженъ былъ уступить. Всего было слишкомъ мало и, между тѣмъ, достаточно для того, что въ концѣ концовъ его повели на эшафотъ. Во всемъ этомъ пѣтъ женщины, хотя здѣсь хотятъ только женщинъ“ (намекъ на предыдущее царствованіе, когда былъ возможенъ упадокъ дисциплины [2]).

Въ настоящую минуту, однако, отсутствіе Нелидовой и ссора съ ней были для Павла тѣмъ тягостнѣе, что на предстоящихъ маневрахъ онъ надѣялся доказать все превосходство своей военной системы сравнительно съ прежней; съ другой стороны, именно маневры заставляли Марію Ѳеодоровну желать, чтобы въ это время добрый

---

[1]) „Русскій Архивъ“, 1869, 1902.

[2]) Приводимъ это замѣчательное письмо въ подлинникѣ со всѣми особенностями правописанія Павла: Vous avé bien raison Катя de megronder tout cela est vrai et il est aussi vrai que de moment en moment on permettra plus de chose devant soi rappelé vous de Louis XVI il commenca par devoir condescendre et fut réduit à descendre, tout fut trop peu et rien ne fut assez que quand on le mena à l'échafaud. Il n'y a pas de femme dans tout ceci sinon qu on ne veut ici que des femmes“ (ркп.).

Графъ Иванъ Павловичъ Кутайсовъ.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

геній Павла былъ возлѣ него, тѣмъ болѣе, что исторія съ тревогами въ Павловскѣ не выходила у нея изъ головы. Поэтому на другой день послѣ переѣзда Павла въ Гатчину Нелидова получила отъ императорской четы новое приглашеніе, сдѣланное въ самыхъ ласковыхъ и убѣдительныхъ выраженіяхъ.

„Вы—нашъ добрый, нашъ истинный другъ,—писала ей Марія Ѳеодоровна,—и всегда имъ будете; любить васъ для насъ благо. Пріѣзжайте къ намъ, заклинаю васъ всѣми благородными чувствами вашей души, которыя, по совѣсти, предписываютъ вамъ это сдѣлать. Нашъ дорогой императоръ искренно сожалѣетъ о томъ, что огорчилъ васъ, клянусь вамъ. Гатчинскія удовольствія утрачиваютъ свою цѣну, потому что васъ тутъ нѣтъ. Онъ это чувствуетъ и говоритъ, и я говорю это вмѣстѣ съ нимъ, потому что желательно это ежеминутно. Послушайтесь голоса дружбы, повѣрьте мнѣ, добрый другъ мой, что болѣе продолжительное отсутствіе ваше было бы дѣйствительнымъ зломъ, которое вы причинили бы мнѣ, оно было бы даже жестокимъ для васъ, такъ какъ ваше сердце было бы въ правѣ упрекать васъ за то, что вы истинно огорчили меня. Пріѣзжайте на свиданіе съ друзьями, нѣжно любящими васъ. Мы ждемъ васъ завтра навѣрное. Все готово, чтобы принять васъ, и васъ встрѣтятъ и обнимутъ очень, очень нѣжно". „Если я утратилъ право уговаривать васъ,—прибавлялъ въ этомъ письмѣ Павелъ,—то я не могъ бы найти лучшаго ходатая, чѣмъ та, которая пишетъ къ вамъ. Наше пребываніе здѣсь началось при столь счастливыхъ предзнаменованіяхъ, и ихъ нарушаетъ лишь ваше отсутствіе. Недостаетъ лишь васъ для моего счастія въ этомъ мѣстѣ, гдѣ Господь Богъ дозволилъ мнѣ предначертать то, что я теперь исполняю. Пріѣзжайте, васъ ждутъ—не нарушайте предзнаменованій. Я васъ жду"[1]).

И Нелидова должна была пріѣхать и присутствовать на всѣхъ парадныхъ маневрахъ, которые происходили въ

[1]) „Осьмнадцатый Вѣкъ", III. 456.

Гатчинѣ осенью 1797 года. Безъ сомнѣнія, и Павлу, и ей живо представлялись минувшіе, казавшіеся уже столь далекими дни, когда въ той же Гатчинѣ опальный великій князь производилъ также маневры съ нѣсколькими ничтожными баталіонами. Сравнительно съ настоящими то были, конечно, не маневры, а простыя воинныя потѣхи: до такой степени все казалось мизерно и безцѣльно. Теперь, выражаясь словами Павла, Господь Богъ дозволилъ ему исполнить то, что онъ предначерталъ этими потѣхами и ради чего въ первые 10 мѣсяцевъ своего царствованія преобразовывалъ екатерининскую армію цѣною всевозможныхъ усилій и жертвъ. „Это были первые маневры по восшествіи на престолъ императора,—пишетъ участникъ Лубяновскій.—Командовали: авангардомъ—наслѣдникъ цесаревичъ, арьергардомъ—фельдмаршалъ графъ Каменскій; фельдмаршалъ князь Репнинъ былъ главнокомандующимъ. Не проходило дня безъ дождя; не взирая на то, все шло превосходно Государь отъ того былъ еще довольнѣе и веселѣе... За послѣднимъ маневромъ и за приказомъ у развода велѣно собраться всѣмъ генераламъ и полковымъ командирамъ; адъютанты, въ томъ числѣ и я, пріютились за начальниками. Окруженный побѣдоносными и побѣжденными вождями, императоръ, изустно повторивъ все то, что отдано было въ приказѣ, особенно всѣмъ войскамъ благоволеніе и удовольствіе, потомъ изволилъ сказать (такъ у меня записано): „Я зналъ, господа, что образованіе войскъ по уставу было не всѣмъ пріятно: ожидалъ осени, чтобы сами увидѣли, къ чему все клонилось. Вы теперь видѣли плоды общихъ трудовъ въ честь и славу оружія россійскаго". Маневры закончились парадомъ, на которомъ, проходя мимо императрицы, никто не салютовалъ эспантономъ такъ легко, такъ искусно и ловко, какъ императоръ и главнокомандующій фельдмаршалъ, оба по званію баталіонныхъ командировъ, въ штиблетахъ [1]). Но другой

[1]) Воспоминанія Ѳ. П. Лубянскаго.—„Русскій Архивъ", 1872 165—166.

современникъ—очевидецъ, Саблуковъ, ближе стоявшій къ особѣ императора, рисуетъ событія и съ иной стороны. „Въ Гатчинѣ, — говоритъ онъ, — происходили большіе маневры и смотры и, пока они продолжались, большіе увеселенія: концерты, балы, театральныя представленія безпрерывно слѣдовали одни за другими; казалось, что всѣ удовольствія Версаля и Санъ-Суси сосредоточились въ Гатчинѣ. Но, увы! эти празднества часто омрачались строгостями всякаго рода, какъ, напримѣръ, арестомъ офицеровъ или мгновенной ссылкой ихъ въ отдаленные полки. Случались также несчастія, какія бываютъ нерѣдко на большихъ кавалерійскихъ маневрахъ, и это весьма раздражало императора. Но хотя онъ всегда приходилъ въ гнѣвъ отъ такихъ случаевъ, однако, постоянно выказывалъ много человѣколюбія, когда кто либо былъ серьезно раненъ“ [1]). Очевидно, что Павелъ, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, не желалъ показать въ себѣ слабость. Нелидова тщетно писала ему: „Вотъ, любезный другъ, что́ вы только-что прочли, и что́ я нахожу, открывъ книгу на удачу; это подтвержденіе нашего разговора: государи еще болѣе всѣхъ прочихъ людей должны упражняться въ терпѣніи и умѣренности. Чѣмъ выше поставлены, тѣмъ болѣе имѣемъ мы необходимыхъ отношеній къ людямъ, и тѣмъ чаще приходится намъ оказывать терпѣніе и умѣренность, ибо всѣ люди несовершенны“ [2]). Дѣло, впрочемъ, не ограничивалось одними увѣщаніями Нелидовой: споря съ Павломъ доходили иногда до крайней рѣзкости, гдѣ она обнаруживала свой пылкій характеръ.

Саблуковъ именно къ этому времени относитъ одну изъ такихъ сценъ, которой онъ былъ свидѣтелемъ; мы уже привели раньше эту сцену, а теперь позволимъ себѣ привести ее болѣе подробно: „Однажды,—разсказываетъ онъ,—когда я былъ на караулѣ во дворцѣ, произошла забавная сцена. Офицерская караульная комната была

[1]) Изъ записокъ Н. А. Саблукова, „Русскій Архивъ“, 1869, 1915.

[2]) „Осьмнадцатый Вѣкъ“, III, 439.

у самаго кабинета государя, въ которомъ я часто слышалъ его молитвы. Около самой офицерской комнаты была обширная прихожая, въ которой стоялъ караулъ, а изъ этой прихожей длинный, узкій корридоръ велъ во внутреннюю дворца, и тутъ былъ поставленъ часовой, чтобы вызывать караулъ каждый разъ, какъ императоръ шелъ отуда. Вдругъ я услышалъ крикъ часоваго: „на караулъ!“, выбѣжалъ изъ своей комнаты, и солдаты едва успѣли схватить свои ружья, а я обнажилъ свою шпагу, какъ дверь корридора открылась настежь, и императоръ въ башмакахъ и шелковыхъ чулкахъ, при шляпѣ и шпагѣ поспѣшно вошелъ въ комнату и въ ту же минуту дамскій башмакъ, съ очень высокимъ каблукомъ, полетѣлъ черезъ голову его величества, чуть-чуть ея не задѣвши. Императоръ чрезъ мою комнату прошелъ въ свой кабинетъ, а изъ корридора вышла Екатерина Ивановна Нелидова, спокойно подняла свой башмакъ, надѣла его и вернулась туда же, откуда пришла. На слѣдующій день, когда я снималъ караулъ, его величество пришелъ и шепнулъ мнѣ: „Мой милый, у насъ вчера была ссора“. „Точно такъ, государь“, отвѣтилъ я. Меня очень позабавилъ этотъ случай, и я не сказалъ о немъ никому, ожидая, что за нимъ послѣдуетъ что-либо, не менѣе забавное, и въ этомъ ожиданіи я не былъ обманутъ. Въ тотъ же день, вечеромъ на балѣ, императоръ подошелъ ко мнѣ, словно къ близкому другу и повѣренному, и сказалъ: „Мой милый, потанцуйте что-нибудь хорошенькое“. Я тотчасъ попялъ, что его величеству угодно, чтобы я потанцовалъ съ Е. И. Нелидовою. Что она могла протанцовать, кромѣ менуэта, гавота сороковыхъ годовъ? Я спросилъ дирижера оркестра, можетъ ли онъ сыграть менуэтъ, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, велѣлъ ему начать его и тотчасъ пригласилъ Нелидову, которая отличалась своими танцами въ Смольномъ монастырѣ. Мы начали танцовать. Какую грацію выказывала она, какъ великолѣпно выдѣлывала па и производила обороты, какая плавность была во всѣхъ движеніяхъ прелестной крошки—точь въ точь знаменитая Латини, учившая ее! Да и я не забылъ уроковъ Канціани, моего танцовальщика

наго учителя, и, при моемъ кафтанѣ à la Frédéric le Grand, мы, должно быть, имѣли точь въ точь видъ двухъ старыхъ портретовъ. Императоръ былъ въ восторгѣ и слѣдилъ за нами въ теченіе всего менуэта, поощряя насъ восклицаніями: „C'est charmant, c'est superbe, c'est délicieux!“ [1]).

Въ то время, какъ всѣ эти сцены происходили во дворцѣ, среди маневрировавшей арміи появлялись признаки дурного настроенія. Очевидно, нашлись люди, которые по своему хотѣли истолковать взыскательность и мелочную придирчивость государя къ гвардіи. Въ особенности недоволенъ былъ Преображенскій полкъ, которымъ командовалъ главный и самый жестокій экзерцирмейстеръ, Аракчеевъ, по своей неразвитости точнѣе другихъ исполнявшій самыя суровыя предписанія Павла и менѣе всего способный постигнуть духъ ихъ и беречь имя государя. Въ томъ же сентябрѣ Павелъ писалъ Аракчееву: „Доходитъ до меня, что нѣкоторые офицеры преображенскіе, какъ Чирковъ и Рахмановъ, распускаютъ слухи, что я, гвардіи не взлюбя, хочу корпусъ иностранный для моей безопасности заводить и послалъ за французскимъ принцевымъ корпусомъ“... Другая записка Павла Аракчееву, тогда же написанная, еще важнѣе по своему содержанію: „Свѣдалъ я,—писалъ онъ,—что офицеры ваши разглашаютъ вездѣ, что они не могутъ ни въ чемъ угодить, забывая, что если бы они дѣлали, что другихъ полковъ дѣлаютъ, то они равно имъ угождали, то и извольте имъ сказать, что легкій способъ сіе кончить— отступиться мнѣ отъ нихъ и ихъ кинуть, предоставя имъ всегда таковыми оставаться, каковы мерзки (sic) они прежде были, что я и исполню, а буду и безъ нихъ заниматься обороной государственнаго“ [2]). Легко понять теперь, почему въ ошибкахъ офицеровъ Павелъ склоненъ былъ видѣть оппозицію себѣ. 6-го октября въ высочайшихъ приказахъ уже отдано было: „Его императорское величество соизволилъ указать выбрать изъ Преображенскаго

[1]) „Русскій Архивъ“, 1689, 1910.
[2]) „Русская Старина“, 1873, I, 488—489.

полка рядовыхъ, которые не хотятъ въ оном полку служить, для отсылки въ Томскъ въ гарнизонный Пелагинова полкъ"; вслѣдъ затѣмъ послѣдовало увольненіе отъ службы нѣкоторыхъ офицеровъ этого полка и массы унтеръ-офицеровъ изъ дворянъ [1]). Другимъ полкамъ было нелегче: очевидно, что и послѣ прекрасныхъ маневровъ, доставившихъ удовольствіе государю, взыскательность не уменьшилась. „Часто, – говоритъ Саблуковъ, за пичтожные недосмотры и ошибки въ командѣ офицеры, прямо съ парада, отсылались въ другіе полки на большія разстоянія, и это случалось до того часто, что, когда мы бывали на карауль, мы имѣли обыкновеніе класть нѣсколько сотъ рублей бумажками за пазуху, чтобы не остаться безъ копѣйки на случай внезапной ссылки. Три раза случалось мнѣ давать взаймы деньги товарищамъ, забывшимъ эту предосторожность. Такое обращеніе держало офицеровъ въ постоянномъ страхѣ и безпокойствѣ, и многіе, вслѣдствіе его, совсѣмъ оставляли службу и удалялись въ свои помѣстья, между тѣмъ, какъ другіе, оставивъ армію, переходили въ гражданскую службу... .Легко себѣ представить, что эта система держала семейства, къ которымъ принадлежали офицеры, въ состояніи постояннаго страха и тревоги, и почти можно сказать, что Петербургъ, Москва и вся Россія были погружены въ постоянное горе" [2]). Нелидова, въ этой чисто военной сферѣ, не могла всегда и во всемъ руководить дѣйствіями Павла, окруженнаго людьми, подобными Аракчееву, хотя многое узнавала и дѣлала чрезъ своего брата Аркадія Нелидова, генералъ-адъютанта государя. Этого генерала Нелидова Саблуковъ называетъ „прекраснымъ молодымъ человѣкомъ, пользовавшимъ большимъ вліяніемъ на императора и, въ союзѣ съ Екатериной Ивановной (Нелидовой), прилагавшимъ всѣ старанія къ тому, чтобы смягчать невзгоды этого времени, обращать царскую

---

[1]) Высочайшіе приказы 1797 г. и слѣд.
[2]) „Русскій Архивъ", 1869, 1915.

милость на людей достойныхъ и облегчать участь тѣхъ, которые попадали въ опалу“ [1]).

Между тѣмъ, интрига противъ императрицы и Нелидовой уже зрѣла среди лицъ, ближайшихъ къ Павлу, при главномъ участіи Ивана Кутайсова.

---

[1]) Тамъ же.

X.

Главные дѣятели Павловскаго царствованія. Вліяніе Маріи Ѳеодоровны и Нелидовой на дѣла внѣшней политики и внутренняго управленія.—Образованіе партіи, враждебной императрицѣ и Нелидовой.—Безбородко, Кутайсовъ и Растопчинъ.—Рожденіе великаго князя Михаила Павловича.—Увольненіе Растопчина.—Отъѣздъ императора Павла въ Москву.

Мы должны были подробно остановиться на выясненіи военнаго режима императора Павла, чтобы указать точнѣе характеръ роли Нелидовой въ той области его дѣятельности, которая несомнѣнно имѣетъ въ общемъ рѣшающее значеніе для оцѣнки его царствованія. Увлеченіе императора мелочами военнаго дѣла было для него тѣмъ пагубнѣе, что мѣшало ему болѣе внимательно относиться къ дѣламъ внѣшней политики и внутренняго управленія; внѣшняя политика сдѣлалась для него политикой сердца, а дѣла внутренняго управленія, требовавшія при выполненіи задуманныхъ Павломъ реформъ постоянной систематической работы, часто находились въ зависимости отъ личности докладчиковъ, умѣвшихъ иногда, хотя не всегда безнаказанно, направлять, сообразно личнымъ выгодамъ, волю государя, стремившагося въ теоріи къ справедливости и общей пользѣ, а между тѣмъ часто, хотя безсознательно, слѣдовавшаго на практикѣ чужимъ, своекорыстнымъ внушеніямъ. Главными дѣятелями являлись князь Александръ Куракинъ, вице-канцлеръ,—по дѣламъ внѣшнимъ, и князь Алексѣй Куракинъ, генералъ-прокуроръ,—по дѣламъ внутреннимъ; оба были поддерживаемы и императрицей, и Нелидовой, и оба ничѣмъ не заслуживали этого покровительства. Князь Безбородко, осыпанный милостями императора, тѣмъ не менѣе оста-

вался въ тѣни этихъ двухъ братскихъ свѣтилъ и естественно былъ крайне недоволенъ своимъ положеніемъ: хотя съ нимъ продолжали совѣтоваться по всѣмъ важнымъ вопросамъ, но въ сущности онъ игралъ лишь роль живой справочной политической энциклопедіи, опытомъ и знаніемъ которой часто пользовались для достиженія цѣлей, вовсе ему несимпатичныхъ. Другъ его, Рожерсонъ, писалъ Воронцову 1-го августа: „Князь Безбородко почти закончилъ свое лѣченіе и, слѣдовательно, принужденъ будетъ проводить больше времени въ Павловскѣ. Онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы ограничиться своимъ департаментомъ (коллегію иностранныхъ дѣлъ), и даже говоритъ довольно открыто о своемъ непреложномъ намѣреніи выйти чрезъ годъ въ отставку. Онъ не успѣетъ въ этомъ. Между тѣмъ, дѣла внутренняго управленія почти цѣликомъ находятся въ рукахъ генералъ-прокурора, который, въ то время, какъ нашъ государь почти исключительно сосредоточилъ свое вниманіе на военныхъ распорядкахъ, имѣетъ значеніе какъ бы соправителя... Вице-канцлеръ болѣе ничтоженъ, чѣмъ когда либо, но человѣкъ онъ добрый, совсѣмъ другой, чѣмъ братъ его, который имѣетъ несчастіе быть ненавидимымъ всѣми“[1]). Безбородко былъ въ особенности недоволенъ направленіемъ, которое подъ давленіемъ французскихъ эмигрантовъ принимала внѣшняя политика императора, постепенно измѣнявшаго своей политикѣ невмѣшательства въ дѣла Европы и готовившагося уже обнажить свой мечъ противъ революціонной Франціи. Въ этомъ случаѣ рыцарскія, легитимныя чувства государя вполнѣ совпадали съ нравственно-сентиментальными чувствами императрицы и Нелидовой, искренно сожалѣвшихъ объ участи жертвъ революціи и ласково принимавшихъ эмигрантовъ. Еще въ Москвѣ, во время коронаціи, повелѣно было, 14-го апрѣля, тремъ дивизіямъ готовиться къ походу, чтобы оказать помощь Австріи, которая однако не дождалась ея и поспѣшила заключить миръ съ Франціей, а вслѣдъ затѣмъ началось

[1]) „Арх. кн. Воронцова“, XXX. 104—105

уже явное, со стороны Россіи, покровительство Бурбонамъ и разнымъ французскимъ выходцамъ, выдававшимъ себя запреверженцевъ монархіи. Изъ эмигрантовъ особеннымъ вниманіемъ императрицы и Нелидовой пользовались графъ Шуазель-Гуфье и принцесса Тарантъ, бывшая статсъ-дамой несчастной Маріи-Антуанеты и начавшая заниматься въ Россіи пропагандой католицизма [1]). Папскій нунцій Литта и братъ его, графъ Литта, убѣдившій Павла принять подъ свое покровительство Мальтійскій орденъ,—также пользовались поддержкой Нелидовой чрезъ г-жу Гейкингъ, дочь г-жи Делафонъ, вполнѣ преданной нунціо [2]). Послѣднее обстоятельство было особенно важно въ томъ отношеніи, что открыло дверь ко вліянію при дворѣ іезуитовъ. „Эти эмигранты,— писалъ Рожерсонъ,— похожи на чуму: повсюду, гдѣ только они являются, они грызутъ руку, которая ихъ кормитъ“ [3]). Масса эмигрантовъ принята была въ русскую военную службу, въ томъ числѣ весь эмигрантскій корпусъ принца Конде; многимъ пожалованы были имѣнія и назначены пенсіи; наконецъ, самъ претендентъ на французскую корону, будущій Людовикъ XVIII, приглашенъ былъ прибыть въ Россію и въ 1798 году поселился въ Митавѣ. Усиленіе въ Россіи католицизма, съ іезуитами во главѣ, преслѣдованіе чуждыхъ для Россіи интересовъ Мальтійскаго ордена и бурбонской династіи, разрывъ съ Франціей—вотъ что было послѣдствіемъ вліянія эмигрантовъ. Все это производило въ обществѣ тяжелое впечатлѣніе [4]). Безбородко также былъ противъ допущенія эмигрантовъ въ Россію и особенно противъ принятія на службу корпуса Конде,

---

[1]) Choumigorsky: „Lettres“ etc., 22,—Др. и Нов. Росс., 1876, III. 396—397.—„Русскій Архивъ“, 1885, I, 168.—Арх. кн. Воронцова, VIII. 182—183.—Принцесса Тарантъ, однако, вскорѣ лишилась поддержки Нелидовой и даже впала въ немилость, благодаря интригамъ Александра Куракина.

[2]) Морошкинъ: „Іезуиты въ Россіи“. I, 292, примѣчаніе.

[3]) Арх. кн. Воронцова, XXX, 106. Объ эмигрантахъ и дурномъ впечатлѣніи, произведенномъ ими въ Россіи, сохранилась масса современныхъ свидѣтельствъ. Въ особенности важны показанія Растопчина (Арх. кн. Воронцова, VIII), Протасова (XV), Николаи (XXII) и Рожерсона (XXX).

[4]) Арх. кн. Воронцова, XXX, 100.

но въ концѣ концовъ едва добился только того, что корпусу Конде назначена была стоянка въ юго-западной Россіи, а не въ Петербургѣ или около него [1]). Новая неудача, постигшая старый проектъ брака великой княжны Александры Павловны съ шведскимъ королемъ Густавомъ IV, также не свидѣтельствовала объ успѣхѣ русской политики и повела только къ разладу въ средѣ императорскаго семейства. Такъ какъ Густавъ вслѣдъ затѣмъ женился на баденской принцессѣ, сестрѣ великой княгини Елизаветы Алексѣевны, то это подало поводъ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ горько упрекать великую княгиню въ интригѣ. Любопытно, что молчаливой свидѣтельницей этой сцены была одна лишь Нелидова, которая была также довѣренной посредницей Маріи Ѳеодоровны съ шведскимъ посланникомъ Клингспоромъ. Ожидали даже разрыва съ Швеціей. „Шведская свадьба, — писалъ Безбородко, — здѣсь непріятна. Императоръ, казалось бы, взпралъ на нее равнодушно, но съ другой стороны его поджигаютъ. Мнѣ нѣсколько разъ императрица давала чувствовать, что я будто бы съ лишней флегмой смотрю на сіе событіе. Вчера прислали меня спросить, какимъ образомъ дѣлается запрещеніе на вывозъ хлѣба въ Швецію... По адмиралтейству, сказываютъ, секретно велѣно пріуготовить гребной флотъ.. Выйдутъ однѣ демонстраціи не къ времени и не у мѣста“ [2]) Завязавшіеся переговоры съ Австріею отвлекли затѣмъ вниманіе императрицы отъ дѣлъ шведскихъ, но съ того времени охлажденіе между нею и Елизаветой Алексѣевной было весьма замѣтно.

Вліяніе Маріи Ѳеодоровны и Нелидовой на дѣла внутреннія также возбуждало опасенія. „Жаль,—писалъ врагъ ихъ, Растопчинъ, лѣтомъ 1797 года,—что на императора дѣйствуютъ внушенія императрицы, которая вмѣшивается во всѣ дѣла, окружаетъ себя нѣмцами и позволяетъ обманывать себя нищимъ (т. е. эмигрантамъ). Чтобы быть увѣреннѣе въ своемъ значеніи, она соединилась съ m-lle Не-

[1]) Арх. кн. Воронцова, XV, 96.

[2]) Тамъ же. XIII, 383. О сношеніяхъ Нелидовой съ Клингспоромъ см. „Вѣстн. Европы“, 1897, май, 152, 155.

лидовой, которую она ранѣе съ полнымъ основаніемъ презирала и которая, однако, сдѣлалась ея интимнымъ другомъ, съ 6-го ноября прошлаго года [1]). Мы, три или четыре человѣка,—отверженные люди для этихъ дамъ, потому что мы служимъ только одному императору, а этого не любятъ и не хотятъ. Онѣ желали бы удалить князя Безбородко и замѣстить его княземъ Александромъ Куракинымъ, глупцомъ и пьяницей, поставить во главѣ военныхъ дѣлъ князя Репнина и управлять всѣмъ посредствомъ своихъ креатуръ. Это— планъ князя Алексѣя Куракина, величайшаго бездѣльника, который грабитъ и запутываетъ все и безстыдно выпрашиваетъ себѣ милостыни“ [2]). Алексѣй Куракинъ дѣйствительно возбуждалъ противъ себя всеобщее негодованіе своимъ корыстолюбіемъ и стремленіемъ къ достиженію личныхъ цѣлей; неудовольствіе многихъ вліяніемъ на Павла Маріи Оеодоровны и Нелидовой объясняется исключительно дѣйствіями Куракина. Павелъ Петровичъ не любилъ инпціативы своихъ докладчиковъ по дѣламъ внутренняго управленія, допуская выраженіе ихъ мнѣній лишь по текущимъ дѣламъ [3]); между тѣмъ Алексѣю Куракину и въ этомъ отношеніи предоставлено было широкое поле для дѣйствій. „Генералъ-прокуроръ,— писалъ Безбородко,—имѣетъ обычай и тѣмъ угождать, чтобы проектъ за проектомъ выдавать, хотя и выходятъ иногда большія несообразности“. Насколько проекты эти были твореніемъ самого Куракина, имѣвшаго тогда у себя въ канцеляріи выдвинутаго имъ Сперанскаго, — судить здѣсь не мѣсто; но проектъ его объ измѣненіи финансовой системы, поддерживаемый иностраннымъ проэктеромъ Бутомъ, вызвалъ ожесточенное сопротивленіе и Безбородко, и Васильева, бывшаго тогда государственнымъ казначеемъ, и многихъ другихъ, видѣвшихъ во многихъ частностяхъ

---

[1]) Гейкингъ свидѣтельствуетъ, что Растопчинъ былъ личнымъ врагомъ Нелидовой, хотя не объясняетъ повода этой вражды. Heyking, 135—Чтобы достойно оцѣнить пристрастность отзывовъ Растопчина, вспомнимъ отзывы его о Маріи Оеодоровнѣ за два года передъ симъ.

[2]) Арх. князя Воронцова, VIII, 182—183.

[3]) Тамъ же, XIII, 386.

этого проекта опасность для государства. „Явился у насъ,— писалъ Безбородко Воронцову въ концѣ декабря 1797 г.,— нѣкто Вутъ, вамъ конечно извѣстный коммиссіонеръ Гопа (голландскаго банкира). Онъ свои дѣла хорошо дѣлаетъ, скупаетъ долги на полякахъ, да и Богъ съ нимъ; но вздумалъ насъ учить финансамъ, открывъ себѣ черезъ графа Николая (Румянцева)[1]) доступъ къ ея величеству, а тѣмъ добился и къ государю, подалъ планы неудобные... Баронъ Васпльевъ не былъ съ нимъ согласенъ и, по моему несчастію, навязалъ мнѣ этого человѣка. Я возразилъ на многіе его проекты и видѣлъ, что государь имѣетъ довольно чистое понятіе о вещахъ, до финансовъ касающихся, кромѣ предубѣжденій нѣкоторыхъ. Намъ съ Вутомъ дано было преніе предъ императоромъ и императрицей. Кажется, что я удержу отъ всякихъ мѣръ несообразныхъ, но ея величество не довольна, что я не понимаю пользъ, г. Вутомъ предложенныхъ. Вообще она меня, хотя очень хорошо трактуетъ, но не столько имѣетъ прежней intimité. Я всему сему очень радъ, лишь бы она употребила свою инфлюенцію на испрошеніе мнѣ свободы“ [2]). „Я слышу,— писалъ онъ же въ концѣ января 1798 г., — что Куракинъ хочетъ банковое учрежденіе поправлять, я не знаю какъ. Вутъ сдѣлался настоящимъ учителемъ въ исторіи финансовъ, и съ нимъ борется одинъ только человѣкъ честный и твердый, баронъ Васпльевъ. Я думаю, что этотъ Вутъ насъ далеко заведетъ, и самъ въ накладѣ не останется“ [3]). Что касается князя Александра Куракина, то вотъ какъ отзывается о немъ близко знавшій его по дѣламъ Гейкингъ, преданность котораго къ Нелидовой не подлежитъ сомнѣнію. „Онъ страдалъ,— говоритъ онъ,—положительнымъ отсутствіемъ способностей и трудолюбія. Человѣкъ тщеславный, занятый

---

[1]) Что рѣчь идетъ здѣсь о Румянцевѣ, это догадка издателя Арх. кн. Воронцова. Мы, съ своей стороны, имѣемъ всѣ данныя утверждать, что здѣсь подразумѣвается баронъ Николаи, личный секретарь Маріи Ѳеодоровны. Ср., напр., письма Растопчина (Арх. кн. В., VIII, 185), письма Николаи (Арх. кн. В., XXII), Кочубея XVIII, 172).

[2]) Арх. кн. Воронцова, XIII, 382—383.

[3]) Тамъ же, XIII, 386.

своимъ туалетомъ и своими брилліантами, онъ интересовался лишь женщинами, музыкой да дурачествами. Будучи холоднымъ эгоистомъ, онъ никому не приносилъ ни вреда, ни пользы. Впрочемъ, онъ хорошо объяснялся по-русски, по-нѣмецки и по-французски, обладалъ представительною наружностью и хорошими манерами, но лицо его не имѣло никакого выраженія и смѣхъ былъ дурацкій“ [1]). Императоръ былъ недоволенъ имъ еще лѣтомъ 1797 года: Куракинъ уже думалъ тогда о своей отставкѣ, но заступничество Нелидовой помогло ему еще удержать за собою свое мѣсто [2]).

Мы знаемъ уже, что главными и ближайшими къ Павлу Петровичу лицами, враждебными Маріи Оеодоровнѣ и Нелидовой, были Кутайсовъ и Растопчинъ. Но оба они были новичками въ дѣлахъ государственныхъ; для двора и общества это были еще parvenus, выскочки, въ особенности первый изъ нихъ, Кутайсовъ. Ничтожные сами по себѣ, и Кутайсовъ, и Растопчинъ почувствовали подъ собою твердую почву, когда во враждебномъ императрицѣ смыслѣ сталъ проявлять свою „инфлюенцію“ такой авторитетный и испытанный государственный умъ, какъ Безбородко. Подробности сношеній его съ Кутайсовымъ остаются пока неизвѣстными. Тѣмъ важнѣе для насъ свидѣтельство Гельбига о перемѣнѣ отношеній Безбородко къ Маріи Оеодоровнѣ и Нелидовой и о сближеніи его съ Кутайсовымъ. „Хитрый Безбородко, — говоритъ онъ,— съумѣвшій скоро раскусить избранника, снизошелъ съ своей высоты и присоединился къ Кутайсову, чтобы при помощи его подняться еще выше. Союзъ этихъ двухъ лицъ породилъ неограниченную власть, которую они и практиковали. Безбородко руководилъ Кутайсовымъ, а Кутайсовъ направлялъ императора по волѣ своего друга. Дѣвицу Нелидову необходимо было удалить. Благодаря своимъ достоинствамъ, она стала подругой императрицы. Въ императорской семьѣ не было согласія.

[1]) Heyking, 145—146.
[2]) „Correspondance“, etc., 308—316

чего они и не желали, такъ какъ оно могло быть опасно ихъ вліянію. Поэтому-то имъ было необходимо разрушить дружбу, грозившую имъ опасностью“ [1]). „Кутайсовъ,—говоритъ Гельбигъ въ другомъ мѣстѣ, убѣжденный, что имъ руководитъ мужъ болѣе умный, чѣмъ онъ, говорилъ и дѣлалъ лишь то, что предлагалъ ему Безбородко“ [2]). Легко было раздражать Павла, указывая ему на ошибки и противозаконныя дѣйствія сановниковъ — ставленниковъ императрицы и ея подруги: въ рукописныхъ и печатныхъ свидѣтельствахъ сохранились, напримѣръ, анекдотическія, хотя и весьма правдоподобныя, свѣдѣнія о рѣзкихъ формахъ, въ которыхъ выражался гнѣвъ Павла на Алексѣя Куракина: однажды онъ собственноручно наказалъ его палкой и часто бранилъ его самымъ безцеремоннымъ образомъ [3]). Но разорвать дружбу Павла съ Нелидовой возможно было лишь не иначе, какъ удаливъ его отъ императрицы и обративъ его вниманіе на другую женщину, которая могла бы, вмѣсто Нелидовой, служить предметомъ его рыцарскаго поклоненія.

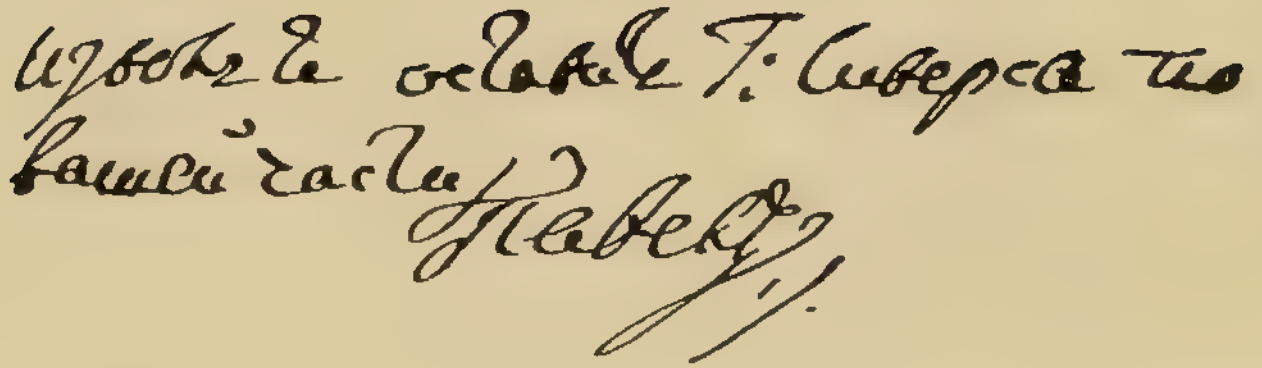
Обстоятельства благопріятствовали интригѣ. Кутайсовъ, достигая высокихъ чиновъ, продолжалъ ежедневно брить государя и попрежнему находился при его особѣ, пользуясь своимъ значеніемъ, чтобы интриговать противъ всѣхъ лицъ, казавшихся ему опасными для его вліянія. Въ случаяхъ, когда обнаруживалась невинность оклеветаннаго, возмущенный Павелъ собственноручно наказывалъ Кутайсова палкой, снявъ предварительно съ него ленту; однажды Павелъ Петровичъ до того разсердился на своего фаворита, что прогналъ его, не велѣлъ ему показываться на глаза, и предъ его квартирой постоянно стояла кибитка, запряженная почтовыми лошадьми, которыя перемѣнялись каждые два часа, какъ бы въ ожиданіи, куда везти любимца. Привычка къ Кутайсову брала, однако, у отходчиваго Павла верхъ надъ гнѣвомъ, и государь, самъ того не замѣчая, часто слѣдовалъ его внушеніямъ, вполнѣ полагаясь на его предан-

[1]) „Русская Старина“, 1887, IV, 443.
[2]) Тамъ же, II, 41.
[3]) См., напр., „Р. Стар.“, 1895, II, 49 (Записки А. М. Тургенева).

ность и за нее многое ему извинял. „Еще въ началѣ царствованія Павла,—пишетъ Чарторыжскій въ своихъ мемуарахъ,—я видѣлъ Кутайсова въ экзерциргаузѣ, гдѣ производились смотры войскъ, подносящимъ государю бульонъ. Какъ камердинеръ, онъ былъ въ утренней ливреѣ, и въ этомъ костюмѣ, какъ мнѣ казалось, онъ имѣлъ большое сходство съ Фигаро. Но уже тогда онъ былъ предметомъ предупредительныхъ привѣтствій и рукопожатій большинства генераловъ и лицъ, присутствовавшихъ на смотрахъ и окружавшихъ его толпою. Вскорѣ, благодаря значенію своему при государѣ, онъ сдѣлался всемогущимъ фаворитомъ“ [1]). Къ нему для достиженія общихъ цѣлей примкнулъ также постоянно находившійся при государѣ, въ качествѣ его генералъ-адъютанта, Растопчинъ. „Въ теченіе двухъ лѣтъ,—объяснялъ онъ впослѣдствіи свое поведеніе,—я почиталъ Кутайсова человѣкомъ честнымъ и привязаннымъ къ государю, какъ и я, чувствомъ благодарности. Съ нимъ можно было говорить о его неровностяхъ, перемѣнчивости, причудахъ... Мы искренно любили государя: я по чувству чести, онъ же—постоянно оставаясь слугою“ [2]). Наконецъ, какъ орудіе Безбородко, почти ежедневно былъ съ докладами у Павла его статсъ-секретарь Обресковъ, бывшій ранѣе личнымъ секретаремъ Безбородко и обязанный своимъ возвышеніемъ его ходатайству [3]).

Подъ вліяніемъ этихъ лицъ отношенія императора къ его супругѣ начали ухудшаться еще въ концѣ 1797 года, когда Марія Оеодоровна ожидала скораго разрѣшенія своего отъ бремени. „Дорогой государь,—писала въ это время Павлу Нелидова,—подумайте, что страданія, которыя императрица испытываетъ уже четыре недѣли, истощаютъ ея силы. Ея нездоровье приближается къ концу. Вы ее любите: подумайте, чѣмъ можно ее поддержать; она же сдѣлаетъ все, что можетъ. Она, быть

[1]) Czartorysk i: Memoires, I, 175.
[2]) Арх. кн. Воронцова, VIII, 296, Ср. „Русск. Арх.“, 1887, I, 169.
[3]) Обрезковъ назначенъ былъ состоять при особѣ государя 10-го февраля 1797 г.—„Сенатскій Арх.“, 1, 104.



Записка императора Павла
къ императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (1798 г.)

можетъ, не желала бы, чтобы я безпокоила васъ, но развѣ я не могу разсчитывать на вашу человѣчность? Я не прошу у васъ отвѣта".—„Я вспоминаю,—писала она вслѣдъ затѣмъ,—что когда вы вчера вечеромъ оставили меня, у меня сердце сжалось, что вы холодно относились къ императрицѣ, тогда какъ причиной вашего гнѣва была одна лишь я, а на ней вы только сорвали свое раздраженіе. Увѣдомьте меня однимъ только словомъ, что вы отъ всего сердца поцѣловали свою добрую жену, и тогда я успокоюсь и скажу вамъ сегодня же послѣ обѣда, что вы достойны чувствъ, которыя она питаетъ къ вамъ".

Между тѣмъ вниманіе императрицы Маріи въ началѣ 1798 года поглощено было семейными горестями и заботами. Въ концѣ 1798 года, скончался ея отецъ, владѣтельный герцогъ виртембергскій; едва оправившись отъ этого удара, императрица 28-го января разрѣшилась отъ бремени сыномъ, великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

Роды императрицы, по словамъ современниковъ, были очень трудные, хотя нарочно для этого случая приглашенъ былъ заранѣе берлинскій профессоръ-акушеръ Мекель[1]); вслѣдъ затѣмъ медики объявили, что императрица едва-ли можетъ перенести другіе. Въ исторіи большинства придворныхъ интригъ XVIII вѣка медики играли одну изъ главныхъ ролей, всегда однако оставаясь въ тѣни со своими діагнозами и медикаментами. Король прусскій Фридрихъ II, этотъ Макіавели XVIII вѣка, въ своихъ запискахъ прямо и философски-спокойно рекомендовалъ обращаться къ содѣйствію докторовъ для достиженія политическихъ цѣлей. Въ данномъ случаѣ мнѣнія врачей, окружавшихъ Марію Ѳеодоровну, могли быть внушены лицами, интриговавшими противъ нея, что тѣмъ вѣроятнѣе, что еще во время коронаціи главный медикъ

[1]) „Русская Старина". 1873, VIII, 163, переписка Панина съ Куракинымъ.

Маріи Ѳеодоровны прямо выражалъ свое неудовольствіе на нее, получивъ меньше наградъ, чѣмъ онъ ожидалъ[1]). Если вѣрить современникамъ, то и берлинскій эскулапъ также участвовалъ въ интригѣ. „Роды императрицы,—разсказываетъ графиня Головина,—были трудны, но не опасны. Такъ какъ она въ то время лишилась своего постояннаго акушера, то пригласила акушера изъ Берлина. Этотъ господинъ, подкупленный вѣроятно тѣми, кто желалъ подорвать кредитъ императрицы и Нелидовой,—именно Кутайсовымъ, объявилъ государю, что онъ не отвѣчаетъ за жизнь императрицы въ случаѣ вторичныхъ родовъ. Это послужило источникомъ всевозможныхъ интригъ, происходившихъ въ теченіе года". Трудно сказать положительно на сколько знали объ этой интригѣ сама императрица вмѣстѣ съ своею подругою, но уже 4-го марта генералъ-адъютантъ Растопчинъ по прошенію былъ уволенъ отъ службы [2]).

По словамъ Чарторыжскаго, Растопчина считали при дворѣ душою партіи, враждебной Маріи Ѳеодоровнѣ [3]), такъ какъ онъ былъ болтливъ и выдѣлялся своими рѣзкими и несдержанными отзывами, а Кутайсова, „Ивана", очевидно, слишкомъ уже презирали. „Я былъ прямъ и честенъ,—писалъ потомъ Растопчинъ,—за это я подвергся преслѣдованіямъ; думалъ вслухъ—за это меня прогнали" [4]).

Павелъ Петровичъ, обрадованный рожденіемъ четвертаго сына, продолжалъ въ это время относиться къ своей супругѣ внимательно, окружая ее своими заботами и попеченіями. Въ мартѣ мѣсяцѣ Марія Ѳеодоровна со дня на день ожидала пріѣзда въ Петербургъ горячо любимой ею матери своей, вдовствующей герцогини Виртембергской, Софіи-Доротеи; для постояннаго жительства герцогини въ Павловскѣ спѣшно строился деревянный дво-

---

[1]) Арх. кн. Воронцова, XV, 133.
[2]) Военные приказы, 1798 г., 77.
[3]) Czartoryski: Memoires, I, 176.
[4]) „Архивъ кн. Воронцова", XXIV, 274.

рецъ, нынѣ Константиновскій, а въ то время именовавшійся „дворцомъ вдовствующей герцогини Виртембергъ-Штутгартской“[1]). Но въ самомъ разгарѣ приготовленій къ пріему матери, Марія Ѳеодоровна получила внезапную вѣсть о ея смерти, послѣдовавшей 9-го марта 1798 года. Императрица была въ отчаяніи, и Павелъ Петровичъ снова оказывалъ ей самое нѣжное вниманіе и заботливость. Но, по горькой ироніи судьбы, этотъ ударъ, постигшій Марію Ѳеодоровну, оказался роковымъ для нея: тѣ же медики объявили, что состояніе здоровья императрицы не позволяетъ ей участвовать въ предположенной еще зимою поѣздкѣ императорской семьи по восточной Россіи, и предписали ей тихій и спокойный образъ жизни въ любимомъ ею Павловскѣ [2]). 5-го мая 1798 года, Павелъ Петровичъ, съ великими князьями: Александромъ и Константиномъ Павловичами, выѣхалъ въ Москву и Казань, сопровождаемый военной и придворной свитой своей и злымъ геніемъ... Кутайсовымъ; еще накануѣ выѣхалъ въ Москву Безбородко. Такимъ образомъ, впечатлительный, увлекающійся государь оказался совершенно и надолго подъ вліяніемъ людей, стремившихся уже давно, исподоволь, къ униженію Маріи Ѳеодоровны и Нелидовой и собственному возвышенію. Слѣдуетъ еще замѣтить, что Растопчинъ, уволенный отъ службы 4-го марта, оставался еще въ Петербургѣ довольно долго подъ разными предлогами и, разумѣется, не потерялъ даромъ времени [3]). „Растопчинъ,—говоритъ Чарторыжскій,—не былъ способенъ прощать обиды; онъ хотѣлъ отомстить тѣмъ, кто былъ причиной его паденія, и сблизился съ Кутайсовымъ: нужно было отвлечь Павла отъ Нелидовой и поссорить его съ его

---

[1]) „Павловскъ“, 100—101.
[2]) Архивъ князя Воронцова, XV, 102—103; XXII, 67.
[3]) Растопчинъ уѣхалъ изъ Петербурга только 29-го іюня (Архивъ князя Воронцова. XXIV, 268, а не былъ высланъ въ Москву послѣ отставки, какъ увѣряетъ Чарторыжскій (I, 176).

женой“ [1]). Планъ дѣйствій былъ составленъ искусно: Кутайсовъ, вмѣстѣ съ Безбородко, уѣхалъ исполнять его въ Москву, а Растопчинъ остался выжидать результатовъ по-прежнему въ Петербургѣ.

---

[1]) Czartoryski, I, 176—177.

XI.

Прибытіе Павла Петровича въ Москву—Интриги Кутайсова.—Анна Петровна Лопухина.—Разсказъ Гейкинга и Тургенева.—Возвращеніе Павла въ Петербургъ.—Отношеніе его къ императрицѣ и Нелидовой. — Усиленіе подозрительности въ императорѣ. — Тяжелое положеніе императрицы и невниманіе къ ней Павла Петровича.

Павла Петровича встрѣтили въ Москвѣ тепло, даже съ любовью. Чарторыжскій вообще неблагосклонно отзывавшійся о Павлѣ, пишетъ въ своихъ мемуарахъ, что общественное настроеніе было въ это время спокойное. „Порядокъ вещей,—говоритъ онъ, – казался установленнымъ на долгое время. Причуды императора уменьшились, благодаря соединенному вліянію императрицы и ея подруги. Общество мало-по-малу привыкало къ странностямъ и неровностямъ поведенія Павла“ [1]). Притомъ въ Москвѣ и въ провинціи всѣ мелочныя и строгія до жестокости распоряженія государя, касавшіяся быта жителей, далеко не были такъ чувствительны, какъ въ Петербургѣ; напротивъ, простой народъ, крестьяне и раскольники, преимущественно Павлу обязаны были облегченіемъ своей участи, и всѣ сословія испытывали ослабленіе злоупотребленій администраціи, достигшихъ своего апогея въ концѣ царствованія Екатерины; отъ Павловскаго времени, напримѣръ, до сихъ поръ сохранилась поговорка: „положеніе хуже губернаторскаго“, такъ какъ губернаторъ фактически являлся отвѣтственнымъ за благосостояніе губерніи, ему ввѣреп-

---

[1]) Czartoryski, I, 167.

ной, и за ущербы, наносимые чиновниками казнѣ или частнымъ лицамъ, долженъ былъ часто платиться даже собственнымъ карманомъ. „Съ начала вступленія Павла Петровича на тронъ,—говоритъ А. М. Тургеневъ, ярый его поклонитель,—въ кабакахъ не подталкивали, въ лавкахъ не обвѣшивали, а въ судахъ не брали взятокъ. Всѣ боялись кнута: школы правовѣдѣнія тогда не существовало“ [1]). Неудивительно, поэтому, что самъ Павелъ въ теченіе шести дней, проведенныхъ имъ въ Москвѣ, присутствуя на балахъ, смотрахъ, посѣщая различныя учрежденія, былъ очень веселъ и убѣдился въ народной къ нему любви; раскольники подъ Москвой, при одной вѣсти о случайной прогулкѣ Павла, выбѣжали ему на встрѣчу 20-ти тысячной толпой, окруживъ его въ открытомъ полѣ и выражая ему преданность. Замѣтили, что именно во время пребыванія своего въ Москвѣ, Павелъ всего болѣе обнаружилъ природную свою любезность и склонность къ великодушнымъ порывамъ... Кто могъ думать тогда, что въ эти минуты совершается пагубный переломъ въ исторіи его царствованія?

Любопытенъ разсказъ объ этомъ переломѣ лица, близко стоявшаго къ Нелидовой и ко двору Павла,—Гейкинга, знавшаго всѣ подробности событій отъ самой Нелидовой и смотрѣвшаго на придворныя перемѣны преимущественно съ ея точки зрѣнія.

„Орудіемъ, которымъ агитаторы всегда пользуются столь же ловко, какъ и успѣшно,—всегда служили дураки. Для привлеченія ихъ на свою сторону, агитаторы начинаютъ съ того, что сверхъ мѣры превозносятъ ихъ честность; дураки хотя внутренно и удивляются этимъ незаслуженнымъ похваламъ, но такъ какъ онѣ льстятъ ихъ тщеславію, то они беззавѣтно отдаются въ руки коварныхъ льстецовъ. Такимъ-то порядкомъ произошло и то, что Кутайсовъ вдругъ оказался образцомъ преданности

[1]) Записки А. М. Тургенева, „Русская Старина“, 1885, IV, 62–9. Ср., между прочимъ, воспоминанія Лубяновскаго, „Русскій Архивъ“, 1872, I, 133.

своему государю, стали приводить примѣры его безкорыстія; стали даже приписывать ему извѣстную тонкость ума и выражать притворное удивленіе, какъ это государь не сдѣлаетъ чего-нибудь побольше для такого рѣдкаго любимца. Кутайсовъ, въ концѣ-концовъ, самъ началъ вѣрить, что его пріятели правы; но онъ далъ имъ понять, что императрица и фрейлина Нелидова его не любятъ и мѣшаютъ его возвышенію. Этого только и ждали: стали еще больше превозносить его и увѣрять, что отъ него самого зависитъ господство надъ Павломъ, если онъ подставитъ ему фаворитку по собственному выбору, которой предварительно поставитъ свои условія. Напомнили ему о дѣвицѣ Лопухиной и внушили ему, что онъ долженъ дѣлать въ Москвѣ. Кутайсовъ обѣщалъ все исполнить, а такъ какъ ему намекнули, что и князь Безбородко тоже желалъ бы видѣть государя избавленнымъ отъ опеки императрицы, г-жи Нелидовой и братьевъ Куракиныхъ, то онъ всецѣло примкнулъ къ этому заговору, хотя и не предвидѣлъ его результатовъ".

„Встрѣча, оказанная государю въ Москвѣ, была восторженная, а такъ какъ сердце у него отъ природы было мягкое, то онъ былъ живо тронутъ этими выраженіями преданности и любви. Бѣдный монархъ обладалъ любящей и чувствительной душою. И зачѣмъ это такъ случилось, что его раздражительный характеръ и болѣзненно-настроенное воображеніе вѣчно заставляли его идти ложнымъ путемъ! Исполненный радости, онъ въ тотъ же вечеръ сказалъ Кутайсову:

— „Какъ отрадно было сегодня моему сердцу! Московскій народъ любитъ меня гораздо болѣе, чѣмъ петербургскій; мнѣ кажется, что тамъ меня гораздо болѣе боятся, чѣмъ любятъ.

— „Это меня не удивляетъ,— отвѣчалъ Кутайсовъ.

— „Почему же?

— „Не смѣю объяснить.

— „Такъ приказываю тебѣ это.

— „Обѣщайте мнѣ, государь, никому не передавать этого.

— „Обѣщаю.

— „Государь, дѣло въ томъ, что здѣсь васъ видятъ таковымъ, какой вы есть дѣйствительно, — благимъ, великодушнымъ, чувствительнымъ; между тѣмъ какъ въ Петербургѣ, если вы оказываете какую-либо милость, то говорятъ, что это или государыня, или г-жа Нелидова, или Куракины выпросили ее у васъ, такъ что когда вы дѣлаете добро, то это—они; если же когда покараютъ, то это вы покараете.

— „Значитъ, говорятъ, что... я даю управлять собою.

— „Такъ точно, государь.

— „Ну, хорошо же, я покажу, какъ мною управляютъ!—Гнѣвно приблизился Павелъ къ столу и хотѣлъ писать, но Кутайсовъ бросился къ его ногамъ и умолялъ на время сдержать себя.

„На слѣдующій день государь посѣтилъ балъ, гдѣ молодая Лопухина неотлучно слѣдовала за нимъ и не спускала съ него глазъ. Онъ обратился къ какому-то господину, который какъ бы случайно очутился по близости отъ него, но принадлежалъ къ той партіи. Господинъ этотъ съ улыбкою замѣтилъ:

— „Она, ваше величество, изъ-за васъ голову потеряла.

„Павелъ разсмѣялся и возразилъ, что она еще дитя.

— „По ей уже скоро 16 лѣтъ,—отвѣтили ему.

„Затѣмъ онъ подошелъ къ Лопухиной, поговорилъ съ нею и нашелъ, что она забавна и наивна, а послѣ бесѣды объ этомъ съ Кутайсовымъ все было устроено между симъ послѣднимъ и мачихою дѣвицы. Рѣшено было соблюдать величайшій секретъ; между тѣмъ, и родители, и вся семья должны были быть переведены туда“ [1]).

Разсказъ Гейкинга въ общемъ подтверждается и другими современниками, очевидцами событій. „На третьемъ балѣ,—пишетъ Тургеневъ,—Павелъ Петровичъ плѣнился красотою дочери сенатора Петра Васильевича Лопухина,

[1]) Heyking, 113—116. „Русская Старина“, 1887, IV, 784—786.

Анны Петровны... Близкій человѣкъ, повѣренный во всѣхъ дѣлахъ и совѣтникъ, Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, начавшій служеніе брадобреемъ и копчившій поприще служенія оберъ-шталмейстеромъ, съ титуломъ графскаго достоинства, съ орденомъ св. Андрея Первозваннаго. былъ посланъ негоціаторомъ и полномочнымъ министромъ трактовать иниціативно съ супругою Петра Васильевича и мачихою Анны Петровны, Екатериною Николаевною, рожденной Шетневой, о приглашеніи Лопухина съ его фамиліею въ Петербургъ. Негоціація продолжалась во все время маневровъ, и прелиминарные пункты были не прежде подписаны, какъ за нѣсколько минутъ до отъѣзда его величества въ Казань... Въ день отъѣзда Павла Петровича въ Казань экипажъ его и всей его свиты стояли у крыльца; государь ожидалъ негоціатора съ ультиматумомъ—да или нѣтъ... Я, пользуясь званіемъ адъютанта фельдмаршала и качествомъ исправляющаго должность бригадъ-маіора при его величествѣ, стоялъ на нижней площадкѣ крыльца; на этой же площадкѣ ходилъ человѣкъ небольшого роста, портфель подъ мышкой, погруженный въ глубокую задумчивость, глаза сверкали у него, какъ у волка въ ночное время,—это былъ статсъ-секретарь его величества, Петръ Алексѣевичъ Обресковъ; онъ сопутствовалъ государю и долженъ былъ сидѣть въ каретѣ возлѣ царя и докладывать его величеству дѣла, въ производствѣ состоящія. Отвѣтъ рѣшительный Лопухиныхъ тревожилъ спокойствіе души Обрескова; ну, если негоціаторъ привезетъ не да, а нѣтъ! Тогда докладывать дѣла Павлу Петровичу, влюбленному страстно и прогнѣванному отказомъ, было идти по ножевому лезвію. Всѣ знали, что съ разгнѣваннымъ Павломъ Петровичемъ встрѣчаться было страшно. Минутъ черезъ десять скачетъ карета во всю конскую прыть. Обресковъ ожидаетъ сидящаго въ каретѣ со страхомъ и надеждою; остановился экипажъ, вышелъ изъ кареты Иванъ Павловичъ Кутайсовъ, вбѣжалъ на лѣстницу и съ восхищеніемъ, громко, сказалъ Обрескову: „все уладилъ, папа взяла“, и поспѣшилъ обрадовать пріятною вѣстію. Черезъ чет-

верть часа послѣ радостнаго извѣстія Павелъ Петровичъ шествовалъ къ экипажу въ сопровожденіи фельдмаршала... За государемъ взлѣзъ къ карету Обресковъ и поскакали“ [1]).

Чарторыжскій, бывшій въ это время въ Москвѣ, какъ адъютантъ великаго князя Александра Павловича, выражается кратко: „государю дали понять, что онъ въ опекѣ, что императрица и Нелидова царствуютъ его именемъ, и что въ этомъ всѣ убѣждены. Ему представили дѣвицу, болѣе молодую и болѣе красивую, чѣмъ Нелидова,—при томъ такую, которая не имѣла претензіи управлять имъ. Всѣ эти средства подѣйствовали“... [2]). Павелъ уѣхалъ въ Казань, а семья Лопухиныхъ стала готовиться къ переѣзду въ Петербургъ.

Для полнаго объясненія интриги приведемъ свидѣтельство самого Растопчина, что мачиха Анны Петровны, Екатерина Николаевна, была ранѣе въ очень близкихъ отношеніяхъ съ Безбородко... [3])

Императрица и Нелидова „узнали свою бѣду“, по выраженію самой императрицы [4]), лишь на возвратномъ пути Павла изъ Казани, въ городѣ Тихвинѣ, куда 8-го іюня Марія Ѳеодоровна, вмѣстѣ съ Нелидовою, выѣхала на встрѣчу Павлу Петровичу [5]). Вѣрнѣе сказать, это было пока только лишь предчувствіе бѣды, еще не вполнѣ сознанной и не выясненной, такъ какъ Павелъ Петровичъ, до пріѣзда Лопухиныхъ, слѣдуя совѣтамъ Кутайсова, не желалъ еще проявлять своихъ чувствъ и мыслей, получившихъ въ Москвѣ другое направленіе. Еще изъ Москвы онъ писалъ Маріи Ѳеодоровнѣ о Лопухиной, сообщая въ шутливомъ тонѣ, что дѣвица Лопухина на балѣ объяснила ему свою любовь, и выражал свое негодованіе противъ „наглости“ московскихъ дѣвицъ. „Велико было удивленіе импера-

---

[1]) Записки А. М. Тургенева. „Р. Ст.“, 1885 IV, 81—82.

[2]) Czartoryski: Memoires, I, 177.

[3]) „1812 годъ въ запискахъ гр. Ѳ. В. Растопчина“, „Р. Стар.“ 1889. IV, 651.

[4]) Записки Мухановой, „Русскій Архивъ“, 1878, I, 308.

[5]) Изъ камеръ-фурьерскаго журнала видно, что императрица въ 10-мъ часу утра прибыла изъ Павловска въ Тихвинъ и отправилась по Ярославской дорогѣ на встрѣчу государю. Въ 5-мъ часу по по-

трицы,—разсказываетъ фрейлина ея, Муханова,—когда при встрѣчѣ Павелъ обошелся съ нею холодно, а о дѣвицѣ Лопухиной отзывался уже совсѣмъ иначе“ [1]). По словамъ одной придворной дамы, императрица выглядывала въ это время до того похудѣвшей, что дама эта съ удивленіемъ замѣтила объ этомъ Нелидовой, которая отвѣтила ей, что императрица еще не оправилась со времени послѣднихъ родовъ [2]). Тѣмъ не менѣе, по наружности все шло хорошо и гладко. Въ Тихвинѣ государь и государыня присутствовали при перенесеніи чудотворнаго образа Тихвинской Божіей Матери во вновь выстроенную церковь монастыря, и затѣмъ дорогу до Павловска государь проѣхалъ большей частію въ одной каретѣ съ императрицею.

Скрывать долго свое настроеніе было, однако, невозможно для такого непосредственнаго, несдержаннаго человѣка, какъ Павелъ Петровичъ. „Хотя Павелъ, по возвращеніи изъ Москвы, разсказываетъ Гейкингъ,—довольно удачно скрывалъ свои тайныя намѣренія и даже пожаловалъ подарки мнимымъ креатурамъ императрицы, однако нѣкоторыя слова, сорвавшіяся съ языка у вернувшихся изъ Москвы лицъ, возбудили подозрѣнія относительно того, что замышлялось. Негодяи часто бываютъ болтливыми: это, можетъ быть, благодѣяніе природы, снабдившей и ядовитыхъ змѣй погремушками. О лопухинской интригѣ скоро узнали, хотя и притворялись ничего не знающими. Меня поражало, однако, выраженіе лица Павла, когда онъ смотрѣлъ на свою супругу и на фрейлину Нелидову. Я сказалъ объ этомъ одному изъ приближенныхъ ко двору людей, но тотъ мнѣ отвѣтилъ:

лудни государь прибылъ въ селеніе Горки, гдѣ встрѣченъ былъ императрицею съ камеръ-фрейлиною Нелидовою, оберъ-камергеромъ графомъ Строгоновымъ и оберъ-шталмейстеромъ графомъ Зубовымъ. Пили кофе, и въ 6-мъ часу государь отправился въ путь въ каретѣ съ императрицею. Въ 6-мъ часу ихъ величества, пріѣхавъ въ Тихвинъ, посѣтили тамошній монастырь. Ночевали въ приготовленномъ для высочайшаго пребыванія домѣ...“.

[1]) Записки Мухановой, „Русскій Архивъ“, 1878, I, 308.

[2]) Архивъ князя Воронцова, XV, 102.

„Это только переходящая туча. Изволятъ дуться, но недолго“. Наиболѣе поразило меня то, что креатуры Безбородко пошли въ ходъ, постоянно получали знаки благоволенія и рѣзко критиковали финансовыя операціи генералъ-прокурора, князя Куракина. Правда, что его вспомогательная касса для дворянства была неудачно придумана, но теперь стали распространять слухъ, что онъ, создавая это учрежденіе, руководится низкими разсчетами личнаго интереса. Закулисные интриганы чувствовали, что ихъ комедія можетъ держаться и привести къ желаемой цѣли лишь въ томъ случаѣ, если должности генералъ-прокурора и петербургскаго генералъ-губернатора будутъ въ ихъ рукахъ. Прежде всего, поэтому, они стали подкапываться подъ князя Алексѣя Куракина и генерала Буксгевдена... Планъ — окружить государя новыми людьми, какъ ни тщательно былъ скрываемъ, однако, не могъ ускользнуть отъ проницательности многихъ, заинтересованныхъ въ дѣлѣ; наконецъ, внезапное повелѣніе г. Лопухину, который былъ сенаторомъ въ Москвѣ, прибылъ въ Петербургъ, достаточно ясно указало на близкое развитіе какого-то обширнаго проекта. Затѣмъ, государь такъ дурно обошелся съ вице-канцлеромъ княземъ Куракинымъ, что тотъ вслѣдствіе этого захворалъ. Императрица хотѣла было поговорить въ его пользу, но этимъ тоже заслужила гнѣвъ своего супруга“ [1]). Лично къ императрицѣ и Нелидовой Павелъ Петровичъ относился, однако, весьма сдержано и любезно, и жизнь въ Павловскѣ, съ внѣшней стороны, текла обычной мирной колеей; въ скоромъ времени послѣ возвращенія Павла, по мысли Маріи Ѳеодоровны, въ садахъ Павловска устроенъ былъ праздникъ, состоящій изъ цѣлаго ряда идиллическихъ картинъ, иллюстрировавшихъ стихъ Люцилія: „гдѣ можно чувствовать себя лучше, какъ не въ нѣдрахъ собственной своей семьи?“ Осторожность Кутайсовской партіи была такъ велика, что душа ея, Растопчинъ, продолжавшій еще жить въ Петербургѣ, 29-го

[1]) Heyking, 117—118.

іюня выѣхалъ оттуда въ Ливенскую свою деревню [1]) и тамъ выжидалъ окончательныхъ результатовъ своей интриги. Между тѣмъ, нѣкоторыя дѣйствія императрицы Маріи Ѳеодоровны вызвали явный гнѣвъ на нее Павла Петровича, и безъ того склоннаго, по своей подозрительности, всюду видѣть неуваженіе къ его особѣ и противорѣчіе его волѣ. Въ концѣ іюня, когда обыкновенно дворъ переселялся въ Петергофъ, Павелъ Петровичъ сталъ выражать нетерпѣливое свое желаніе какъ можно скорѣе совершить это переселеніе. Степень удовольствія, производимаго на императора его пребываніемъ въ Павловскѣ, была всегда для придворныхъ мѣркой расположенія императора къ его супругѣ. Къ несчастію, случилось, что Марія Ѳеодоровна заболѣла трехдневной лихорадкой почти въ ту минуту, когда дворъ готовился къ переѣзду въ Петербургъ Подозрительный государь вообразилъ себѣ, а можетъ быть ему внушили, что болѣзнь эта была лишь притворствомъ со стороны императрицы, чтобы имѣть предлогъ противиться его волѣ, сталъ рѣзко выражать ей свое недовольство, и съ того времени для Маріи Ѳеодоровны наступилъ цѣлый рядъ жестокихъ испытаній. Императоръ, вышедши разъ изъ границъ сдержанности, не скрывалъ уже истинныхъ своихъ мыслей и чувствъ даже отъ великаго князя Александра Павловича.

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, XXIV, 268.

XII.

Письмо императрицы къ Лопухиной.—Гнѣвъ Павла.—Чувства Нелидовой.—Письмо императрицы къ Павлу Петровичу.—Ея надежды въ письмѣ къ Нелидовой.—Явный разладъ въ императорской семьѣ.—Увольненіе Нелединскаго-Мелецкаго.—Настроеніе двора и общества.—Замѣна графа Буксгевдена графомъ Паленомъ.—Увольненіе Алексѣя Куракина и возвышеніе П. В. Лопухина.

Подозрительность Павла Петровича, постоянно находившая себѣ пищу во внушеніяхъ Кутайсова, вскорѣ нашла себѣ видимое и блестящее оправданіе: оскорбляемая въ самыхъ лучшихъ своихъ чувствахъ, императрица Марія, слѣдуя, какъ говорили [1]), доброжелательнымъ совѣтамъ нѣкоторыхъ изъ своихъ приближенныхъ, прибѣгла къ крайнему средству, чтобы воспрепятствовать пріѣзду въ Петербургъ Анны Петровны Лопухиной: она написала ей угрожающее письмо. Эта неудачная мысль, по свидѣтельству Гейкинга, только ускорила развязку: письмо это пришлось тайнымъ согласникамъ какъ разъ на руку, и его доставили Павлу... Можно представить себѣ неописуемый гнѣвъ императора! Онъ сталъ дурно относиться къ императрицѣ, а когда Нелидова вздумала защищать ее, то и съ ней обошелся безпощадно [2]). По разсказу кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, сохраняющемуся въ рукописи, императоръ Павелъ однажды за обѣдомъ разгнѣвался на свою супругу и приказалъ ей оставить столъ. Когда императрица вышла, Нелидова также

---

[1]) Архивъ князя Воронцова, XV, 134. Письмо Прогасова. Онъ обвиняетъ въ этомъ Плещеева и гр. Н. П. Румянцева.

[2]) Heyking, 118—119.

вышла и послѣдовала за ней, несмотря на старанія Павла удержать свою любимицу. „Останьтесь здѣсь, сударыня“, сказалъ онъ ей.—„Государь, возразила Нелидова, я знаю свои обязанности“.

По поводу одной изъ происходившихъ въ это время непріятныхъ сценъ, Нелидова писала однажды Маріи Ѳеодоровнѣ: „Я вполнѣ сознаю, насколько ваше величество, можетъ быть, огорчены тѣмъ, что совершается въ настоящую минуту, и я не осмѣлилась бы представить вамъ, что безполезно принимать такъ близко къ сердцу скоро преходящія неудовольствія, которыя, какъ каждый знаетъ по собственному примѣру, бываютъ между самыми любящими другъ друга людьми. Увы, кто могъ бы себѣ вообразить, что ваше величество и я, если осмѣлюсь затѣмъ себя наименовать,—эти два лица, быть можетъ, самыя преданныя императору, могли бы подать ему дѣйствительный поводъ къ недовольству! Всякій легко пойметъ, что во всякомъ случаѣ мотивы, руководившіе, вашимъ величествомъ, были чисты. Признаюсь, что вчера вечеромъ нѣкоторыя лица замѣтили мнѣ, что императоръ нехорошо обходился со мною, но я отвѣтила имъ, что это меня нисколько не безпокоитъ, потому что его величество всегда приходитъ въ концѣ концовъ къ тому, что отдастъ справедливость тѣмъ, кто истинно къ нему привязанъ, и что ошибки его вскорѣ признавались и исправлялись имъ же самимъ. Я убѣждена, что онъ самъ недоволенъ собою за несправедливость, и нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что онъ успокоитъ въ недалекомъ будущемъ слишкомъ впечатлительную душу вашего величества“ [1]). Но поведеніе Павла Петровича становилось рѣзче и рѣзче, и уже 13-го іюля Марія Ѳеодоровна написала ему трогательное письмо, умоляя его блюсти ея достоинство, какъ его супруги и какъ императрицы.

„Осуждайте мое поведеніе,—такъ заключила она свое письмо,—подвергните его суду всякаго, кого вамъ будетъ угодно; будучи выше всякаго порицанія и подозрѣнія,

---

[1]) „Correspondance“ etc, 367—368. Письмо это безъ даты.

всякаго упрека, я нечувствительна къ оцѣнкѣ моихъ дѣйствій, но не могу быть такою къ характеру публичнаго обращенія со мною, и это не ради себя, какъ отдѣльной личности, но ради васъ, какъ императора, который долженъ требовать уваженія къ той, которая имѣетъ честь носить ваше имя, потому именно, что она ваша жена и мать вашихъ дѣтей. Я ограничиваюсь лишь единственной просьбой относиться ко мнѣ вѣжливо при публикѣ. Вѣрьте мнѣ, другъ мой, что во времена, въ которыя мы живемъ, государь долженъ заставлять относиться къ своимъ съ уваженіемъ: это нужно ему для самого себя. У меня нѣтъ ни горечи, ни раздражительности. Углубляясь въ свою душу и испытывая ее предъ Богомъ, я нахожу въ ней только чувство глубокой привязанности и, быть можетъ, такой же печали“ [1]).

Несомнѣнно, что въ это время Маріи Ѳеодоровнѣ было еще неизвѣстно, что о письмѣ ея къ Лопухиной уже довели до свѣдѣнія императора, и главная причина его гнѣва поэтому оставалась еще скрытою для нея. Но письмо императрицы къ Нелидовой отъ 18-го іюля носитъ уже другой характеръ: она какъ бы свыкается съ своимъ положеніемъ. Ожидая ее въ Петергофъ къ 22 іюля, дню своего тезоименитства, Марія Ѳеодоровна писала: „Chère et bien-aimée Nelidow, чрезъ три дня вы у меня, за моимъ столомъ! Мы будемъ разговаривать, сердца наши будутъ понимать другъ друга, и мы будемъ имѣть сладостное утѣшеніе сказать, что мы любимъ другъ друга. Я получила ваши новости вчера вечеромъ, милый другъ мой. Дорогая моя Нелидова, интриганы не стали ожидать вашего возвращенія, чтобы сызнова начать свои происки. Вчерашній день — безъ всякой сцены, безъ всякаго дурнаго поступка, но имѣлъ оттѣнокъ, который доказывалъ, что исподтишка поработали таки: жалобы возобновились. Сегодня опять погода прекрасная. Слава Богу, по крайней мѣрѣ соблюдается вѣжливость и

[1]) Choumigorsky: „Lettres“ etc., 54—55. Черновая этого письма императрицы было сообщена ею Нелидовой.

Княжна Анна Петровна Лопухина.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мѣщ. 2.

приличіе, и это—много. Въ остальномъ будемъ надѣяться, что небо откроетъ глаза нашему дорогому императору и покажетъ ему разницу, существующую между истинными и ложными друзьями,—то, что онъ выигрываетъ съ одними и теряетъ съ другими. Я надѣюсь, что моя добрая Нелидова пріѣдетъ 21-го пораньше, чтобы мы имѣли возможность хотя немного побыть вмѣстѣ“ [1]).

День тезоименитства государыни оказался, однако, очень тяжелымъ для нея и ея приверженцевъ. „22-го іюля,—разсказываетъ Гейкингъ, — дворъ находился въ Петергофѣ. Такъ какъ то былъ день рожденія (sic) императрицы, то и я былъ принужденъ туда отправиться. Государь былъ въ явно дурномъ настроеніи: со мною обошелся холодно и не сказалъ мнѣ ни слова. Фрейлина Нелидова казалась мнѣ погруженною въ глубокую печаль, которую она напрасно старалась скрыть. Балъ этотъ скорѣе былъ похожъ на похороны, и всѣ предсказывали новую грозу“ [2]).

Легко понять, кто владѣлъ въ это время душевнымъ настроеніемъ впечатлительнаго и уже достаточно разгнѣваннаго государя. Наканунѣ 22-го іюля, статсъ-секретарь его Нелединскій, родственникъ Куракиныхъ, покровительствуемый императрицей и Нелидовой, проходя довольно поздно внутреннимъ корридоромъ петергофскаго дворца изъ комнатъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, встрѣтился съ Павломъ Петровичемъ, шедшимъ въ сопровожденіи Кутайсова. Увидавъ Нелединскаго, Кутайсовъ сказалъ государю: „вотъ кто слѣдитъ за вами днемъ и ночью и все передаетъ императрицѣ“. Нетрудно себѣ представить, какое дѣйствіе произвели эти слова на вспыльчиваго и подозрительнаго Павла. Немедленно было приказано Нелединскому удалиться отъ двора. Но такъ какъ слѣдующій день, то-есть 22-го іюля, былъ день высокоторжественный, то исполнить это было невозможно безъ огласки, а потому Нелединскій съ женою и дѣтьми

[1]) Тамъ же, 55.
[2]) Heyking, 119.

должешъ былъ провести весь этотъ день въ своей квартирѣ, выходившей окнами на гулянье, съ опущенными шторами, взапертп, пе смѣя пи самъ выходить, ни выпускать дѣтей изъ комнаты [1]). „Въ сей несчастливый для меня день,—разсказываетъ самъ Нелединскій,—благоугодно было его величеству удалить меня отъ себя, повелѣвъ мнѣ ѣхать въ Петербургъ и тамъ ожидать дальнѣйшаго повелѣнія. Въ непродолжительномъ времени данъ былъ сепату указъ о томъ, что я отставляюсь отъ службы, и я немедленно, однакожъ не бывъ высланъ (sic), выѣхалъ въ Москву“ [2]).

О настроепіи двора и общества при обнаружившемся поворотѣ въ образѣ дѣйствій императора Павла безпристрастпѣе другихъ современниковъ сообщалъ Воронцову Кочубей, племянникъ Безбородко, вовсе не знавшій о тайныхъ дѣйствіяхъ своего знаменитаго дяди и даже жаловавшійся на его кажущуюся лѣнь и безпечность. „Императрица, писалъ онъ, хотѣла слишкомъ вмѣшиваться въ дѣла, будучи въ полномъ согласіи съ m-lle Нелидовой и составляя съ ней, такъ сказать, одну душу. Императору надоѣло это, и онъ захотѣлъ свергнуть съ себя *иго* (это его собственное, какъ меня увѣряли, выраженіе). Общество вообще не недовольно этимъ. Оно имѣетъ нѣсколько поводовъ жаловаться на императрицу. Ее обвиняютъ, прежде всего, въ особомъ пристрастіи къ нѣмцамъ; ее обвиняютъ затѣмъ, и основательно, что она была главной пружиной въ рукахъ кп. Куракина при учрежденіи вспомогательнаго банка. Этотъ банкъ погубитъ насъ. Его билеты не пользуются довѣріемъ... Дворъ наполненъ интригами. Говорятъ шепотомъ о новыхъ предметахъ благосклонности императора, спрашиваютъ, возвратитъ ли себѣ императрица свое вліяніе когда-нибудь. Одни отвѣчаютъ на это утвердительно, но большинство дастъ отвѣтъ отрицательный. Что касается до меня, то я не составилъ себѣ еще никакого мнѣнія,

---

[1]) „Хроника недавней старины“, 42—43.
[2]) Тамъ же, 35.

такъ какъ я слишкомъ еще новъ здѣсь; я думаю только, что хотя императрица, быть можетъ, и очень добрая женщина и хотя весьма желательно, чтобы всегда поддерживалось единеніе, но она и обладаетъ непобѣдимой жаждой власти. М-ІІе Нелидова слишкомъ рѣдко появляется при дворѣ. Куракины почувствовали немного слѣдствіе своего пронырства; я говорю здѣсь преимущественно о генералъ-прокурорѣ (Алексѣѣ), такъ какъ что касается до вице-канцлера (Александра), столько же ничтожнаго, сколько и совершенно честнаго человѣка, то его никогда не принимали серьезно въ разсчетъ“ [1]).

Дѣйствительно, друзьямъ Маріи Ѳеодоровны и Нелидовой, окружавшимъ особу государя и стоявшимъ во главѣ управленія, приходилось теперь волей и неволей очищать свои мѣста. Прежде всего потерпѣлъ графъ Буксгевденъ, замѣщенный приказомъ отъ 25 іюля въ должности петербургскаго генералъ-губернатора генералъ-лейтенантомъ графомъ Паленомъ. Въ началѣ царствованія императора Павла графъ Паленъ своимъ угодничествомъ предъ княземъ Зубовымъ возбудилъ противъ себя гнѣвъ государя и получилъ отъ него выговоръ въ самыхъ оскорбительныхъ для себя выраженіяхъ [2]); вслѣдъ затѣмъ онъ былъ уволенъ отъ службы. Обладая всѣми свойствами тонкаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пронырливаго ума, Паленъ затаилъ оскорбленіе въ сердцѣ своемъ и уже осенью 1797 г. униженно просилъ о принятіи его вновь на службу; главною поддержкою его при дворѣ была въ это время графиня Ливенъ, воспитательница великихъ княженъ, пользовавшаяся довѣріемъ Маріи Ѳеодоровны. Первоначально онъ назначенъ былъ командиромъ полка конной гвардіи; но честолюбіе его смотрѣло

---

[1]) Арх. кн. В. XVIII. 149—150.

[2]) Вотъ рескриптъ къ нему Павла отъ 26 февраля 1797 г. „Господинъ генералъ-лейтенантъ Паленъ. Съ удивленіемъ освѣдомился я обо всѣхъ подлостяхъ, вами оказанныхъ въ проѣздѣ князя Зубова чрезъ Ригу, изъ сего и дѣлаю я сродное о свойствѣ вашемъ заключеніе, по коемъ и поведеніе мое противъ васъ соразмѣрно будетъ. Сіе письмо можете показать генералъ-лейтенанту Бенкендорфу. „Павелъ“. „Русская Старина“, 1880, I, 144.

въ даль, и онъ вкрался въ довѣріе Кутайсову, умѣя въ то же время сохранить уваженіе къ себѣ императрицы и Нелидовой. „Послѣ возвращенія императора изъ Москвы, — разсказываетъ Гейкингъ,—Кутайсовъ только и зналъ, что расхваливалъ Палена и доводилъ до ушей государя многочисленныя восхваленія человѣка, которому желали дать мѣсто. Однажды Павелъ, находясь въ небольшомъ кружкѣ своихъ приближенныхъ, выразился такъ: „Странно! Никогда я не слыхалъ, чтобы о комъ-либо говорили такъ много хорошаго, какъ о Паленѣ. Я, значитъ, довольно ложно судилъ о немъ и долженъ эту несправедливость поправить". Предавшись такому теченію мыслей, государь все милостивѣе сталъ обращаться съ Паленомъ, который вскорѣ такъ опуталъ его своими оригинальными и лицемѣрно чистосердечными рѣчами, что сталъ ему казаться самымъ подходящимъ человѣкомъ для занятія должности, требующей вѣрнаго взгляда, ретиваго усердія и безграничнаго послушанія. Такимъ образомъ важнѣйшая послѣ генералъ-прокурорской должность очутилась въ рукахъ заговорщиковъ; съ этой минуты пошли одна за другою перемѣны" [1]). Одновременно съ Буксгевденомъ, 25 іюля, уволенъ былъ отъ службы старый другъ Павла, вице-адмиралъ Плещеевъ, а послѣ пріѣзда П. В. Лопухина, явившагося въ Петербургѣ сначала безъ семьи, рѣшена была и участь Алексѣя Куракина, переведеннаго въ первый департаментъ сената, а на его мѣсто назначенъ былъ Лопухинъ. Братъ Алексѣя, вице-канцлеръ Александръ Куракинъ, также постоянно испытывавшій гнѣвъ императора, самъ поспѣшилъ подать въ отставку, но Павелъ, не любившій, чтобы его предупреждали, приказалъ объявить ему, что онъ самъ лучше знаетъ, когда настанетъ время для его увольненія [2]).

---

[1]) Heyking, 117—118.
[2]) Тамъ же.

XIII.

Причины упадка вліянія Нелидовой.—Жалобы императрицы на интриганокъ и довѣріе ея къ характеру своего супруга.—Письмо къ Павлу Нелидовой.—Высылка изъ Петербурга графини Буксгевденъ.—Письма Нелидовой къ Павлу по этому поводу.—Отъѣздъ ея изъ Петербурга въ замокъ Лоде.

Всѣ эти событія, происходившія передъ глазами Нелидовой, живо напоминали ей интриги 1795 года, когда царственный другъ ея также подпалъ подъ вліяніе враждебной ей партіи, но на этотъ разъ Нелидова не могла не чувствовать, что вліяніе ея пало уже навсегда: союзъ ея съ императрицей, возбудившій столько неудовольствія, былъ самъ по себѣ достаточной причиной, что Павелъ потерялъ къ давнему своему другу всякое довѣріе; точно также партія, окружавшая Павла, въ удаленіи Нелидовой видѣла залогъ дальнѣйшихъ своихъ успѣховъ. Говоря короче, слившія свои интересы съ интересами Маріи Осодоровны, Нелидова, благодаря этому, сама подготовила свое удаленіе съ политической сцены. Едва-ли, впрочемъ, она и горевала за себя объ этомъ, не имѣя личнаго честолюбія и уже достигнувъ 40-лѣтняго возраста; при томъ сентиментально нравственное ея міросозерцаніе не позволило бы ей во всякомъ случаѣ остаться при дворѣ Павла при измѣнившихся условіяхъ его личной жизни. Тѣмъ не менѣе, Нелидова считала своею обязанностію употребить всѣ усилія, чтобы содѣйствовать водворенію нарушеннаго согласія въ царственномъ семействѣ и предохранить императора отъ опаснаго пути, на который вступалъ онъ, уже не сдерживаемый въ своихъ

увлеченіяхъ совѣтами преданныхъ ему людей. Усилія эти были, однако, безуспѣшны, хотя Марія Ѳеодоровна и продолжала обольщать себя надеждами на прочность привязанности Павла къ Нелидовой: „Пусть Господь проститъ тѣмъ, кто разрушилъ наше общее счастіе,—писала Марія Ѳеодоровна Нелидовой 4-го августа изъ Петербурга,—но, будьте увѣрены, добрый другъ мой, что нашъ дорогой государь не можетъ быть счастливъ. Ваша отчужденность, неловкость его положенія по отношенію ко мнѣ и моего—по отношенію къ нему, какъ слѣдствіе его поведенія, недовѣрчивость, подозрѣнія, которыя эти презрѣнные постоянно внушаютъ ему противъ насъ,—все это должно возмущать его сердце. Онъ не можетъ давать имъ вѣру: голосъ совѣсти навѣрно кричитъ ему, что онъ несправедливъ по отношенію къ намъ, и эта внутренняя борьба разрушаетъ его счастіе. Сколько бы Иванъ ни говорилъ ему, если онъ хочетъ этого, что, по мнѣнію общества, вы и я вмѣстѣ управляемъ императоромъ, онъ не можетъ повѣрить этому, не припомнивъ себѣ, что мы только противодѣйствовали его горячности, его гнѣвнымъ вспышкамъ, его подозрительности, заклиная его оказать какую либо милость или пробуя воспрепятствовать какой либо жестокости, которая могла бы уронить его въ глазахъ его поддапныхъ и отвратить отъ него ихъ сердца. Преслѣдовали ли мы когда либо другую какую либо цѣль, кромѣ его славы и блага его особы, да и могли ли мы, великій Боже, имѣть что либо другое въ виду, вы—какъ вполнѣ преданный, истинный его другъ, я — какъ его другъ, какъ его жена, какъ мать его дѣтей? У насъ никогда не хватало низости одобрять императора, когда этому препятствовала наша совѣсть, но зато какое счастіе испытывали мы, когда имѣли возможность отдавать полную справедливость его великодушнымъ поступкамъ, его добрымъ и лойяльнымъ намѣреніямъ!“ [1]). На слѣдующій день, 5-го августа, Марія Ѳеодоровна писала Нелидовой: „Образъ дѣйствій

[1]) Choumigorsky: „Lettres“ etc., 59.

презрѣнныхъ, которые окружаютъ государя, никогда не поведетъ къ тому, чтобы изъ его сердца вырвано было глубокое чувство, уваженія, которое онъ питаетъ къ вамъ; такимъ образомъ онъ въ глубинѣ своей души самъ одобряетъ наши чувства. Какъ бы ни старался Иванъ очернить насъ въ его глазахъ, сколько бы клеветъ онъ ни изобрѣталъ на насъ, императоръ, обманутый имъ на минуту, не останется такимъ навсегда. Этотъ негодяй ни на шагъ не отходитъ отъ государя, потому что онъ чувствуетъ хорошо, что, узнавъ его какъ слѣдуетъ, нашъ дорогой императоръ можетъ возвратить намъ довѣріе“ [1]). Съ своей стороны, Мелидова писала Павлу Петровичу. „Если я отваживаюсь доводить до вашего свѣдѣнія вопли нужды или раскаянія, то это для того, чтобы дать вамъ истинное понятіе о тѣхъ надъ, которыми вы царствуете, и сердца которыхъ не могутъ быть извѣстны вамъ въ отдѣльности; но никогда въ жизни, ни на одну минуту, не имѣла я самонадѣянности говорить съ вами съ увѣренностью въ успѣхѣ. Вы заблуждаетесь, полагая, что меня можетъ одушевлять какое либо иное побужденіе, кромѣ истины, которую я обязана раскрывать передъ моимъ царемъ, и быть можетъ внушеніе отъ Царя всѣхъ, ибо онъ ставитъ меня въ положеніе, приближенное къ вамъ, несмотря на всѣ мои рѣшенія провести остатокъ дней моихъ вдали отъ васъ. Тутъ дѣло идетъ не о какомъ либо лицѣ въ отдѣльности; когда меня одушевляетъ усердіе къ вашей славѣ, никакая личность своимъ частнымъ интересомъ не можетъ его обусловливать: клянусь въ этомъ предъ Богомъ, Владыкою и Судьею сердецъ нашихъ. Говорю вамъ это даже не для того, чтобы внушить вамъ довѣріе ко мнѣ, но потому, что я не люблю, чтобы ваше сердце, столь способное на все доброе, пребывало въ заблужденіи насчетъ тѣхъ, которыхъ деликатность простирается до того, что они не позволяютъ себѣ относительно васъ даже самой невинной лести. Чего можете вы опасаться съ людьми, дающими вамъ такое доказательство уваженія?

[1]) Тамъ же, 60—61.

Мнѣ не нужна ваша милость, она не льстить моему самолюбію, но отдавайте справедливость моимъ намѣреніямъ и намѣреніямъ священной особы, которая поклялась передъ Богомъ посвятить всю свою жизнь единственно и невозвратно вашимъ интересамъ, и вы испытаете, быть можетъ, неизвѣданное вами удовлетвореніе имѣть истинныхъ друзей, изъ которыхъ одна всегда имѣетъ возможность доказывать вамъ свою привязанность, а другая никогда не перестанетъ возносить къ Богу горячія молитвы о вашей славѣ и вашемъ благополучіи“ [1]).

Строки эти лучше всего доказываютъ, что, смотря на все съ сентиментальной точки зрѣнія, Нелидова не въ состояніи была бороться съ людьми жизни и всякаго рода политики, окружавшими государя и не стѣснявшимися въ средствахъ для достиженія своей цѣли. Недостаточность умѣнья Маріи Ѳеодоровны и Нелидовой познавать людей, отличать внѣшность отъ ихъ сущности, всего лучше сказалась въ томъ фактѣ, что съ тайной просьбой повліять на Павла въ благопріятномъ для нихъ смыслѣ Марія Ѳеодоровна обратилась въ это время не къ кому другому, какъ... къ Безбородко! [2]). Попытка эта, конечно, должна была остаться безуспѣшной, если только не привела къ совершенно противоположнымъ результатамъ. 19-го августа уже уволенъ былъ отъ службы родной братъ Нелидовой, генералъ-адъютантъ императора, Нелидовъ, что ясно указывало на окончательную немилость къ ней императора; 24-го августа призванъ былъ ко двору Растопчинъ, а вслѣдъ затѣмъ отданъ былъ приказъ о высылкѣ изъ Петербурга графини Буксгевденъ, подруги Нелидовой, за нѣсколько необдуманныхъ словъ противъ новыхъ порядковъ [3]).

„Однажды въ воскресенье,—разсказывалъ Гейкингъ,—встрѣтилъ я у графини Буксгевденъ, кромѣ офицеровъ полка, котораго Буксгевденъ былъ шефомъ, еще одного

---

[1]) „Осьмн. Вѣкъ“, III 443—444.
[2]) Choumigorsky: „Lettres“ etc., 57—58.
[3]) Графъ Буксгевденъ уволенъ былъ отъ всѣхъ дѣлъ 2-го сентября.

господина, образъ мысли котораго былъ мнѣ извѣстенъ. Графиня между многими хорошими свойствами имѣла одно дурное: высказывать все, что у нея было на умѣ; она позволила себѣ нѣсколько необдуманныхъ выходокъ противъ новыхъ мѣропріятій, но когда во время этого разговора обратилась ко мнѣ, то я возразилъ ей, что не могу съ точностью судить объ этихъ дѣлахъ, что я умѣю лишь повиноваться и...

— „И молчать, подхватила она.—Урокъ этотъ хорошъ и достоинъ вашей политики, господинъ сенаторъ. Но я—женщина и говорю, что́ думаю.

„Я пристально взглянулъ на нее и показалъ глазами на извѣстнаго господина. Она меня поняла, но продолжала:

— „Ахъ, я не стану стѣсняться, потому что окружена друзьями только нашего дома; не правда ли?...— прибавила она, обратясь къ г-ну К.

— „Конечно, сударыня,—отвѣчалъ тотъ, нѣсколько смутившись, и затѣмъ чрезъ нѣсколько минутъ удалился.

„Черезъ три дня послѣ этого жена моя пріѣхала къ графинѣ. Въ прихожей она застала приготовленія къ отѣзду, увидѣла г-жу Нелидову въ слезахъ, а графиню въ величайшемъ волненіи.

— „Какъ, милая графиня, вы уѣзжаете?

— „Да развѣ вы не знаете, что насъ выгоняютъ изъ Петербурга?

„Но за что же?

— „Это уже его тайна. Счастье еще, что имѣніе мое (Лигово) всего въ 30 верстахъ отъ Петербурга, такъ какъ мнѣ остается всего 48 часовъ времени, чтобы покинуть столицу.

„Разговоръ этотъ, конечно, заключился слезами и мольбами. Всѣ три дамы вмѣстѣ воспитывались въ институтѣ и любили другъ друга.

— „Я поѣду вслѣдъ за моею милой Буксгевденъ,— сказала Нелидова,—и оставлю дворъ, гдѣ... — рыданіе прервало ея слова.

„На слѣдующій день мы посѣтили г-жу Нелидову.

которая показала намъ письмо, которое только-что написано было ею государю и въ которомъ она испрашивала у него позволенія послѣдовать за своею подругою. Письмо было написано превосходно. Государь на другой же день прислалъ весьма любезный отвѣтъ, но въ немъ не было ни слова сказано о разрѣшеніи Нелидовой выѣхать изъ Петербурга. Нелидова написала другое письмо слѣдующаго содержанія: „Такъ какъ умолчаніе вашего величества относительно моей просьбы я принимаю какъ разрѣшеніе оной, то намѣрена воспользоваться этимъ и завтра уѣзжаю". Одновременно съ симъ она просила Палена о выдачѣ ей подорожной. Паленъ прислалъ ей подорожную, но просилъ воспользоваться ею лишь на другой день, а въ то же время онъ отправилъ гонца къ государю, находившемуся въ Гатчинѣ. Разсказывали, что Павелъ, получивъ извѣстіе объ этой твердой рѣшимости Нелидовой уѣхать, ужасно разгнѣвался и воскликнулъ:

— „Хорошо же, пускай ѣдетъ; только она мнѣ за это поплатится!" [1]).

Этотъ разсказъ Гейкинга вполнѣ подтверждается извѣстною намъ перепиской ея съ Павломъ за это время.

Но переписка эта показываетъ, что въ это время Павелъ и Нелидова какъ бы помѣнялись ролями: Нелидова увлекалась гнѣвомъ, выражалась рѣзко, горячо, даже оскорбительно, а Павелъ Петровичъ, не смотря на то, отвѣчалъ ей спокойно, съ полнымъ самообладаніемъ, и видимо не желалъ разрыва съ своимъ другомъ. Вотъ какъ писала Павлу Нелидова:

„Государь, вы высылаете г-жу Буксгевденъ. Этотъ поступокъ согласуется ли съ вашимъ сердцемъ? Нѣтъ, государь, онъ не принадлежитъ вамъ: вы не способны разлучать жену съ мужемъ, мать—съ дѣтьми, подругу—съ той, кого вы не далѣе, какъ шесть недѣль тому назадъ, съ такимъ жаромъ называли своимъ другомъ, и кто ничѣмъ не заслужилъ перемѣны по отношенію къ себѣ ни въ вашихъ чувствахъ, ни въ

[1]) Heyking. 127—129.

вашемъ поведеніи. Вспомните всю мою жизнь: не была ли она исключительно посвящена на то, чтобы любить васъ и заставлять васъ любить другихъ? Вспомните, что, по вступленіи вашемъ на тронъ, я искала только одного — остаться спокойной и быть забытой въ своемъ мирномъ уединеніи. Гдѣ найдете вы доказательства и ни даже проявленія моихъ честолюбивыхъ чувствъ и разсчетовъ? Я не искала ни почестей, ни блеска, — напротивъ я оставляю ихъ съ радостію. Но тѣ, кто внушаетъ вамъ подозрѣнія противъ меня, въ чьихъ рукахъ вы, быть можетъ безсознательно, являетесь орудіемъ мщенія, — эти лица рады случаю дать мнѣ почувствовать, какъ мало они вѣрятъ возможности возврата вашей дружбы ко мнѣ. Позвольте же мнѣ разъ навсегда успокоиться на этотъ счетъ. Не воспользуйтесь, государь, своей властью для того, чтобы воспрепятствовать мнѣ послѣдовать за моей добродѣтельной подругой въ ссылку, куда вы ее отправляете.

„Государь, не допускайте заглушить мой слабый голосъ клеветою тѣхъ, кто въ настоящее время всемогущъ возлѣ васъ. Я лишь по необходимости нарушаю полное молчаніе, на которое я себя обрекла. Надѣюсь лишь на Божіе правосудіе, которое вамъ откроетъ когда-либо глаза. Что касается до настоящаго времени, то я знаю участь, которая постигнетъ мое письмо: я жду всего, если вы только станете выслушивать истолкованія г. Кутайсова, вмѣсто того, чтобы вѣрить лишь своему сердцу и тѣмъ началамъ чести, которыя вы должны во мнѣ знать. Я жду всего, но никто не можетъ лишить меня душевнаго спокойствія, доставляемаго сознаніемъ невинности и чистоты. Я возлагаю свои упованія на Бога, нашего общаго Судію, и въ ожиданіи Его суда продолжаю быть и по убѣжденію, и по привязанности, вашей, государь, вѣрной слугою и подданной. Е. Нелидова“.

«19-го августа 1798 г.»

Примите, государь, мою клятву предъ Богомъ и предъ

людьми, что г-жа Буксгевденъ заслуживаетъ лишь вашего уваженія. Пусть я торжественно и навсегда откажусь отъ права быть вамъ полезной какіе бы ни были впредь случаи или обстоятельства! Пусть это мое рѣшеніе заставитъ успокоиться тѣхъ, кто скрываетъ свои честолюбивые планы и кто боится, что они когда-либо могутъ быть раскрыты мною!"

Отвѣтъ Павла Петровича былъ отвѣтомъ человѣка, глубоко сознающаго свою правоту и умѣющаго проявить, гдѣ нужно, энергію и рѣшительность: слабохарактерные, но впечатлительные люди проявляютъ твердость своего характера именно въ томъ, что, заткнувъ себѣ уши и закрывъ глаза, самостоятельно и стремительно бѣгутъ безъ оглядки по направленію, данному имъ окружающими, умѣло дѣйствующими на ихъ нервы и впечатлительность; такъ олень, коварно потревоженный охотниками съ извѣстной стороны, мчится, черезчуръ быстро мчится въ противоположномъ направленіи—прямо въ ихъ сѣти. Такіе люди вдвойнѣ несчастны: ложное самолюбіе побуждаетъ ихъ вѣрить, что они сами дошли до избранной дороги, а „твердость" ихъ характера не допускаетъ ихъ тщательно взвѣсить и обдумать свои дѣйствія, такъ какъ спокойное, разумное обсужденіе и провѣрка воспринятыхъ ими впечатлѣній, фактовъ и взглядовъ кажется имъ проявленіемъ слабости и нерѣшительности. „Если письмо ваше должно было доставить мнѣ удовольствіе,—писалъ Павелъ Пелидовой,—то лишь потому, что въ немъ видна сердечность ваша, къ которой и я обращаюсь. Все, что вы говорите о своемъ сердцѣ, есть убѣдительное доказательство моихъ чувствъ къ вамъ. Никто не знаетъ этого лучше, чѣмъ вы. Я не понимаю, при чемъ тутъ Кутайсовъ или кто-либо другой въ дѣлѣ, о которомъ идетъ рѣчь. Онъ или кто другой, кто позволилъ бы внушать мнѣ или что-либо дѣлать противное правиламъ моей чести и, совѣсти, навлекъ бы на себя то же, что постигло теперь многихъ другихъ. Вы лучше, чѣмъ кто-либо, знаете, какъ чувствителенъ и щекотливъ по отношенію къ нѣкоторымъ пунктамъ, злоупотребленія которыми, вы это знаете, я не въ силахъ выносить. Вспомни-

те факты, обстоятельства. Теперь обстоятельства и я самъ — точь-въ-точь такіе же. Я очень мало подчиняюсь вліянію того или другого человѣка, вы это знаете. Никто не знаетъ лучше моего сердца и не понимаетъ моихъ словъ, какъ вы, и я благодарю васъ за то, что вы дали мнѣ случай поговорить съ вами откровенно. Впрочемъ, никто не увидитъ ни моего настоящаго письма, ни вашего, которое я даже возвращаю при семъ, если вы хотите этого. Клянусь предъ Богомъ въ истинѣ всего, что я говорю вамъ, и совѣсть моя предъ Нимъ чиста, какъ желалъ бы я быть чистымъ въ смертный свой часъ. Вы можете увидѣть отсюда, что я не боюсь быть недостойнымъ вашей дружбы. Павелъ“ [1])

5 сентября Нелидова выѣхала уже изъ Петербурга вмѣстѣ съ семействомъ Буксгевденъ, направляясь въ замокъ Лоде въ Эстляндской губ., пожалованный ранѣе Павломъ Буксгевдену и уже извѣстный въ исторіи, какъ мѣсто жительства и смерти принцессы Виртембергской Августы, екатерининской Зельмиры. Вслѣдъ затѣмъ раздраженіе императора проявилось въ цѣломъ рядѣ новыхъ увольненій приверженцевъ императрицы и Нелидовой: 9-го сентября уволенъ былъ отъ службы вице-канцлеръ кн. Александръ Куракинъ, 13-го — добродѣтельный сенаторъ Гейкингъ, авторъ воспоминаній, женатый на одной изъ подругъ Нелидовой; въ октябрѣ — генералъ Ховенъ, женатый на другой ея подругѣ. Въ то же время Кутайсовъ сдѣланъ былъ егермейстеромъ и получилъ орденъ св. Анны 1-й ст. съ брилліантами, а Паленъ — Андреевскую ленту, и оба они сдѣланы были графами Россійской имперіи, Растопчинъ переименованъ былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ и сдѣланъ членомъ иностранной коллегіи, но постъ вице-канцлера достался племяннику Безбородко, Кочубею.

[1]) Choumigorsky: „Lettres“ etc., 78—80.

XIV.

Личность Анны Петровны Лопухиной и характеръ вліянія ея на Павла.—Увольненіе преданныхъ императрицѣ лицъ, проявленіе крайностей въ характерѣ государя. — Тревожное состояніе общества.— Горесть Маріи Ѳеодоровны о разлукѣ съ Нелидовой.—Подозрительное отношеніе къ нимъ Павла Петровича.—Образъ жизни Нелидовой въ замкѣ Лоде.—Переписка ея съ императрицей. — Переписка Нелидовой съ Павломъ и возвращеніе ея въ Петербургъ.

Окончательный разрывъ съ Нелидовой предшествовалъ пріѣзду въ Петербургъ Анны Петровны Лопухиной, сопровождаемой ея мачихой, извѣстной Екатериной Николаевной. 6-го сентября Анна Петровна пожалована была камеръ-фрейлиной, а Екатерина Николаевна — статсъ дамой; тогда же П. В. Лопухинъ произведенъ былъ въ дѣйствительные тайные совѣтники... 29-го сентября дворъ переѣхалъ изъ Гатчины въ Петербургъ, куда уже явилось къ этому времени семейство Лопухиныхъ, а 3-го октября при дворѣ былъ балъ. Анна Петровна въ первый разъ ужинала при дворѣ, Императоръ за столъ не садился, а, какъ сказано въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ, „изволилъ проводить время въ обозрѣніи засѣдающихъ за столомъ персонъ". По отзыву современника, быть можетъ пристрастному, такъ какъ онъ принадлежитъ дамѣ, „Лопухина имѣла красивую голову, но была не высокаго роста, дурно сложена и безъ граціи въ манерахъ; красивые глаза, черныя брови и волосы того же цвѣта, прекрасные зубы и пріятный ротъ были ея единственными прелестями; небольшой вздернутый носъ не придавалъ изящества ея фигурѣ. Выраженіе лица было мягкое и доброе, и дѣйстви-

тельно Лопухина была добра и неспособна ни желать, ни дѣлать чего либо злого, но въ то же время она была недалекаго ума и не получила должнаго воспитанія (peu d'esprit et point d'éducation). Ея вліяніе проявлялось только въ раздачѣ милостей; у нея не было данныхъ, чтобы распространить его на дѣла, хотя любовь государя и низость людей давали ей возможность вмѣшиваться во все. Часто она испрашивала прощеніе невиннымъ, съ которыми императоръ поступалъ очень строго въ минуты гнѣва: тогда она плакала и дулась и такимъ образомъ достигала желаемаго. Императрица относилась къ ней всегда очень хорошо, чтобы угодить своему супругу". Въ этомъ портретѣ Анны Петровны Лопухиной легко увидѣть черты, которыя привязывали къ ней суроваго, неспокойнаго духомъ государя, съ излишней мнительностью видѣвшаго вокругъ себя лишь предателей, эгоистовъ, стремившихся завладѣть его умомъ и направлять государственныя дѣла сообразно личнымъ своимъ выгодамъ: нельзя не видѣть, что молодая Лопухина во многомъ напоминала Нелидову, теперь постарѣвшую. Очевидно, что Павелъ Петровичъ личной привязанности къ нему Лопухиной придавалъ огромную цѣну: онъ чувствовалъ, она видѣла въ немъ человѣка, тогда какъ для всѣхъ прочихъ онъ былъ, прежде всего, суровымъ и безграничнымъ властелиномъ. Къ несчастію для Павла, Лопухина владѣла его умомъ гораздо въ меньшей степени, чѣмъ Нелидова; по молодости и неопытности она не видѣла опасностей, которыми окруженъ былъ ея царственный поклонникъ, не понимала его государственныхъ стремленій и всего менѣе могла руководить имъ, внушая ему осторожный, мягкій образъ дѣйствій по отношенію къ его окружающимъ. Мало того, Лопухина, по своей недальновидности, часто была безсознательнымъ орудіемъ въ рукахъ партіи, которая, группируясь постепенно вокругъ особы государя, стала затѣмъ преслѣдовать, во вредъ ему, свои особыя цѣли... Во всякомъ случаѣ, при дворѣ рады были возвышенію Лопухиной, тѣмъ болѣе, что отецъ ея П. В. Лопухинъ, замѣнившій князя Алексѣя Куракина

въ должности генералъ-прокурора, отличался, по всеобщему отзыву современниковъ, справедливостію, безкорыстіемъ и умѣренностію. Но Павелъ не довѣрялъ молчаливому терпѣнію своей супруги, и недовѣріе это постоянно поддерживалось Кутайсовымъ и его сообщниками. „Съ этого времени,—говоритъ Чарторыжскій,—Павелъ постоянно мучился тысячью подозрѣній: онъ думалъ, что сыновья его недостаточно ему преданы, что его супруга хочетъ сама царствовать вмѣсто него. Ему успѣли внушить глубокое недовѣріе и къ ней, и къ его старымъ слугамъ. Тогда-то началось для всѣхъ тѣхъ, кто приближался ко двору, время боязни и вѣчной неувѣренности въ завтрашнемъ днѣ. Каждый рисковалъ быть высланнымъ, получить оскорбленіе въ присутствіи всего двора, благодаря какой либо несправедливой вспышкѣ императора, который обыкновенно поручалъ эту непріятную комиссію гофмаршалу... Придворные балы и праздники были мѣстомъ, гдѣ рисковали потерять свое положеніе и свободу. Императоръ воображалъ иногда, что бываютъ не совсѣмъ почтительны къ особѣ, которую онъ уважалъ, или къ ея родственницамъ и подругамъ, и что это есть слѣдствіе злоумышленій императрицы. Этого было достаточно, чтобы императоръ приказывалъ тотчасъ удалить предполагаемаго виновнаго отъ двора. Недостаточно глубокій поклонъ, невѣжливый поворотъ спины во время контрданса, или какой либо другой промахъ въ этомъ родѣ, были поводомъ къ тому, что балы и другія придворныя собранія по вечерамъ, подобно тому, какъ утромъ парады, сопровождались прискорбными послѣдствіями для лицъ, на которыхъ падало подозрѣніе или неудовольствіе государя. Проявленіе его гнѣва и его рѣшенія были внезапны и тотчасъ приводились въ исполненіе... Всѣ тѣ, кто составлялъ дворъ или появлялся передъ императоромъ, находились въ состояніи постоянной боязни: никто не былъ увѣренъ въ томъ, что останется на своемъ мѣстѣ до конца дня; ложась спать, никто не могъ поручиться за то, что ночью или рано утромъ не явится къ нему фельдъегерь и не посадитъ его въ кибитку. Это были

Смольный монастырь въ концѣ XVIII в.

А. И. Вильборгъ, СПБ. Мыш. 2.

привычные случаи, которые сдѣлались даже предметомъ постоянныхъ шутокъ. Такое положеніе вещей началось со времени немилости къ m-lle Нелидовой и продолжалось, все усиливаясь, въ теченіе всего царствованія Павла. M-lle Нелидова вела себя, съ самаго начала своей опалы, съ большимъ достоинствомъ и гордостію. Она оставила дворъ, ничѣмъ не показывала своего желанія тамъ оставаться, не сдѣлала ничего для того, чтобы туда возвратиться. Она говорила всякому, кто хотѣлъ ее слушать, и говорила съ замѣтнымъ пренебреженіемъ, что нѣтъ ничего болѣе скучнаго, какъ жизнь при дворѣ, и что она счастлива, оставивъ его навсегда“ [1]).

Дѣйствительно, въ этихъ чувствахъ не могло быть сомнѣнія, такъ какъ симпатіи Нелидовой влекли ее постоянно вдаль отъ придворныхъ интригъ, и Смольный монастырь былъ попрежнему ея убѣжищемъ, гдѣ она предавалась тихимъ своимъ занятіямъ и гдѣ расточала она свои ласки юнымъ воспитанницамъ. Оттого и удаленіе Нелидовой въ Лоде возбудило тамъ всеобщее сожалѣніе [2]). Въ обществѣ же лишь немногіе здравомыслящіе люди понимали все значеніе этого событія, а большинство смотрѣло на нее, какъ на отставную фаворитку; враги Павла, впрочемъ, воспользовались ея опалой, чтобы распустить слухъ, перешедшій въ потомство, будто бы Нелидова была выслана изъ Петербурга по приказанію государя [3]). Но сильнѣе всѣхъ горевала объ отъѣздѣ Нелидовой императрица Марія Ѳеодоровна: съ этимъ отъѣздомъ она теряла уже всякую надежду на возвратъ своего вліянія, на возможность удерживать Павла Петровича отъ крайностей всякаго рода, лишалась единственнаго друга, съ которымъ она могла постоянно совѣтоваться и дѣлить свое горе. Оттого Марія Ѳеодоровна, въ теченіе нѣсколькихъ дней въ цѣломъ рядѣ писемъ и записочекъ [4]),

[1]) Czartoryski. Memoires, I, 177—179.
[2]) Арх. кн. Воронцова, XV 133. Письма Протасова.
[3]) „Русск. Арх.“, 1873, II, 216—2170. Причиной высылки выставляли то, будто Нелидова вступилась за Марію Ѳеодоровну.
[4]) Choumigrosky: „Lettres“, etc., 71—89.

умоляла Нелидову отказаться отъ ея рѣшенія и остаться въ Петербургѣ; особенно огорчала ее мысль, что Нелидова какъ бы предпочитаетъ разлуку съ нею разлукѣ съ Буксгевденъ, хотя въ то же время Марія Ѳеодоровна и отдавала полную справедливость чувствамъ, руководившимъ ею. „Поведеніе нашей доброй Нелидовой,— писала императрица Плещееву,—дѣлаетъ ей величайшую честь: она сопровождаетъ своихъ друзей въ изгнаніе. Вотъ рѣдкое доказательство дружбы!“ „Я страдаю,— прибавляетъ она,—отъ перемѣны чувствъ общества по отношенію къ императору: это раздираетъ мое сердце, которое желало бы видѣть его любимымъ и уважаемымъ“ [1]).

Чувства дружбы и уваженія, которыя Марія Ѳеодоровна питала къ Нелидовой, особенно выразились въ постоянной перепискѣ, которую она вела съ нею по почтѣ во время ея пребыванія въ замкѣ Лоде въ 1798—1799 годахъ.

Переписка эта вообще носила грустный характеръ, заключаясь преимущественно въ воспоминаніи прошлыхъ счастливыхъ дней и скорби обѣихъ подругъ о постигшей ихъ разлукѣ. Современныхъ событій онѣ касались весьма мало; лишь иногда императрица сообщала Нелидовой новости о семейныхъ или придворныхъ дѣлахъ, благоразумно умалчивая о государѣ и его дѣйствіяхъ. Умолчаніе это имѣло свои основанія: въ XVIII вѣкѣ въ большомъ ходу была такъ называемая „перлюстрація“— вскрываніе и чтеніе на почтѣ писемъ разныхъ лицъ, почему-либо остановившихъ на себѣ подозрительное вниманіе правительства. Не избѣгла этой участи и переписка Маріи Ѳеодоровны съ Нелидовой, вообще сначала крайне не нравившаяся Павлу Петровичу. Въ рукописномъ „Дневникѣ“ Растопчина за это время мы находимъ слѣдующія приказанія государя, касающіяся переписки Нелидовой и ея самой:

---

[1]) Ркп.—Письмо отъ 24-го августа 1798 г.

„1798. Октября 28. Велѣно перлюстрировать всѣ письма, отправляющіяся въ Шлоссъ Лоде къ Е. И. Нелидовой.

Ноября 7. Велѣно перлюстрацію писемъ отъ Нелидовой и къ ней остановить и не продолжать.

Ноября 9. Велѣно производить вновь перлюстрацію писемъ камеръ-фрейлины Нелидовой и къ ней писанныхъ.

Ноября 11. Велѣно: arrêter les lettres du Nonce (Litta) à Lohde.

Ноября 13. Открыть всѣ письма въ Ревель и Нарву для узнанія, нѣтъ-ли чего въ Шлоссъ-Лоде.

Ноября 14. Одно письмо отъ императрицы къ Нелидовой отправить, а прочія всѣ остановить.

Ноября 15. Письмо отъ императрицы къ Нелидовой доставить къ государю.

Ноября 19. Графу Палену велѣно написать къ генералъ-губернатору (эстляндскому) Нагелю, чтобы онъ отъ себя далъ знать въ Шлоссъ-Лоде, дабы тѣ, кои избрали себѣ мѣсто добровольно для своего пребыванія, тамъ бы оставались. На сіе есть воля государя, узнавшаго, что нѣкоторые люди (sic) изъ опаго замка собираются въ С.-Петербургъ.

Ноября 21. Письмо отъ Львовой къ Нелидовой и посылку отправить. Письмо отъ императрицы къ Нелидовой сожжено императоромъ.

Ноября 22. Сжечь два письма отъ Нелидовой къ императрицѣ и одно къ Львовой.

Ноября 24. Письмо въ Шлоссъ-Лоде отправить.

Ноября 26 Donner à Pestel (почтъ-директору) l'ordre de ne pas faire parvenir la lettre de m-lle Nélidow à l'impératrice. Qu'on insinue à Buxhevden de ne pas venir ici.

Ноября 27. Brûler la lettre de l'impératrice à m-lle Nélidow.

Ноября 28. Laisser partir la lettre de m'lle Lvow à m-lle Nélidow.

Декабря 1. Письмо отъ императрицы отправить въ Шлоссъ-Лоде.

Декабря 3. Сжечь письма Нелидовой къ императрицѣ.

Декабря 4. Письмо отъ императрицы къ Нелидовой послать.

Декабря 6. Государь императоръ соизволилъ указать, чтобы приложенныя при семъ два письма доставлены были къ ея императорскому величеству — такъ, какъ и впредь приходящія отъ камеръ-фрейлины Нелидовой, писемъ же отъ нея и къ ней перлюстраціи не производить.

1799. Января 10. Велѣно перлюстрацію переписки Нелидовой остановить.

Выписки эти вполнѣ подтверждаютъ свидѣтельство Гейкинга, что письма Маріи Ѳеодоровны и Нелидовой сначала вскрывали, но, убѣдившись, что они не заключаютъ въ себѣ ничего интереснаго, перестали дѣлать это. „Тѣмъ не менѣе,—прибавляетъ Гейкингъ,—Павлу была весьма досадна эта непоколебимая привязанность его супруги, которая въ то время; когда онъ былъ великимъ княземъ, спльно, напротивъ того, не жаловала Нелидову. Досада Павла отразилась на его обращеніи съ супругою...“ [1]). Вѣрнѣе, кажется, предположить наоборотъ, что Павлу не нравилась привязанность Нелидовой къ императрицѣ, не нравилась, при его боязни къ заговорамъ, эта постоянная возможность пересылки между лицами, на которыхъ обращена была его подозрительность. Само собою разумѣется, что какъ Марія Ѳеодоровна, такъ и Нелидова прекрасно знали, что письма ихъ вскрываются или могутъ быть вскрыты и прочтены императоромъ, а потому къ содержанію нѣкоторыхъ изъ этихъ писемъ нужно относиться съ большою осторожностью: въ сущности эти письма писаны были обѣими подругами, вѣроятно, именно въ надеждѣ, что они будутъ прочтены императоромъ; такимъ образомъ, очевидно, перлюстрація этихъ писемъ оказывалась палкою о двухъ концахъ и приводила, въ концѣ концовъ, къ тому, что

[1]) Heyking, 131.

Павелъ могъ узнавать изъ нихъ только то, что Марія Ѳеодоровна и Нелидова хотѣли довести до его свѣдѣнія. Съ этой точки зрѣнія весьма любопытно ознакомиться съ содержаніемъ письма отъ 27-го декабря 1798 года, такъ какъ именно послѣ этого письма повелѣно было прекратить перлюстрацію.

„Это въ первый разъ, моя добрая императрица,— писала Нелидова,— я ничего не говорю императору, по случаю наступающаго Новаго года. У меня не было во всей моей жизни ни одного друга, относительно котораго я была бы въ такомъ положеніи Это не препятствуетъ мнѣ искренно пожелать ему счастья; но дорогая моя императрица, то, что я говорю теперь, отнюдь не должно побуждать напоминать ему мое имя подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Я не хочу существовать для него, такъ какъ сердце его не признаетъ меня. Мое сердце было бы затронуто, если бы до его ушей дошло что либо, имѣющее какое-либо ко мнѣ отношеніе. Моя добрая императрица знаетъ, что все, высказываемое мною на ея груди, должно тамъ и умереть“ [1]).

Нѣсколько ранѣе она писала объ императорѣ: „Было бы для него болѣе по-христіански прощать ошибки тѣмъ, кто приблизится къ нему, и тѣмъ, кого онъ удаляетъ отъ себя, хотя, по истинѣ, я никогда не пожелала бы приблизиться къ его особѣ. Я чувствую себя болѣе счастливою вдали отъ его присутствія и одинаково спокойною вдали или вблизи. Но онъ имѣетъ несчастье никогда не думать о горѣ, которое онъ причиняетъ другимъ, и считаетъ за ничто всѣ ихъ лишенія. Я думаю, однако, что онъ не поступалъ бы такимъ образомъ, если бы онъ проникалъ иногда въ глубину своего собственнаго сердца. Но честолюбцы такъ хорошо умѣютъ скрывать свои страсти, что, слѣдуя весьма часто ихъ внушеніямъ, онъ воображаетъ, что повинуется движеніямъ своего собственнаго сердца. Мы, однако, видѣли его въ

[1]) Correspondance. 353—354 Письмо это издательницей неправильно отнесено къ 1799 году.

его истинномъ нравственномъ состояніи и знали его другимъ. Но какой человѣкъ можетъ льстить себя мыслію, что онъ никогда не имѣлъ своей минуты ослѣпленія? Но его ослѣпленіе продлится, безъ сомнѣнія, очень долго, быть можетъ даже, будетъ продолжаться всегда [1]).

Нельзя не вѣрить искренности Нелидовой, когда она писала императрицѣ объ удовольствіяхъ тихой и спокойной жизни, которую она вела въ Лоде.

„Добрая и дорогая моя императрица,—сообщала она 29 ноября,—послѣ письма отъ 12-го ноября я ничего отъ васъ не получала и напрасно прождала отъ васъ новостей въ тотъ день, когда я привыкла получать ихъ почтою (письмо Маріи Ѳеодоровны къ Нелидовой, отъ 21-го ноября, какъ видно изъ „Дневника“ Растопчина, было сожжено). Эта задержка безпокоитъ меня, возбуждая опасенія за здоровье моей доброй императрицы. Такое чувство поддерживается даже моимъ образомъ жизни. Встаю я между шестью и семью часами; помолившись Богу за всѣхъ, кто намъ дорогъ, кто любитъ насъ и кто любимъ нами, выпивая чашку чая иногда съ аппетитомъ, иногда безъ него; потомъ собирая карандаши и начинаю рисовать. И въ это время дорогія воспоминанія, иногда мучительно, невольно, тѣснятся въ головѣ; слезы умиленія, иногда печали, падаютъ на рисунокъ, который вамъ угодно было изукрасить. Это занятіе задерживаетъ васъ до одиннадцати часовъ, когда нужно заняться туалетомъ, чтобы выйти въ 12 часовъ къ обѣду. Послѣ этого обѣда замѣняющаго завтракъ вы пользуетесь небольшимъ остаткомъ для чтобы заняться чтеніемъ — серьезнымъ ли то, или легкимъ, или просто усыпительнымъ. Въ три часа пополудни нужно уже зажигать свѣчу, а часомъ позже уже прекращать чтеніе, чтобы пощадить бѣдные глаза, которые пригодятся на завтрашній день; потомъ я обращаюсь къ музыкѣ, которая продолжается до восьми часовъ вечера... Когда, говорю я, всѣ семь дней недѣли

[1]) Тамъ же, 331—332.

проводятъ всегда однимъ и тѣмъ же образомъ, бываетъ весьма пріятно, что восьмой день приноситъ вамъ утѣшеніе знать по крайней мѣрѣ, что тѣ, кто насъ интересуютъ, пользуются добрымъ здоровьемъ. Я просила также въ Смольномъ увѣдомить меня о музыкѣ, но также не получила отвѣта. Богу угодно, чтобы я могла считать себя забытой на нѣкоторое время моей доброй императрицей и моимъ дорогимъ обществомъ. Нѣтъ, благое Провидѣніе не покинетъ меня и я сохраню и милости одной, и привязанность другого. Все мое честолюбіе ограничивается обладаніемъ этими сокровищами, и Богъ поможетъ мнѣ сохранихъ ихъ.

„Но этотъ недостатокъ въ новостяхъ о всемъ томъ, что мнѣ дорого располагаетъ мою душу къ меланхоліи, которую, вѣроятно, замѣчаетъ моя добрая императрица. Но я слагаю на ея грудь всѣ свои мысли и чувства, въ полной увѣренности, что онѣ умрутъ тамъ. Ахъ, чего стоила бы жизнь, если бы дружба не услаждала ея и отъ времени до времени не успокоивала сердца, подчиняющагося ея мягкому вліянію! Письма доброй моей императрицы являются всегда бальзамомъ для меня; уже ради этого она не лишитъ меня ихъ. Она знаетъ, насколько они для меня необходимы и драгоцѣнны, особенно съ тѣхъ поръ, когда получила основаніе думать, что я никогда болѣе ея не увижу (намекъ на распоряженіе Павла о невыѣздѣ изъ замка Лоде). Я рано привыкла ко всѣмъ жизненнымъ лишеніямъ, но чувствительна только къ потерѣ дружбы. Наконецъ довелось мнѣ испытать и эту потерю, но Богъ не покинетъ меня никогда, такъ какъ я имѣю утѣшеніе по совѣсти сознавать себя чистою по отношенію къ тѣмъ, кто пользовался моей дружбой. Я знала это счастіе въ различныя эпохи своей жизни и буду имѣть еще счастіе не быть забытой моею дорогою императрицей въ разлукѣ, которая, быть можетъ, продлится въ теченіе всей моей жизни. И самая долгая жизнь не покажется ли намъ самой короткой, когда жизнь приходитъ къ своему концу, и когда начинаютъ думать о вѣчности? Вѣчность представляется душѣ нашей

лишенной всѣхъ приманокъ жизни, и самый міръ тогда— уже ничто для насъ. Къ счастью, я никогда не была привязана къ этимъ обманчивымъ призракамъ и не могу сожалѣть объ удовольствіяхъ, которыя другихъ приводятъ въ опьяненіе (on s'y enivre). Такимъ образомъ, исторгаетъ у меня сожалѣнія не мой образъ жизни, а отсутствіе всякой надежды увидѣться когда-либо съ тѣми, кто дорогъ моему сердцу... Не питая сама ни къ кому ненависти, я желала бы также оставаться нечувствительной къ ненависти другихъ“ [1]).

Въ этомъ грустномъ положеніи Нелидова прожила въ замкѣ Лоде почти полтора года, до января 1800 г. Живя такъ долго вдали отъ своихъ родственниковъ и друзей, лишенная, благодаря усердному участію эстляндскихъ чиновниковъ къ опальной фавориткѣ, почти всякихъ связей съ внѣшнимъ міромъ, Нелидова наконецъ рѣшилась смириться и, поздравляя императора съ наступавшимъ новымъ годомъ, просила у него разрѣшенія возвратится въ Петербургъ и поселиться попрежнему въ Смольномъ. Мотивомъ своей просьбы она выставила болѣзнь глазъ, грозившую ей слѣпотою; одновременно съ этимъ она ходатайствовала и за графа Буксгевдена, который желалъ отправиться съ своимъ семействомъ за границу [2]).

За полтора года много утекло воды въ Невѣ, и хотя составъ враждебныхъ Нелидовой лицъ, окружавшихъ государя, остался почти неизмѣннымъ, но уже никто изъ нихъ не боялся возврата вліянія императрицы, а самъ Павелъ Петровичъ, очевидно, сохранялъ къ ней всегда чувство искренняго уваженія. На просьбу Нелидовой онъ отвѣчалъ ей слѣдующимъ собственноручнымъ письмомъ [3]):

„Я былъ по истинѣ тронутъ мнѣніемъ, которое вы сохранили о моемъ сердцѣ: оно слишкомъ старо, чтобы противорѣчить самому себѣ. Я просилъ императрицу

[1]) „Correspondance“ 333—336.
[2]) Heyking, 188.
[3]) Рки.

сказать вамъ и напомнить то, чего мнѣ никоимъ образомъ не возможно дѣлать. То, чего вы желали, уже сдѣлано. Искренно вашъ

Павелъ".

9 января 1800 г.

Одновременно съ этимъ письмомъ Павелъ отправилъ за Нелидовой придворные экипажи.

XV.

Уединенная жизнь Нелидовой въ Смольномъ.—Характеръ дѣйствій графа Палена.—Боязнь возврата вліянія Нелидовой на Павла.—Ослѣпленіе Павла Петровича.—Дѣйствія враждебной ему партіи.—Отношеніе къ Павлу Маріи Ѳеодоровны и Нелидовой.—Скорбь ихъ по кончинѣ императора.—Борьба ихъ съ Паленомъ и его увольненіе.

По возвращеніи въ Петербургъ, Нелидова, въ тиши своего уединенія, слѣдила за всѣми перипетіями конца царствованія Павла Петровича. Императрица Марія Ѳеодоровна, посѣщая весьма часто Смольный институтъ, изливала предъ Нелидовой свои горести и опасенія; въ тѣ дни, когда императрица не могла быть въ Смольномъ, она постоянно извѣщала ее о себѣ и о придворныхъ событіяхъ письменно. Изъ переписки этой видно, впрочемъ, что ни государыня, ни Нелидова, не представляли себѣ ясно характера и причинъ происходившихъ предъ ихъ глазами событій: онѣ не понимали, что Павелъ Петровичъ уже былъ въ сѣтяхъ собственныхъ своихъ враговъ, которые управляли его гнѣвомъ и милостію. Такъ, въ письмахъ своихъ къ Нелидовой, Марія Ѳеодоровна восхваляла гр. Н. П. Панина и гр. Палена, не подозрѣвая даже того, что въ цѣляхъ Палена, не стѣснявшаго въ средствахъ, было исподоволь, но постоянно возбуждать общественное мнѣніе противъ государя и выставлять его дѣйствія въ смѣшномъ видѣ; недаромъ одинъ изъ изслѣдователей этой темной эпохи, нравственно возмущенный предательски-іезуитскимъ образомъ дѣйствій Палена, назвалъ его душой „мрачной, непроницаемой, какъ глубина ада“ [1]). При такихъ обстоятельствахъ даже новое сбли-

женіе Павла съ Нелидовой едва-ли могло отозваться благопріятнымъ образомъ на исходѣ его царствованія, такъ какъ направленіе дѣлъ въ это печальное время главнымъ образомъ опредѣлялось придворными интригами, сокровенный смыслъ и цѣли которыхъ даже для большинства участниковъ сдѣлались понятны гораздо позже. Какъ бы то ни было, но постарались устранить даже возможность такого сближенія.

„Возвращеніе Нелидовой,—разсказываетъ Гейкингъ,—сильно обезпокоило придворныхъ интригановъ: они стали бояться легко предвидимыхъ послѣдствій этого свиданія. Пущены были въ ходъ всѣ подпольныя интриги, чтобы удержать монарха отъ посѣщенія своего стараго друга. Его прогулки стали уже направляться въ сторону Смольнаго; но Кутайсовъ, сопровождавшій его повсюду по обязанности новой своей должности—оберъ-шталмейстера, сумѣлъ встревожить самолюбіе Павла и этимъ удержать его отъ перваго шага къ этому сближенію. Императрица, съ другой стороны, узнавъ, что Павелъ колеблется и, повидимому, желаетъ опять увидѣться съ Нелидовой, старалась придать этому примиренію торжественный оттѣнокъ. Она устроила у себя блестящій вечеръ, и государь обѣщалъ явиться на ея приглашеніе Клика интригановъ сочла себя погибшею; но княгиня Лопухина,—бывшая въ это время уже замужемъ за княземъ Гагаринымъ,—и Кутайсовъ напрягли всѣ свои усилія для внушенія Павлу, что онъ снова бросается въ сѣти тѣхъ, отъ которыхъ успѣлъ избавиться. Послѣ долгихъ колебаній, Павелъ перемѣнилъ свое намѣреніе и въ 7 часовъ вечера назначеннаго дня послалъ сказать императрицѣ, что онъ не прибудетъ на ея собраніе. Онъ пошелъ еще дальше: торжественно обѣщалъ Лопухиной никогда не посѣщать Смольнаго, пока тамъ будетъ проживать г-жа Нелидова“ [2]). Послѣ этого Нелидовой оставалось только окончательно запереться у себя въ Смольномъ. „Я поставила

---

[1]) Морошкинъ: „Іезуиты въ Россіи“, II, 5.
[2]) Heyking, 188—189.

себѣ за правило, — писала она женѣ Гейкинга,—не вмѣшиваться ни съ кѣмъ, кромѣ моихъ институтскихъ пріятельницъ, и отъ этой неизмѣнной рѣшимости ни за что не отступлю"... „И дѣйствительно,—прибавляетъ Гейкингъ,—она ни разу не была въ городѣ и постоянно жила въ глубочайшемъ уединеніи" [1]). Единственнымъ ея развлеченіемъ была постоянная переписка съ Куракинымъ и Нелединскимъ-Мелецкимъ [2]).

1800 годъ является особенно характернымъ для царствованія императора Павла: начало его ознаменовано было цѣлымъ рядомъ крутыхъ мѣръ, направленныхъ или противъ отдѣльныхъ личностей изъ высшаго общества, по преимуществу военнаго и придворнаго, или къ выставленію Павла Петровича въ непривлекательномъ видѣ; конецъ 1800-го года, напротивъ того, ознаменовалъ былъ цѣлымъ рядомъ милостей для всѣхъ штрафованныхъ и исключенныхъ изъ службы. „Всѣ эти перемѣны, приписываемыя Павлу, — говоритъ современникъ,—были только послѣдствіемъ глубоко заходившихъ соображеній и такой тонкой интриги, которая можетъ сравниться лишь съ адскою ловкостію, съ какою она приведена была въ исполненіе" [3]). Крутыя мѣры, исторгаемыя у Павла неосновательными и злонамѣренно преувеличенными доносами или столь же злонамѣреннымъ умолчаніемъ, имѣли цѣлью вызвать озлобленіе общества противъ императора; искаженіе смысла императорскихъ повелѣній или карикатурно-точное ихъ выполненіе (графъ Паленъ, напримѣръ, лично вымылъ голову, въ буквальномъ смыслѣ слова, одной высокопоставленной дамѣ) должно было представить ясныя, повидимому, доказательства психическаго разстройства государя; когда же почва была уже достаточно подготовлена, тогда въ концѣ 1800-го года умышленно наполнили Петербургъ массой людей, хотя и про-

---

[1]) Тамъ же, 190.

[2]) „Хроника недавней старины", 43 и далѣе. письма къ Нелидовой Нелединскаго. Переписка ея съ А. Б. Куракинымъ за это время еще находится въ рукописи.

[3]) Heyking, 187.

щенныхъ, но дважды озлобленныхъ, такъ какъ, по представленію Палена, предписано было всѣмъ прощеннымъ лицамъ, прежде опредѣленія ихъ вновь на службу, непремѣнно явиться въ Петербургъ для представленія государю, гдѣ бы эти люди ни имѣли свое мѣстопребываніе. Это привело въ отчаяніе людей, которые, уже впавъ въ нужду, должны были теперь совершить путь въ три или четыре тысячи верстъ до столицы, чтобы потомъ пройти, можетъ быть, столько же до назначенныхъ имъ полковъ. Многимъ изъ офицеровъ пришлось просить милостыню, чтобы добраться до Петербурга“ [1]). Дѣйствительнымъ хозяиномъ положенія былъ графъ Паленъ, вкравшійся въ безграничное довѣріе Павла и пользовавшійся постоянной и горячей поддержкой несмысленнаго Кутайсова, въ оберъ-шталмейстерскомъ мундирѣ оставшагося холопомъ въ полномъ смыслѣ этого слова и пользовавшагося близостью къ государю для того только, чтобы набивать себѣ карманы и выгодно пристроивать своихъ дочерей за знатныхъ баръ, что страшно льстило еще тщеславію; къ оправданію Кутайсова можно сказать только то, что онъ никакъ не догадывался о сокровенныхъ цѣляхъ Палена, какъ, впрочемъ, не догадывался въ то время о нихъ никто, за исключеніемъ гр. Н. П. Панина до англійскаго посла Витворта, оставившаго Россію въ маѣ 1800 г. Съ Англіей въ это время былъ у насъ разрывъ. Павелъ, въ союзѣ съ первымъ консуломъ французской республики, Наполеономъ Бонапартомъ, готовился къ военнымъ дѣйствіямъ противъ нея,—и, какъ передаютъ многіе современники,—англійскія гинеи текли обильною рѣкою въ руки Палена [2]) и другихъ единомышленниковъ его чрезъ пріятельницу Витворта, О. А. Жеребцову, сестру прощенныхъ, по просьбѣ Кутайсова, и также возвратившихся въ Петербургъ въ концѣ 1800 г. друзей Палена: князя

[1]) Тамъ же, 190.

[2]) Графъ П. А. Толстой въ мартѣ 1801 г. видѣлъ у Палена цѣлые свертки англійскихъ гиней. Будучи уже въ опалѣ, Паленъ, играя съ Зубовымъ, разъ поставилъ на карту 200.000 рублей („Русскій Архивъ“, 1882, II, 63).

Платона и графовъ Николая и Валеріана Зубовыхъ. Правой рукой Палена сдѣлался ганноверецъ, подданный англійскаго короля, генералъ-лейтенантъ русской службы, Бенингсенъ въ числѣ прощенныхъ также возвратившійся въ Петербургъ.

Въ февралѣ 1801 года, уволенъ былъ отъ службы Растопчинъ, единственно оставшійся при дворѣ изъ числа лицъ, преданныхъ Павлу, и Паленъ, уже командовавшій въ Петербургѣ войсками и полиціей, назначенъ былъ, кромѣ того, управлять и почтами. Но, кажется, Павелъ Петровичъ сталъ уже догадываться въ это время, что слишкомъ много власти далъ онъ въ руки одного человѣка... За нѣсколько дней до своей кончины онъ вызвалъ, не говоря о томъ Палену, обратно въ Петербургъ Аракчеева, жившаго въ опалѣ въ пожалованномъ ему Грузинѣ, и въ то же время обдумывалъ какой-то важный планъ, долженствовавшій измѣнить порядокъ въ управленіи. Вечеромъ 11-го марта Аракчеевъ прибылъ въ Петербургъ, но, по приказанію Палена былъ задержанъ у заставы...

Вмѣстѣ съ другими, императрица Марія Ѳеодоровна, несмотря на свое печальное положеніе, горячо любившая своего супруга, также введена была въ заблужденіе угодливостью и коварнымъ образомъ дѣйствій Палена. Оплакивая въ перепискѣ съ Нелидовой печальныя событія 1800-го года и сожалѣя о непослѣдовательныхъ и суровыхъ распоряженіяхъ Павла Петровича, окруженнаго недостойными людьми, она такъ выражалась о Паленѣ: „Паленъ достойный и почтенный человѣкъ, единственный изъ всѣхъ, занимающихъ высокія должности, котораго я еще уважаю“ [1]). Въ другомъ письмѣ она говорила еще рѣшительнѣе: „Боже сохрани, чтобы онъ оставилъ Петербургъ!“ [2]). Мысли Нелидовой были только отзвукомъ въ этомъ отношеніи мыслей Маріи Ѳеодоровны, которая, находясь въ центрѣ совершавшихся

[1]) Письмо отъ 21 декабря 1800 г. (ркп.).
[2]) Письмо отъ 20 декабря 1800 г. (ркп.).

событій, была, быть можетъ, единственнымъ источникомъ, откуда Нелидова могла получать достовѣрныя свѣдѣнія о дѣйствующихъ лицахъ [1])...

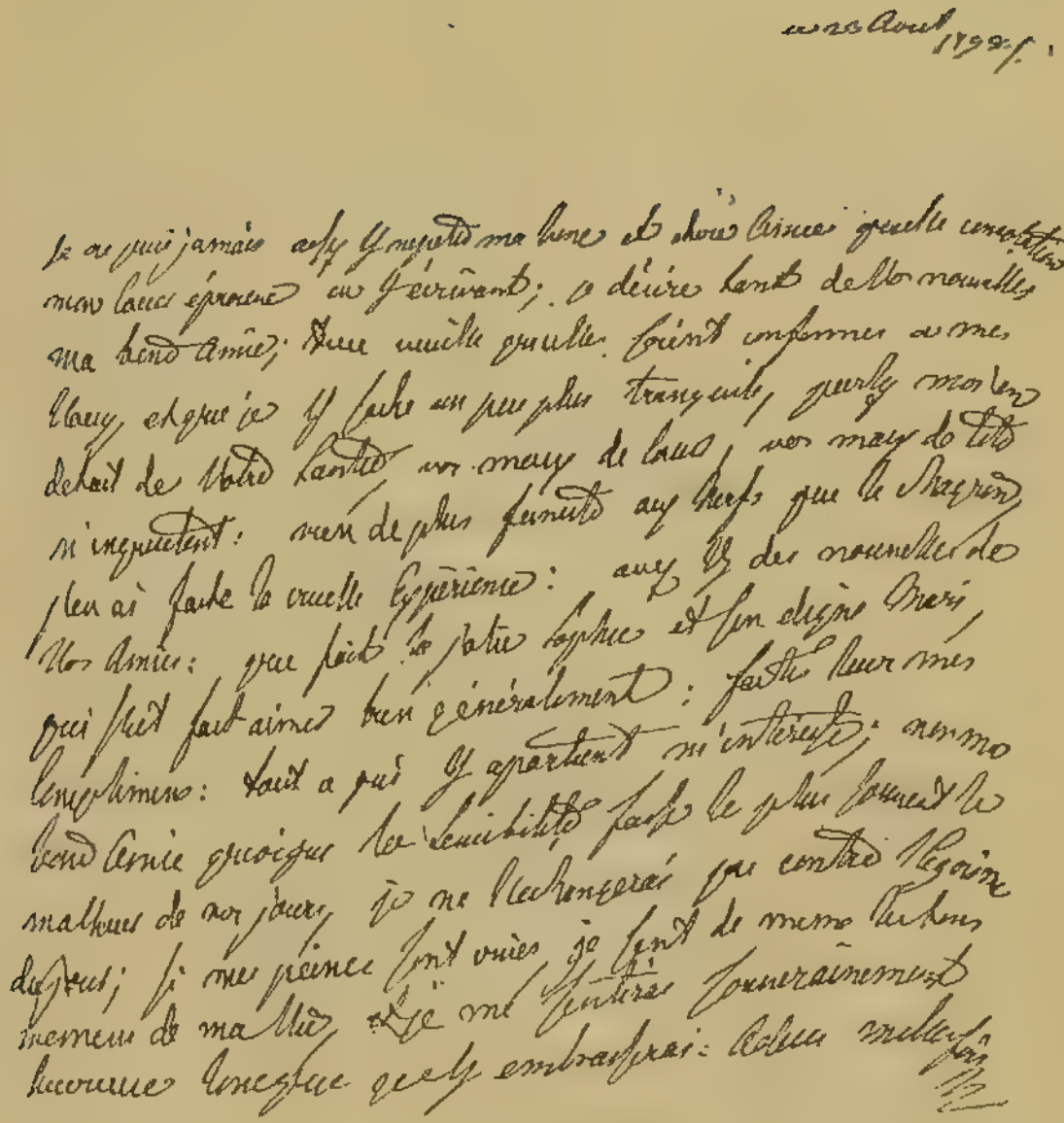
Скоропостижная кончина императора Павла Петровича въ ночь съ 11-го на 12-ое марта 1801 года произвела страшное первое потрясеніе въ Нелидовой; но, забывая о своемъ личномъ горѣ, она должна была сдерживать себя, чтобы успокоивать и утѣшать царственную свою подругу, императрицу Марію Ѳеодоровну, которая, среди радостнаго настроенія, охватившаго высшіе круги общества при восшествіи на престолъ Александра Павловича, находила себѣ отраду единственно въ обществѣ Нелидовой, столь преданной почившему несчастному государю. Горесть Нелидовой дѣйствительно была глубока и непритворна, какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, велико было и ея негодованіе на Палена. Невѣстивъ ее тотчасъ по возвращеніи своемъ въ Петербургъ, по смерти Павла Петровича, Гейкингъ, нашелъ Нелидову страшно измѣнившеюся. „Волосы ея посѣдѣли,—пишетъ онъ,—лицо покрылось морщинами, цвѣтъ лица сдѣлался желтовато-свинцовымъ, и глубокая печаль отражалась на этомъ прежде столь улыбавшемся лицѣ. При третьемъ свиданіи я засталъ ее одну. Я заговорилъ о своей женѣ, о минувшемъ времени, и глаза ея наполнились слезами, когда я разсказалъ, что мнѣ пришлось вытерпѣть. „О, несчастный государь былъ менѣе виноватъ,—сказала она,—чѣмъ тѣ, которые окружали его. Вы оба имѣете полное право не любить этого Палена“. При этихъ словахъ лицо ея оживилось, и это поразило меня тѣмъ болѣе, что обычная ея сдержанность часто доходило до притворства. „Этого недовольно,—продолжала она,—что онъ сдѣлался виновникомъ интригъ противъ своего государя

[1]) Извѣстіе („Русскій Архивъ“, 1873, II. 2169), будто Нелидова многое узнавала тогда чрезъ петербургскаго полиціймейстера Рачинскаго, своего племянника, который будто бы незадолго до 11 марта докладывалъ государю о необходимости принять мѣры,—опровергается тѣмъ обстоятельствомъ, что Рачинскій уволенъ былъ отъ должности еще 28 октября 1800 г., по вліянію, конечно, Палена („Сенатскій архивъ“, 614).

и благодѣтеля: онъ стремится еще поссорить мать и сына, чтобы управлять государствомъ, какъ первый министръ. Но я сомнѣваюсь, чтобы второй его планъ удался ему такъ же, какъ и первый. Государь любитъ свою мать, и она его обожаетъ: такую связь не разорвать Палену, при всемъ его искусствѣ въ интригахъ". Въ эту минуту въ комнату вошли двѣ дѣвицы, и разговоръ былъ прерванъ. Но при этомъ случаѣ я въ первый разъ въ жизни видѣлъ Нелидову въ гнѣвномъ настроеніи духа и внѣ той крайней осторожности, которою она всегда такъ отличалась" [1]).

Дѣйствительно, было отъ чего Нелидовой возмутиться поведеніемъ Палена, тѣмъ болѣе, что и она сама, и императрица, какъ мы видимъ, были о немъ высокаго мнѣнія; чрезвычайно строгая къ себѣ самой, Нелидова могла даже скорбѣть о томъ, что Паленъ прощенъ былъ Павломъ и вновь принятъ на службу именно въ періодъ ея всемогущества, какъ тогда же, благодаря ея же заступничеству, оставленъ былъ при особѣ государя и гардеробмейстеръ Кутайсовъ, нынѣ оберъ-шталмейстеръ, графъ и Андреевскій кавалеръ. Паленъ, тотчасъ послѣ кончины императора Павла, думалъ управлять Россіей [2]), но въ то же время онъ не могъ не видѣть, что въ лицѣ императрицы-матери пріобрѣлъ себѣ ожесточеннаго врага. Считая императора Александра, по его молодости и неопытности, вполнѣ подчинившимся своему вліянію, графъ Паленъ сталъ интриговать противъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, доложивъ императору, что она содѣйствуетъ возмущенію народа распространеніемъ иконъ съ необыкновенными надписями. Кончилось тѣмъ, что и слѣдовало ожидать: императрица, бывшая въ то время въ Гатчинѣ, объявила Александру Павловичу, что она не возвратится въ Петербургъ до тѣхъ поръ, пока тамъ останется Паленъ („so lange Pahlen in Petersburg ist, kehre ich

[1]) Heyking, 231—232.
[2]) Czartoryski: Memoires, I, 225.



(Письмо Императрицы Маріи Ѳеодоровны къ Е. И. Нелидовой).

ni-ht dahin zurück“ [1]). Тогда императоръ Александръ обратился за совѣтомъ къ вновь назначенному имъ генералъ-прокурору Беклешову, какъ поступить ему съ Паленомъ. Беклешовъ, пользовавшійся у нѣмецкой партіи репутаціей „стараго русскаго“ (un vieux russe), человѣкъ прямой и преданный монарху, „Беклешовъ,— разсказываетъ Чарторыжскій,—съ обычною ему грубостію выразилъ императору свое удивленіе, какъ можетъ русскій самодержецъ жаловаться и не приводить въ исполненіе своей воли. „Когда мухи,—прибавилъ онъ,— вертятся около моего носа, я ихъ прогоняю“. Тогда императоръ, 17-го іюня 1801 года, подписалъ указъ объ увольненіи Палена „за болѣзнями отъ всѣхъ дѣлъ“ съ приказаніемъ ему немедленно выѣхать изъ Петербурга. Беклешовъ, бывшій другомъ Палена, лично привелъ этотъ указъ въ исполненіе [2]). Уже въ началѣ мая Нелидова сообщала о томъ Нелидинскому-Мелецкому въ Москву. „Ничто не можетъ быть пріятнѣе, утѣшительнѣе, живительнѣе,—отвѣчалъ онъ,—для сердца каждаго вѣрноподданнаго, какъ то единеніе, которое господствуетъ, по словамъ вашимъ, въ царской семьѣ. Подлинно всеобщее благосостояніе не можетъ покоиться на болѣе прочномъ основаніи, и въ то же время это служитъ вѣрнѣйшимъ средствомъ къ подавленію интригъ и къ смущенію интригановъ“ [3]).

---

[1]) Heyking, 237. Разсказъ Нелидовой объ этомъ поступкѣ Палена, тамъ же, 234—236.

[2]) Czartoryski, I, 226; Heyking, 236 238.

[3]) „Хроника недавней старины“, 58.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ГЛАВА.

Съ кончиной императора Павла завершилась и главная историческая роль Нелидовой, такъ какъ почти все ея политическое значеніе основано было на личныхъ отношеніяхъ ея къ своеобразно-порывистому и, что бы ни говорили современники, рыцарски-чистому въ своихъ побужденіяхъ императору Павлу, „не въ природѣ котораго,—по мѣткому выраженію одного изъ его приближенныхъ“,—было пользоваться покоемъ въ здѣшнемъ мірѣ [1]). Въ этихъ чистыхъ отношеніяхъ, въ теплой преданности Нелидовой памяти ея царственнаго поклонника, и коренился залогъ постоянной привязанности къ ней вдовствовавшей государыни. Оставаясь попрежнему главной начальницей Смольнаго института, Марія Ѳеодоровна весьма часто посѣщала его и каждый разъ бывала у Нелидовой, а во время отсутствія своего изъ Петербурга письменно бесѣдовала съ нею. Въ первое время послѣ смерти Павла Петровича Нелидова почти вовсе не выѣзжала изъ Смольнаго, гдѣ занимала старыя свои комнаты, занятыя теперь лазаретомъ Воспитательнаго Общества благородныхъ дѣвицъ; но, съ теченіемъ времени, она была постоянной гостьей двора императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ особенности лѣтомъ и осенью, въ Павловскѣ и Гатчинѣ. Здѣсь ее принимали какъ стараго друга императорской фамиліи, и во всѣхъ чисто семейныхъ ея дѣлахъ совѣты Нелидовой имѣли

[1]) Тамъ же, 57, „Veuille l'Être Suprême, писалъ Нелидовой Нелединскій-Мелецкій 7-го апрѣля 1801 года, — lui accorder dans une autre vie la paix dont (oserais-je le dire) il n'était pas en lui de jouer dans celle-ci!“.

большой вѣсъ въ глазахъ вдовствующей императрицы, голосъ которой, въ свою очередь, имѣлъ большое значеніе для императора Александра: вліяніе Нелидовой въ этомъ отношеніи еще ждетъ своей оцѣнки. Проживая въ Смольномъ подъ покровительствомъ августѣйшей своей подруги, Нелидова занималась воспитаніемъ племянницы своей Александры Александровны Нелидовой, вышедшей потомъ замужъ за князя Трубецкаго, и составляла свой дневникъ (journal), вѣрнѣе сказать, воспоминанія о своей жизни. Къ сожалѣнію, воспоминанія эти едва-ли не утрачены навсегда, какъ утрачены для потомства мемуары другой ея современницы, также подруги Маріи Ѳеодоровны, извѣстной княгини Шарлоты Карловны Ливенъ [1]).

Оглядываясь на свое прошлое, Нелидова не могла не видѣть, какъ безсильны были ея добрая воля и добрыя чувства въ борьбѣ съ жизнію, со страстями человѣческими, и не могла не чувствовать постоянно, что къ ней самой постепенно относятся все съ меньшимъ и меньшимъ вниманіемъ. Послѣ смерти своей покровительницы-подруги въ 1828 г. Нелидова испытывала самое худшее для самолюбиваго человѣка: о ней просто забыли, и въ это время, уже въ преклонные свои годы, она проявляла болѣе раздражительности и мелочности въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ: она чувствовала постоянное незаслуженное оскорбленіе, безсильно сознавая, что они видѣли въ ней лишь отставную фаворитку въ худшемъ смыслѣ этого слова. „По отзывамъ людей, знавшихъ Нелидову въ этотъ послѣдній періодъ ея жизни,—говоритъ князь Лобановъ-Ростовскій,—нельзя было не уважать ея за образованный, своеобразный и пылкій умъ ея; нельзя было не плѣняться ея бесѣдою, когда она находилась въ добромъ расположеніи духа. Но тѣ же лица помнятъ о ея несносномъ характерѣ и о томъ, сколько терпѣли отъ ея ворчливости и требовательности

[1]) Кн. Вяземскій: „Полное собраніе сочиненій", IX, 134: „У Нелидовой,—сообщаетъ онъ,—сундукъ съ письмами Павла и своимъ журналомъ".

близкіе къ ней люди. До самой старости сохраняла она свои притязанія и важничала (sic), какъ во время оно. Въ Смольномъ монастырѣ вообще ея больше боялись, нежели любили". Для характеристики того, какъ съ ней иногда обращались и какъ она „важничала", князь Лобановъ разсказываетъ слѣдующее: „По кончинѣ императрицы Маріи Оеодоровны, вздумали было отплатить ей за ея ворчотню и докучливость, въ той увѣренности, что она не имѣетъ уже при дворѣ прежняго значенія. Въ числѣ разныхъ льготъ, которыя она сохранила за собою, поселившись въ монастырѣ, пользовалась она правомъ имѣть въ своемъ распоряженіи придворную карету и камеръ-лакея. Однажды ей надо было выѣхать, и она приказала подать карету. Ей отвѣчали, что нѣтъ ни кареты, ни камеръ-лакея, и что они взяты у нея по высшему распоряженію. Тотчасъ написала она письмо къ императору Николаю, съ выраженіемъ своей признательности за милости, которыя онъ постоянно ей оказывалъ, и съ просьбой въ послѣдній разъ одолжить ей, по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней, ту карету, которою она до сихъ поръ пользовалась, покамѣсть она не распорядится покупкой собственнаго экипажа. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того государь пріѣхалъ въ Смольный и, обошедши женскій институтъ, пошелъ тѣмъ корридоромъ, который велъ къ помѣщенію Нелидовой. Сопровождавшіе суетятся, перешептываются, и наконецъ кто-то осмѣливается доложить, что подъѣздъ совсѣмъ въ другомъ концѣ, и что его величество идетъ совсѣмъ не туда. Государь отвѣчалъ, что онъ знаетъ дорогу, и направился прямо къ Нелидовой. Онъ объявилъ ей, что ему никогда не приходило въ голову отнимать то, что ей было дано, былъ очень любезенъ и предупредителенъ. Съ того дня Нелидова не знала, куда дѣваться отъ посѣтителей; къ ней бросились лица, почти никогда у нея не бывавшія. Нечего добавлять, что происшествіе съ каретой было истолковано, какъ простое недоразумѣніе, и что съ тѣхъ поръ Нелидовой не надо было опа-

[1]) Русскій Архивъ, 1873, 2170—2171.

саться какой либо непріятности въ этомъ родѣ. Она любила разсказывать этотъ анекдотъ въ доказательство своего умѣнья бороться съ интригами и отстаивать свои права“ [1]). Мы даемъ теперь иное объясненіе ея поведенію въ этомъ случаѣ. Несправедливо заподозриваемая, невольно оскорбляемая въ лучшихъ своихъ чувствахъ и воспоминаніяхъ, Екатерина Ивановна, по свидѣтельству того же кн. Лобанова, всегда горделиво молчала объ отношеніяхъ своихъ къ императору Павлу: она слишкомъ уважала себя и слишкомъ хорошо познала людей, чтобы открывать кому-любо свою душу. Вниманіе, оказанное ей императоромъ Николаемъ, было самымъ дорогимъ для нея и самымъ осязательнымъ для другихъ доказательствомъ глубокаго уваженія, которое питалъ онъ къ самому искреннему и самому безкорыстному другу царственныхъ своихъ родителей.

Послѣдніе годы жизни своей Нелидова провела въ Смольномъ съ сестрой своей, дѣвицей Натальей Ивановной, которой послѣ смерти брата ея, почетнаго опекуна Аркадія Ивановича, бывшаго прежде генералъ-адъютантомъ Павла I, - дозволено было, по высочайшему повелѣнію, занять въ зданіи Смольнаго института комнаты рядомъ съ комнатами Екатерины Ивановны. Окна этихъ комнатъ выходятъ въ садъ, расположенный на берегу рѣки Невы, а у самой Невы устроенъ былъ Нелидовой, во вкусѣ того времени, такъ называемый эрмитажъ (хижина пустынника), который былъ лѣтнимъ ея мѣстопребываніемъ. Въ настоящее время комнаты эти, благодаря позднѣйшимъ ремонтамъ, почти утратили свой первоначальный видъ, и прекрасная живопись прошлаго столѣтія сохранилась только на потолкѣ одной комнаты, бывшей прежде залой, а въ остальныхъ замазана штукатуркой. Обстановка этихъ комнатъ также почти не сохранилась. Несомнѣнно, что Смольный институтъ, столь любимый Нелидовой, сдѣлаетъ что нужно, чтобы воздать должное памяти самой знаменитой своей воспитанницы, одной изъ благороднѣйшихъ русскихъ женщинъ и искренней подруги императрицы Маріи Ѳеодоровны, заботамъ которой

институтъ обязанъ своимъ процвѣтаніемъ. Легко понять, почему Марія Ѳеодоровна такъ привязана была къ Смольному институту, основанному Екатериной II, и почему она обезпечила его болѣе, чѣмъ заведенія, основанныя ею самою, пожертвовавъ на него изъ собственныхъ суммъ свыше полумилліона рублей: Смольный былъ институтомъ и жилищемъ ея единственной подруги.

Екатерина Ивановна Нелидова дожила до глубокой старости. Она скончалась 82-хъ лѣтъ, 2-го января 1839 г., на рукахъ племянницы своей, княгини Трубецкой, которую она любила и воспитывала, какъ дочь. „Предсмертная болѣзнь ея,—говоритъ одинъ современникъ,—продолжалась нѣсколько мѣсяцевъ; это было истощеніе физическихъ силъ, но умъ и душа бодрствовали неослабно. Она сподобилась причастія за нѣсколько недѣль до кончины своей. Въ ночь съ 1-го на 2-е января, часто засыпая, она думала, что она уже въ лучшемъ мірѣ, и когда, потомъ, пробуждалась вновь къ этой жизни, то скорбѣла, что душа ея, послѣ 82-лѣтняго странствованія, не возвратилась еще въ свѣтлую отчизну. Тѣло покойной отпѣто было въ дѣтской церкви Общества благородныхъ дѣвицъ. Здѣсь во дни младенчества своего, за 75 лѣтъ предъ симъ, она впервые услышала наставленіе въ Законѣ Божіемъ и здѣсь же возлежала она теперь предъ тѣми же иконами Спасителя и Божіей Матери, какъ бы предъ судилищемъ небеснымъ, отдавая отчетъ въ томъ, сколько свято соблюла она во всю жизнь внушенныя ей съ дѣтства правила. Глубокое благочестіе, отлично образованный умъ, любовь къ изящнымъ искусствамъ, тонкое знаніе сердца человѣческаго, веселый дѣтскій нравъ, привлекали къ ней всѣхъ ее окружающихъ съ самыхъ молодыхъ лѣтъ. Уклоняясь всегда съ рѣдкимъ самоотверженіемъ отъ высшихъ почестей и богатствъ, она старалась только облегчать, по возможности, участь ближнихъ своихъ, преимущественно тѣхъ, которые, страдая болѣе другихъ, болѣе нуждались въ помощи. Она жила по слову Евангельскому: „будьте яко дѣти“. Любила все страждущее, все безпомощное, несмотря ни на какое

различіе, не требуя взаимности, не ожидая благодарности... Заведеніе, въ которомъ развились эти рѣдкія качества души, должно по справедливости этимъ гордиться. Жаль только, что немногіе вполнѣ понимали и достойно цѣнили покойную“ [1]).

Мѣстомъ своего погребенія Нелидова избрала кладбище Большой Охты, по ту стороны Невы, которое всегда ясно созерцала она изъ оконъ своихъ комнатъ и своего эрмитажа: она какъ бы желала и по смерти своей не разлучаться съ младенческимъ своимъ пріютомъ. Дѣйствительно, съ этого кладбища Смольный—какъ бы на ладони, хотя возлѣ кладбища много новыхъ построекъ. Лѣтомъ 1896-го года я ѣздилъ поклониться могилѣ Нелидовой. Она оказалась у сѣверныхъ дверей церкви святителя Николая, но никто изъ служащихъ на кладбищѣ не зналъ о ней. На Больше-Охтенскомъ кладбищѣ находили себѣ вѣчное успокоеніе охтенцы и охтянки—люди бѣдные, простые, безхитростные, чуждые всякой политики, и среди нихъ имя Нелидовой, всегда при жизни своей скромной, участливой, сіявшей внутреннимъ, душевнымъ блескомъ,—такъ отвѣчаетъ всей непритязательной, бѣдной кладбищенской обстановкѣ! На могилѣ Нелидовой существуетъ памятникъ, не огороженный рѣшеткой. Хорошо сохранился гранитный саркофагъ, съ простою надписью, но могильныя плиты уже вошли въ землю одной своей стороной, и, безъ поправки, памятнику грозитъ паденіе. Кругомъ тѣсный лѣсъ деревянныхъ могильныхъ крестовъ, рядъ купеческихъ мавзолеевъ, а возлѣ—ни деревца, ни зелени... Пройдетъ еще нѣсколько лѣтъ, и отъ могилы Екатерины Ивановны Нелидовой, отъ одного слова которой зависѣло въ свое время счастіе и несчастіе столькихъ людей, не останется, быть можетъ, и слѣда. Невольно, при кладбищенскомъ сторожѣ, я съ грустью произнесъ вслухъ старыя, но вѣчно юныя слова: „Sic transit gloria mundi!“... Одного не сотретъ, не уничтожитъ безпощадное время: историческаго имени

[1]) „Осьмн. Вѣкъ“, III, 458—459.

Нелидовой—тѣхъ лучшихъ свойствъ русской женщины, которыхъ она была для своего времени столь благородной выразительницей.

Нынѣ (1902 г.) могила Нелидовой приведена въ полный порядокъ, благодаря заботамъ кн. С. Н. Трубецкаго.

Ce Mardi.

Pardonnez, Ma bonne Impératrice,
si en vous comprenant mal, j'ai
pu vous causer un moment de peine!
Il m'est si souvent arrivé dans ma
vie de faire des indiscrétions par pure
erreur, ou pour dire plus juste, par trop
de confiance, que je m'avoue être souvent
dans la situation du chat échaudé qui
craint l'eau froide! Et par une bizarrerie
peut être de caractère, je me laisse aller
plutôt à la peur panique qui, quelque
fois fait éviter le sort de la mouche
sur la chandelle! C'est un défaut qui,
s'il m'est même inné, que l'expérience nous
fait acquérir, qui a du moins la vertu
de corriger de l'égoïsme; mais qui n'en
rend pas moins misantrope! je me montre
à vous, ma bonne Impératrice, dans
ce moment dans toute ma difformité;
Et j'ose compter sur votre indulgence.
Mon rhume s'apaise et j'espère voir encore
aujourd'hui notre bonne comtesse, que
j'aime véritablement.

(Письмо Е. И. Нелидовой къ Императрицѣ Маріи Θеодоровнѣ).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

стр.

Дѣтство Нелидовой.—Пріемъ ея въ Смольный институтъ.—Характеристика институтскаго воспитанія временъ Екатерины.—Отношеніе смольнянокъ къ обществу и значеніе ихъ въ исторіи русской женщины.—Первый выпускъ Смольнаго института 1776 года.—Нелидова, какъ одна изъ піонерокъ русскаго просвѣщенія и «людскости» въ XVIII вѣка. 1

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Назначеніе Нелидовой фрейлиной ко двору великаго князя Павла Петровича.—Вліяніе придворной жизни на Нелидову.—Отношенія Нелидовой къ Павлу Петровичу и къ великой княгинѣ Маріи Ѳеодоровнѣ.—Финляндскій походъ великаго князя и семейная опека надъ нимъ.—Вліяніе Нелидовой на Павла; размолвка ея съ Маріей Ѳеодоровной.—Разладъ въ жизни великокняжеской четы. 15

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Душевное настроеніе великой княгини Маріи Ѳеодоровны.—Партіи, образовавшіяся при великокняжескомъ дворѣ.—С. И. Плещеевъ.—Значеніе личности Нелидовой для Павла Петровича.—Стремленіе Нелидовой удалиться отъ двора.—Переписка ея съ Куракинымъ.—Удаленіе Нелидовой въ Смольный монастырь.—Новое положеніе ея при великокняжескомъ дворѣ и его значеніе. 30

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

стр.

Придворныя интриги, окружавшія Павла Петровича.—Переломъ въ его характерѣ.—Горесть Маріи Ѳеодоровны.—Сближеніе ея съ Нелидовой, — Кутайсовъ и чета Плещеевыхъ.—Размолвка Нелидовой съ Павломъ Петровичемъ. — Проектъ Екатерины объ устраненіи Павла Петровича отъ наслѣдованія престола. — Неудовольствіе Нелидовой поведеніемъ великаго князя 47

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Воцареніе императора Павла. — Первыя его дѣйствія.—Письмо Нелидовой къ Павлу.—Милости Павла къ Нелидовой.—Сближеніе съ нею императрицы Маріи Ѳеодоровны.—Характеристика вліянія Нелидовой на образъ дѣйствій Павла Петровича.—Заступничество Нелидовой за опальныхъ 64

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Смерть г-жи Бенкендорфъ.—Торжества коронаціи—Анна Петровна Лопухина и Кутайсовъ.—Проявленія дурныхъ свойствъ характера императора. — Николай Петровичъ Архаровъ.— Назначеніе императрицы Маріи Ѳеодоровны начальствовать надъ воспитательными домами.—Въ какой мѣрѣ Нелидова содѣйствовала благотворительной дѣятельности Маріи Ѳеодоровны?. . . 80

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Отъѣздъ императорской четы изъ Москвы.—Архаровъ и императрица Марія Ѳеодоровна.—Правительственная система императора Павла Петровича и личныя его особенности.—Мелочность и строгость управленія.—Вредныя ихъ послѣдствія и неудовольствіе дворянства и общества.—Дѣятельность Архарова въ Петербургѣ.—Недовольство ею императрицы и Нелидовой.—Замѣна Архарова гр. Буксгевденомъ.—Строгость и мелочность военныхъ порядковъ при Павлѣ 86

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Лѣтнее пребываніе Павла Петровича и Маріи Ѳеодоровны въ Павловскѣ.—Маневры и парады въ Павловскѣ.—Пребываніе Нелидовой въ Петербургѣ и боязнь императрицы по этому поводу.—Военныя тревоги въ Павловскѣ.—Подозрительность императора и печаль императрицы Маріи.—Вторая тревога въ Павловскѣ и ея послѣдствія. 96

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

стр.

Размолвка Нелидовой съ императоромъ.—Крутыя и суровыя дѣйствія императора по отношенію къ войскамъ.—Увѣщанія Нелидовой.—Объясненіе императора.—Тревоги императрицы и письма ея къ Нелидовой.—Пріѣздъ Нелидовой въ Гатчину.—Гатчинскіе маневры.—Новыя строгости Павла.—Неудовольствіе офицеровъ.—Отзывы о дѣйствіяхъ Павла и вліяніе на него Нелидовой. 104

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Главные дѣятели Павловскаго царствованія.—Вліяніе Маріи Ѳеодоровны и Нелидовой на дѣла внѣшней политики и внутренняго управленія.—Образованіе партіи, враждебной императрицѣ и Нелидовой.—Безбородко, Кутайсовъ и Растопчинъ.—Рожденіе великаго князя Михаила Павловича. Увольненіе Растопчина.—Отъѣздъ императора Павла въ Москву. 114

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Прибытіе Павла Петровича въ Москву.—Интриги Кутайсова.—Анна Петровна Лопухина.—Разсказъ Гейкинга и Тургенева.—Возвращеніе Павла въ Петербургъ.—Отношеніе его къ императрицѣ и Нелидовой.—Усиленіе подозрительности въ императорѣ.—Тяжелое положеніе императрицы и невниманіе къ ней Павла Петровича. 127

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Письмо императрицы къ Лопухиной.—Гнѣвъ Павла.—Чувства Нелидовой.—Письмо императрицы къ Павлу Петровичу.—Ея надежды въ письмѣ къ Нелидовой.—Явный разладъ въ императорской семьѣ.—Увольненіе Нелединскаго-Мелецкаго.—Настроеніе двора и общества.—Замѣна графа Буксгевдена графомъ Паленомъ.—Увольненіе Алексѣя Куракина и возвышеніе П. В. Лопухина. 136

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ.

Причины упадка вліяніе Нелидовой.—Жалобы императрицы на интригановъ и довѣріе ея къ характеру своего супруга.—Письмо къ Павлу Нелидовой.—Высылка изъ Петербурга графини Буксгевденъ.—Письма Нелидовой къ Павлу по этому поводу.—Отъѣздъ ея изъ Петербурга въ замокъ Лоде. 143

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

стр.

Личность Анны Петровны Лопухиной и характеръ вліянія ея на Павла.—Увольненіе преданныхъ императрицѣ лицъ, проявленіе крайностей въ характерѣ государя.—Тревожное состояніе общества. — Горесть Маріи Ѳеодоровны о разлукѣ съ Нелидовой.—Подозрительное отношеніе къ нимъ Павла Петровича.—Образъ жизни Нелидовой въ замкѣ Лоде.—Переписка ея съ императрицей.—Переписка Нелидовой съ Павломъ и возвращеніе ея въ Петербургъ. 148

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ.

Уединенная жизнь Нелидовой въ Смольномъ.—Характеръ дѣйствій графа Палена.—Боязнь возврата вліянія Нелидовой на Павла.—Ослѣпленіе Павла Петровича.—Дѣйствія враждебной ему партіи.—Отношеніе къ Павлу Маріи Ѳеодоровны и Нелидовой.—Скорбь ихъ по кончинѣ императора.—Борьба ихъ съ Паленомъ и его увольненіе. 159

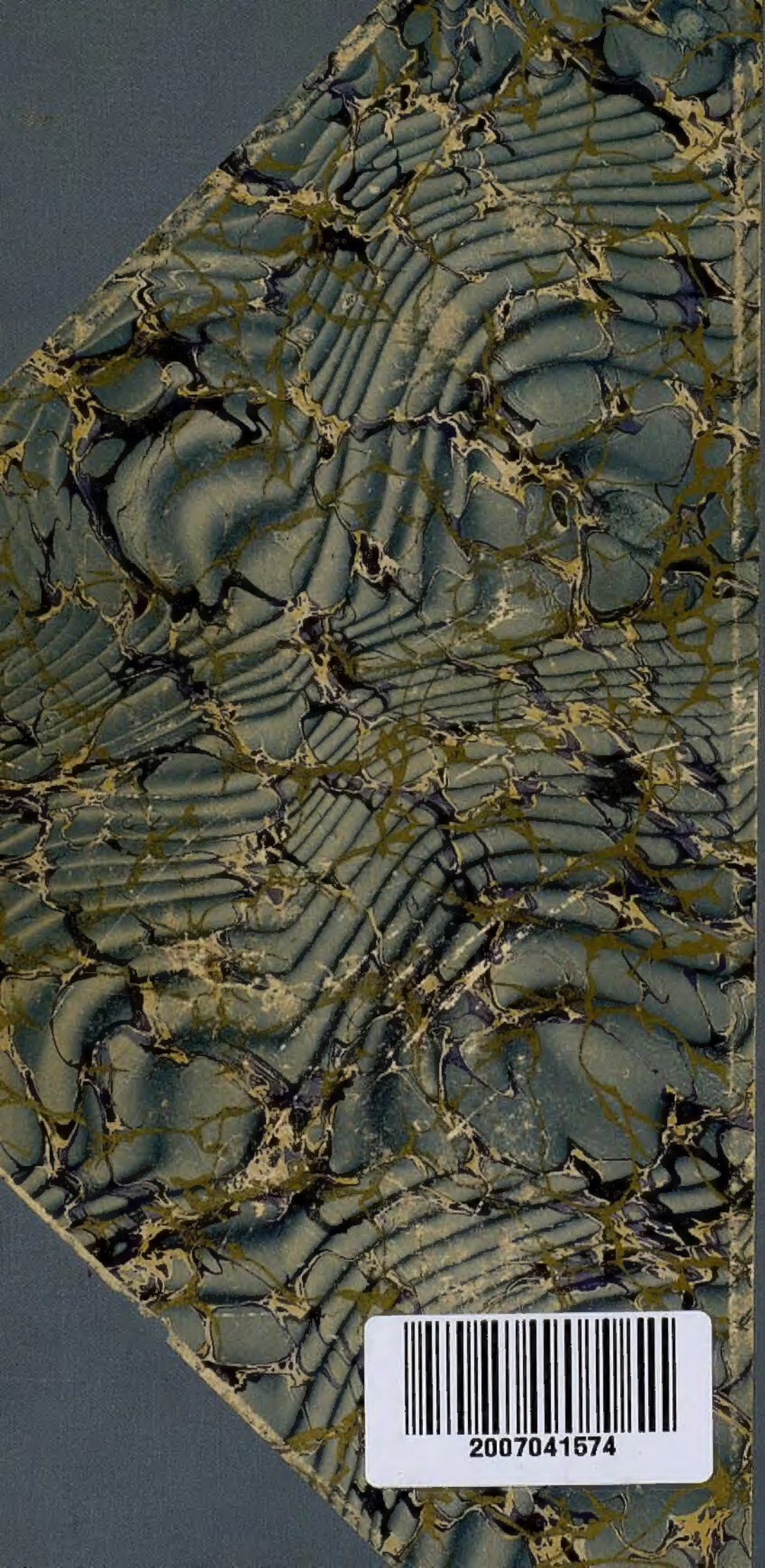
Заключительная глава. 172

Рисунки и автографы.

Послѣ стр.

Е. И. Нелидова (1787) . . . . . заглавной
Е. И. Нелидова (1774) 10
Великій князь Павелъ Петровичъ 26
Императрица Марія Ѳеодоровна 42
Гатчинскій замокъ 58
Императоръ Павелъ I 74
Князь А. Б. Куракинъ 90
Графъ И. П. Кутайсовъ 106
Автографъ императора Павла 122
Княжна А. П. Лопухина 138
Смольный монастырь 154
Автографъ императрицы Маріи Ѳеодоровны 170
Автографъ Е. И. Нелидовой 178

М 1



2007041574